

*Журнал входит в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертации
на соискание ученой степени*

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 05.05.2023 Цена свободная
Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат
внутреннему и внешнему рецензированию

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ
Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гуцын Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИИ России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Этическое многомерное исследование применения технологии больших данных. Лу Хайян 4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Правое антиправительственное движение в США в новейшее время. Чужиков Н.А., Волжанин Д.А., Дубков Н.С. 9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Трансформации российской цивилизации, обусловленные глобализационной динамикой. Ермаков Д.С. 13

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Российско-китайские отношения на Дальнем Востоке. Симонян В.Э., Квашина Ю.А. 18

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Конституционная направленность и государственной политика в сфере поддержки института крепкой семьи как традиционной российской духовно-нравственной ценности. Титова А.В., Титов В.Д. 24

Конституционные гарантии права на жизнь детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Шинкарьук Д.В. 29

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Процедуры и механизмы защиты прав работников при невыплате заработной платы через призму российского законодательства. Винярский А.Ю. 33

Социальная функция нотариата в рамках специальной военной операции. Горинова О.Э. 41

Особенности корпоративных конфликтов, осложненных иностранным элементом. Жильцов В.А. 48

Вопросы определения взаимосвязи субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве и при исключении юридического лица из государственного реестра. Кандрина Е.Г. 53

Концептуализация понятия «экономическая безопасность» в юриспруденции: цивилистический аспект. Кравченко Д.Р. 57

Конституционализация защиты экономической конкуренции. Кузнецов Д.А. 62

Защита данных и приватности в цифровую эпоху. Титов А.С. 70

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Правовое регулирование применения полицией мер административного принуждения в деятельности по охране общественного порядка. Крупин В.А. 75

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Суверенизация как одна из современных проблем института признания государств. Голушков С.В. 81

Правовое регулирование деятельности инвестиционных компаний в системе регулирования стабильности финансового рынка Европейского Союза. Сулимова Е.А. 86

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Предпосылки радикализации заключенных в местах лишения свободы на территории Российской Федерации и в зарубежных странах. Давлетгараев Ю.Н. 92

Криминология и уголовное право в обеспечении национальной безопасности. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. 97

Профилактика преступного насилия в образовательных организациях. Подорожний П.К. 103

Основные тенденции в эволюции уголовного права Франции в новое и новейшее время. Повалий С.И. 106

Систематизация преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц (рейдерства). Дорошенко Д.В. 111

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Предмет и пределы пересмотра приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в суде апелляционной инстанции. Лебедев И.В. 116

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Перспективные направления применения криминалистической компьютерной визуализации в целях реконструкции преступления. Силаков О.Ю. 122

Личность преступника как основной элемент криминалистической характеристики по делам об оскорблении. Спирев Д.В. 127

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Использование видеоигр в политической агитации: от игровых механик к политической стратегии. Аверьянов А.С. 132

Пересечение дисциплин в изучении компьютерных игр и политики. Аверьянов А.С. 136

Китай в период глобализации. Роль языка и культуры КНР. Белоусова Т.П. 140

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

Тенденции и перспективы развития института материнства и детства в Российской Федерации. Кислицын Г.А. 144

List of References

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

An ethical multidimensional study of the application of big data technology. Lu Haiyan 4

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Right-wing anti-government movement in the United States in modern times. Chuzhikov N.A., Volzhanin D.A., Dubkov N.S. 9

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLICY

Transformations of Russian civilization due to globalization dynamics. Ermakov D.S. 13

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

Russian-Chinese relations in the Far East. Simonyan V.E., Kvashina Yu.A. 18

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

Constitutional orientation and state policy in the field of supporting the institution of a strong family as a traditional Russian spiritual and moral value. Titova A.V., Titov V.D. 24

Constitutional guarantees of the right to life of orphans and children left without parental care. Shinkaryuk D.V. 29

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Procedures and mechanisms for protecting the rights of workers in case of non-payment of wages through the prism of Russian legislation. Vinyarsky A.Yu. ... 33

Social function of the notary within the framework of a special military operation. Gorinova O.E. 41

Features of corporate conflicts complicated by a foreign element. Zhiltsov V.A. 48

Issues of determining the relationship between the subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy and when a legal entity is excluded from the state register. Kandrina E.G. 53

Conceptualization of the concept of "economic security" in jurisprudence: civil aspect. Kravchenko D.R. 57

Constitutionalization of the protection of economic competition. Kuznetsov D.A. 62

Protecting data and privacy in the digital age. Titov A.S. 70

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT

Legal regulation of the use of administrative coercion measures by the police in activities to protect public order. Krupin V.A. 75

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Sovereignization as one of the modern problems of the institution of state recognition.

Golushkov S.V. 81

Legal regulation of the activities of investment companies in the system of regulation of financial market stability of the European Union. Sulimova E.A. 86

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW

Prerequisites for the radicalization of prisoners in places of deprivation of liberty on the territory of the Russian Federation and in foreign countries.

Davletgaraev Yu.N. 92

Criminology and criminal law in ensuring national security. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. 97

Prevention of criminal violence in educational organizations. Podorozhny P.K. 103

Trends in the evolution of criminal law of France in new and contemporary times. Povaliy S.I. 106

Systematization of crimes aimed for the illegal seizure of property complexes of legal entities (raiding). Doroshenko D.V. 111

CRIMINAL PROCESS

The subject and scope of review of a sentence decided on the basis of a jury verdict in an appellate court.

Lebedev I.V. 116

FORENSICS. FORENSIC EXPERT ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Promising directions for the use of forensic computer visualization for the purpose of crime reconstruction. Silakov O.Yu. 122

The personality of the criminal as the main element of forensic characterization in cases of insult. Spirev D.V. 127

MODERN POLITICAL TECHNOLOGIES

The use of video games in political campaigning: from game mechanics to political strategy.

Averyanov A.S. 132

Intersection of disciplines in the study of computer science games and politics. Averyanov A.S. 136

China in the period of globalization. The role of language and culture of the People's Republic of China. Belousova T.P. 140

CURRENT ISSUES OF MODERN LAWMAKING

Trends and prospects for the development of the institution of motherhood and childhood in the Russian Federation. Kisilitsyn G.A. 144

Этическое многомерное исследование применения технологии больших данных

Лу Хайян

Институт государственного управления Хэйлунцзянского университета

По мере широкого применения технологии больших данных ее этические вопросы становятся все более заметными, поэтому этическое многомерное исследование применения технологии больших данных способствует продвижению социальной справедливости, обеспечению гражданских свобод и прав, поддержанию стабильного развития общества и созданию сообщества социального управления. Этические проблемы применения технологий больших данных в основном обусловлены утилитарной тенденцией технологий больших данных, невзаимодополняемостью технологий больших данных и этики и недостаточным предложением систем больших данных. Поэтому Китаю необходимо создать систему управления, такую, как система обучения применению технологий больших данных, система верховенства закона, система оценки проблем, система безопасности и защиты, система реагирования на чрезвычайные ситуации, чтобы обеспечить здоровое и устойчивое применение технологий больших данных.

Ключевые слова: технологии Big Data; Этика; Системы данных; система управления

Наука и техника, являющиеся двумя основными движущими силами прогресса человеческого общества, тесно взаимосвязаны и сложны. «соединение в одно целое становится важной и играющей огромную роль практической деятельностью человека, инкрустированной в общество». [1] Сегодня технология больших данных стала одним из представителей современных технологий и имеет очень широкую сферу применения. В области государственного управления технологии больших данных уже применялись в таких областях, как социальное управление, общественная безопасность и регулирование рынка, став неотъемлемой частью современного общества. Однако с широким применением технологии больших данных она также вызвала такие этические проблемы, как утечка частной жизни, социальная несправедливость, злоупотребление данными и информацией, ослабление мыслительных способностей человека и отчуждение труда, что бросило серьезный вызов государственному управлению. Поэтому этические исследования по применению технологий больших данных приобретают большое значение. Во-первых, этические исследования применения технологий больших данных помогают продвигать социальную справедливость. С распространением технологий больших данных постепенно повышается социальная прозрачность, что в то же время приводит к возникновению новых проблем неравенства. Благодаря этическим исследованиям в области применения технологий больших данных можно сформировать у общественности возможности для применения технологий больших данных, что позволит лучше сократить цифровой разрыв, осуществить обмен данными и эффективно сдерживать возникновение проблем привиле-

гий и неравенства, чтобы сделать общество более справедливым, справедливым и гармоничным и упорядоченным; Во-вторых, этические исследования по применению технологий больших данных могут гарантировать реализацию гражданских прав на свободу. Благодаря рациональному применению технологии Big Data люди могут более эффективно знакомиться с маскировкой других людей, раскрывать их истинные мысли и намерения, тем самым уменьшая количество обмана и мошенничества среди членов общества. Этические исследования в области применения технологии больших данных обеспечивают, чтобы использование технологии данных осуществлялось в соответствии с установленными этическими нормами, что позволяет восстановить свободу человека и лучше защищать свои законные права. Например, в социальных сетях анализ этических вопросов с помощью технологии больших данных может более точно выявлять и бороться с дезинформацией, вредоносными атаками и другими действиями, а также защищать и право на частную жизнь пользователей; В-третьих, этические исследования по применению технологий больших данных помогают поддерживать стабильное развитие общества. Проведение этических исследований по применению технологии больших данных может повысить моральное сознание пользователей технологии больших данных, уточнить их субъектную этическую ответственность, решить проблемы с утечкой конфиденциальности и безопасностью данных, вызванные применением технологии больших данных, повысить чувство безопасности человека, содействовать развитию человеческого общества в направлении более свободной и открытой личности. Например, что касается общественной безопасности, то с помощью анализа безопасности больших данных можно более эффективно прогнозировать и реагировать на различные угрозы безопасности, а также защищать жизнь и имущество населения; Наконец, этические исследования по применению технологий больших данных помогают создать сообщество социального управления. Соблюдение принципов этики больших данных способствует созданию рациональной системы правил и стандартов применения больших данных, содействует безопасному, законному и эффективному обмену данными, содействует сотрудничеству и взаимодействию всех сторон социального управления. Например, в области общественного здравоохранения страна с помощью этического анализа технологии больших данных

более точно понимает и прогнозирует тенденции и последствия распространения заболеваний, разрабатывает более научные и рациональные стратегии и меры профилактики и контроля, уменьшает панику и беспокойство среди общественности, а также может укрепить международное сотрудничество в целях совместного реагирования на глобальный кризис в области общественного здравоохранения.

Этические вопросы, возникающие в связи с применением технологии больших данных, постоянно находятся в центре внимания. Эти проблемы возникают в основном из-за утилитарной склонности технологий больших данных, невзаимодополняемости технологий больших данных и этики, недостаточного предложения систем больших данных и т.д. Во-первых, утилитарная склонность технологий больших данных является одним из источников их этических проблем. Технологии больших данных с утилитарной ориентацией, которые часто нацелены на максимизацию выгод, будут постепенно выхолащивать или даже игнорировать ценностные факторы. С феноменологической и экзистенциальной точек зрения Хайдеггер критически оценивал социальные факты, в которых технологии затевают истину. [2] Эта тенденция может привести к ошибочной ценностной ориентации и создать угрозу общественным ценностям. Например, когда технологии больших данных используются для размещения рекламы, некоторые рекламодатели могут игнорировать влияние рекламного контента на общественность, чтобы максимизировать выгоду, что порождает этические вопросы, такие как доверие, конфиденциальность и безопасность; Во-вторых, по мере непрерывного совершенствования алгоритмов больших данных и непрерывного обогащения параметров данных, они предоставляют обществу более продвинутые и точные функции прогнозирования и анализа, а также уменьшают возможности человека для размышлений и ослабляют его субъектность. Информационный кокон означает, что когда люди сталкиваются с огромным количеством информации о данных, алгоритмы больших данных разрабатывают персонализированный информационный толчок, вычисляя потребности пользователей, когда объем информации становится больше, люди больше зависят от каналов доступа к информационному толчку, в свою очередь алгоритм овладевает количеством и качеством информации, получаемой людьми, контролирует мышление и идеи людей, ограничивает людей мыслить в пределах, определенных для алгоритмов боль-

ших данных, ослабляет первоначальную способность людей мыслить и решать проблемы, поэтому у общественности нет решений для недобросовестных проблем и дискриминационных действий, порождаемых технологией больших данных; Наконец, несмотря на то, что развитие технологии больших данных в Китае стремительно развивается, соответствующие системы, механизмы и институты недостаточно обеспечены, что приводит к отсутствию институционализации и регламентации в развитии технологии больших данных, полно случайности и неопределенности. Несмотря на то, что в Китае уже введены правовые нормы в области защиты персональной информации и безопасности данных, для их эффективного осуществления соответствующими ведомствами все еще необходим процесс. В то же время в Китае отсутствует законодательство, касающееся защиты активов данных и информации, специальных технологий данных и контроля и управления данными и информацией, что приводит к отсутствию надлежащих институциональных норм для применения технологий больших данных и порождает многочисленные этические проблемы.

Столкнувшись с многочисленными этическими проблемами, которые создает для общества применение технологий больших данных, нам необходимо создать систему управления их применением и в дальнейшем выявить их благоприятствующие преимущества. Во-первых, создать систему обучения применению технологий больших данных. Для достижения этой цели государство должно проводить в высших, средних и начальных школах образовательные курсы по технологической грамотности в области больших данных, безопасности применения больших данных и вовлечения больших данных. Для учеников начальных классов с помощью кейсов и игр с яркими образами можно будет узнать, что такое технологии больших данных, чем они ценны и как их правильно применять. Для учащихся средних школ можно добавить некоторые более глубокие элементы, такие как классификация больших данных, анализ больших данных и добыча данных, чтобы дать им больше навыков реагирования на этические проблемы больших данных. Для студентов вузов могут быть организованы специальные курсы по безопасности приложений больших данных, которые позволят им в полной мере овладеть навыками безопасности получения данных, безопасности обработки, безопасности анализа и безопасности применения. Помимо школьного образования, госу-

дарство должно проводить в обществе кампании по популяризации рационального и безопасного применения технологий больших данных. Например, государство может с помощью телевидения, радио, газет, Интернета и других каналов распространять среди населения этические вопросы, которые могут возникнуть в связи с технологией больших данных, а также навыки реагирования, повышать их осведомленность, понимание и способность решать этические вопросы больших данных; Во-вторых, создать правовую систему для применения технологий больших данных. Лю Янь и другие утверждали, что «закон является важным способом решения проблемы этики больших данных» [3]. Поэтому государству необходимо активно содействовать эффективному применению Закона о защите персональной информации и Закона о безопасности данных, а также принять специальное законодательство о защите данных и информационных активов, специальных технологиях данных и контроле и управлении данными, чтобы обеспечить защиту данных и информационных активов и усилить контроль за специальными технологиями больших данных, внедрить этику на уровне политики и закона в течение всего жизненного цикла данных, чтобы обеспечить правовую основу [4]. Кроме того, следует усилить контроль за соответствующими отраслями, усилить борьбу и наказание за правонарушения с использованием больших данных в отношении учреждений, а также частных лиц, а также регламентировать поведение людей в области применения больших данных. Это необходимо не только для решения проблем этики больших данных, но и для защиты национальной безопасности и социальной стабильности. В-третьих, создать систему оценки этических вопросов применения технологий больших данных. Для эффективного решения этических проблем применения технологий больших данных соответствующим ведомствам необходимо создать систему оценки, включающую выявление этических проблем, оценку этических проблем, мониторинг этических проблем и отчетность по этическим проблемам. Первым из них является выявление этических проблем в применении технологий больших данных. Соответствующие ведомства могут своевременно выявлять и распознавать этические проблемы в различных применениях технологий больших данных с помощью сканирования дырок и аудита безопасности. Второй шаг — оценка этических вопросов применения технологий больших данных. На основе выявления этических проблем

больших данных необходимо оценить и классифицировать эти этические проблемы в соответствии с такими факторами, как чувствительность данных, вероятность их утечки, а также масштабы влияния, уточнить степень их влияния на экономику и общество и разработать соответствующие программы реагирования на этические проблемы. Третий шаг — мониторинг этических вопросов применения технологий больших данных. После определения вариантов реагирования на этические проблемы соответствующим ведомствам необходимо использовать различные технические средства, такие как обнаружение проникновения, журнал безопасности и т.д., чтобы осуществлять мониторинг этических вопросов больших данных в реальном времени, повышать уровень управления информационной безопасностью с технической стороны

[5] для обеспечения эффективности ответных мер. Заключительный шаг — это отчетность по этическим вопросам применения технологий больших данных. Соответствующим ведомствам необходимо своевременно докладывать вышестоящим компетентным органам об этике больших данных и ее обработке, при этом необходимо учитывать своевременность и точность, чтобы вышестоящие компетентные органы могли принимать правильные решения и своевременно принимать меры для реагирования на новые проблемы; В-четвертых, создать систему безопасности и защиты от применения технологий больших данных. С одной стороны, нам необходимо создать совершенную систему управления безопасностью технологий больших данных, включающую в себя нормы безопасности технологии больших данных, операционные процессы, планы действий на случай чрезвычайных ситуаций и другие элементы для обеспечения соответствия и безопасного применения технологии больших данных. В то же время мы должны регулярно пересматривать и обновлять систему управления безопасностью больших данных, с тем чтобы адаптироваться к меняющимся оперативным потребностям и технологическим условиям. С другой стороны, нам необходимо усилить защиту технологий безопасности больших данных с помощью таких мер, как шифрование данных, контроль доступа, аудит безопасности и сканирование дыр; В-пятых, создать систему экстренного реагирования на применение технологий больших данных. На основе оценки этических вопросов применения технологий больших данных будет разработана система экстренного реагирования. Это включает стра-

тегии, процессы и технологии для решения различных типов вопросов этики больших данных, четкое разделение обязанностей между администрациями больших данных, а также способы сотрудничества, разработку графиков и приоритетов для решения вопросов этики больших данных. В то же время необходимо постоянно обновлять и совершенствовать их в соответствии с реальным положением дел, чтобы они соответствовали меняющейся ситуации с применением технологии больших данных. Кроме того, для обеспечения успешной реализации плана реагирования на чрезвычайные ситуации необходимо также создать систему резервного копирования и восстановления данных, усилить защиту кибербезопасности, повысить возможности обработки и анализа данных и другие технические гарантии, чтобы снизить вероятность возникновения этических проблем с большими данными и повысить безопасность и надежность применения технологий больших данных.

Короче говоря, перед лицом этических проблем и социальных вызовов, связанных с применением технологий больших данных, Китаю необходимо создать систему обучения применению технологий больших данных, систему верховенства закона, систему оценки проблем, систему безопасности и защиты, систему реагирования на чрезвычайные ситуации и другие системы управления, чтобы снизить негативное влияние применения технологий больших данных и выявить их мощные преимущества, расширяющие возможности. Только так мы сможем эффективно решить этические проблемы, возникающие в связи с применением технологий больших данных, и обеспечить их здоровое и устойчивое применение. Принося больше пользы обществу, в полной мере учитывая человеческие ценности и этические принципы, постоянно внося свой вклад в поддержание социальной гармонии и стабильности и повышение благосостояния народа.

Литература

1. У Юнчжун, Ван Вэньцзянь. Исследование проблем социальной нормы развития науки в области техники[J]. Информационный бюллетень по диалектике природы, 2018 (09):97.
2. Ван Сяофан, Ван Лэй. «Технологический Левиафан»: Потенциальные риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта в социальное управление, и ответные меры правительства[J]. Электронное правительство, 2019 (05):89.
3. Лю Янь, Сун Цзисинь. Конфликт прав и правовые нормы в вопросах этики больших

данных — в центре внимания права на личную информацию[Дж. Журнал Ляонинского университета (издание по философии и общественным наукам), 2018 (6):123.

4. Сун Цзинцзин. Переход от информационной этики к этике данных: прослеживаемость, движущая сила и путь [J]. Библиотечные исследования, 2020 (3):39.

5. Тянь Вэйлинь. Исследование причин и предотвращения проблемы этической аномии больших данных[ДЖ]. Изучение идеологии и образования, 2018 (8):111.

An ethical multidimensional study of the application of big data technology

Lu Haiyan

Heilongjiang University

With the widespread application of big data technology, its ethical issues are becoming more prominent, so ethical multi-dimensional research on the application of big data technology contributes to promoting social justice, ensuring civil liberties and rights, maintaining the stable development of society, and building a community of social governance. The ethical issues in the application of big data technologies are mainly due to the utilitarian tendency of big data technologies, the non-complementarity of big data technologies and ethics, and the insufficient supply of big data systems. Therefore, China needs to establish a management system, such as a big data technology application training system, a rule of law system, a problem assessment system, a safety and security system, and an emergency response system, to ensure the healthy and sustainable application of big data technology.

Keywords: Big Data technologies; Ethics; Data Systems; control system

References

1. Wu Yongzhong, Wang Wenqian. Study of problems of social norms for the development of science in the field of technology[J]. Dialectics of Nature Newsletter, 2018 (09):97.
2. Wang Xiaofang, Wang Lei. "Technological Leviathan": Potential risks associated with the introduction of artificial intelligence into social management and government responses[J]. Electronic government, 2019 (05):89.
3. Liu Yan, Song Jixin. Conflict of rights and legal rules in big data ethics - focus on the right to personal information [J]. Journal of Liaoning University (Philosophy and Social Sciences Press), 2018(6):123.
4. Song Jingjing. Moving from Information Ethics to Data Ethics: Traceability, Driver and Path [J]. Library Research, 2020 (3):39.
5. Tian Weilin. Research on the causes and prevention of the problem of ethical anomie of big data[J]. Studies in Ideology and Education, 2018(8):111.

Правое антиправительственное движение в США в новейшее время

Чужиков Николай Александрович

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Волжанин Даниил Андреевич

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Дубков Никита Сергеевич

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В статье описана деятельность правого антиправительственного движения в США, а также формы его организации и идеологическое наполнение. Выделены основные этапы развития движения и причины его популярности среди населения США. Особое внимание авторы уделили историческим предпосылкам, вызывающим к жизни антиправительственные устремления. В статье также показано, что правое движение оказывает существенное влияние на современную политику в Соединённых Штатах посредством массовой мобилизации и акций прямого действия. Авторы указали на политиков, исповедующих антиправительственные взгляды в американском государстве и их идеологических оппонентов.

Ключевые слова: США, правое движение, антиправительственное движение, ополчение, Дональд Трамп.

Одной из отличительных характеристик американского общества является предельная идеологическая гетерогенность. Благодаря свободе слова – актуальной политической традиции, – США стали своеобразным заповедником идей, некоторые из которых преследуются по закону в других странах. Принципы федерализма, свободы слова и стремления к счастью, заложенные отцами-основателями в Конституции, определили облик политической системы этой страны и вместе с тем зафиксировали проблемные вопросы, которые не теряют актуальности по сей день. Степень полномочий федерального правительства, права штатов, право населения на оружие, право на частную собственность – это далеко не полный круг тем, вокруг которых ведутся споры. Сторонники правых взглядов, объединённые в т. н. «ополчения», стремятся отстоять свою позицию на политическое устройство страны и решить имеющиеся противоречия. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы определить организационную форму и идеологическое содержание правого антиправительственного движения в США.

США – государство, рождённое в борьбе против доминирующего социального и политического порядка. Корни первых идеологических конфликтов мы находим ещё в Старом Свете: в XVII веке пуритане не нашли компромисса с англиканской церковью и приняли решение строить новое общество в соответствии со своими представлениями о христианстве в малоизученной на тот момент Америке. На корабле «Мейфлауэр» отцами-пилигримами заключается первое публичное соглашение, в соответствии с которым экипаж корабля признаётся «гражданским политическим организмом». Отныне в целях выживания «организма» меньшинство подчиняется воле большинства – так сталкивается идея личной автономии и личных прав с принципом диктатуры большинства. Этот конфликт станет неотъемлемой частью американской истории [1, с. 31].

Вторым судьбоносным событием для американского общества стала борьба за независимость. Основываясь на мощной интеллектуальной базе, Тринадцать колоний повели войну против тирании англичан. Идеи свободы, ра-

венства и естественных прав вышли из состояния кабинетных дискуссий и стали аксиомами для нового общества, основанного на праве местного самоуправления.

Война за независимость стала не только первым серьёзным шагом для молодого государства, но и во многом отразила культурные особенности американского народа: стремление к самоуправлению, скептицизм по отношению к власти (на тот момент к английской короне), борьбу с тиранией. Помимо чисто практических следствий, она имела метафизическое значение. Две вещи склоняли американского патриота взяться за оружие: требования, продиктованные политической теорией, и обязательство, наложенное религией, – участие в борьбе против тёмных сил ради построения Царства Христа [1, с. 312]. Ощущение собственного предназначения и своей исключительности развязывало руки борцам за христианские ценности, наделяло их особым идеологическим оружием, отнимающим человеческие жизни взамен на достижение сверхисторической задачи англосаксов [1, с. 313].

Таким образом, история зарождения государственности Соединённых Штатов даёт понять, что американское общество в силу культурных особенностей пронизано антиправительственными тенденциями. Однако в разное время борьба за личную свободу принимала разные формы и была основана на разных идеологических платформах. В этой статье мы выделим формы, которые принимают правые антиправительственные движения, и рассмотрим их идеологию.

Правый сектор идеологического спектра антиправительственных организаций представляет «Движение ополчения» (Militia movement). Это собирательное название для парамилитарных частных организаций, члены которых исповедуют конспирологические взгляды на политику в США и считают себя защитниками традиционных свобод от государственного притеснения [6].

В соответствии с федеральными законами «ополчение» (militia) определяется как «совокупность трудоспособных граждан определённого возраста, которые могут быть призваны на службу федеральным правительством или правительством штата в чрезвычайные ситуации» [9]. Американское законодательство выделяет два типа ополчения: «организованное», – в которое входят члены Национальной гвардии США и штатов или других государственных воинских формирований и «неорганизованное», – состоящее из всех остальных членов ополче-

ния, понимаемых как соответствующая совокупность трудоспособных граждан [9]. Несмотря на то, что рассматриваемые нами организации не подпадают под определение закона и не могут считаться ополчением, журналисты, политики и правоохранительные органы часто используют термин «ополчение» для обозначения парамилитарных движений, не связанных с правительством. Иногда их называют «частные ополчения» (private militias) [4].

История возникновения ополчений восходит к 1930-м годам, однако современный тип частных ополчений появляется в 1960-е годы. Члены таких организаций в основном исповедуют крайне правые взгляды. Некоторые ополченцы верят, что политическая власть в США была захвачена так называемым «Сионистским оккупационным правительством» (ZOG), в котором доминируют евреи [7]. Во время президентства Дональда Трампа в среде ополченцев получила распространение конспирологическая теория «QAnon», утверждающая, что Соединёнными Штатами правит тайная группировка сатанистов-педофилов, состоящая из лидеров Демократической партии, влиятельных бизнесменов, голливудских актёров, членов королевских семей и других известных личностей [5].

Также в среде ополченцев распространены маргинальные конституционные доктрины. Например, сторонники «движения общего права» (Common Law movement) отрицают авторитет всех правительственных учреждений выше уровня графства. Некоторые из них склонны полагать, что американское правительство нарушает права и свободы граждан, соглашаясь жить в соответствии с так называемым «Новым мировым порядком» (New World Order). Эта теория гласит о том, что теневое правительство посредством глобализации желает установить тираническое господство над всем миром. Некоторые сторонники утверждают, что политическая элита США является частью всемирного заговора, она притесняет население через введение новых налогов, лоббирование законов об ограничении свободного ношения и продажи оружия, а также покушается на частную собственность американцев [2].

В 1980-е годы происходит расцвет ополчения, движение пополняется большим количеством новых членов, среди которых антиправительственные «выживальщики» (survivalists), сторонники «общего права», превосходства белой расы, противники аборт и налогов. Они объединяются в «патриотическое движение»

(Patriot movement) и с развитием информационно-коммуникационных технологий в 1990-е начинают транслировать свои идеи во всемирной сети Интернет.

Через трагические события, связанных с противостоянием рядовых граждан с федеральными службами на рубеже веков вызвала к жизни многие антиправительственные устремления американцев и привлекла в ряды ополчения новых сторонников. В 1992 году ходе противостояния в Руби-Ридж были убиты жена и сын «выживальщика» и белого сепаратиста Рэнди Уивера. Через год случилась трагическая осада ранчо в Уэйко, Техас. В ходе противостояния с федеральными службами, в том числе с ФБР, на ранчо погибло 80 членов общины «Ветвь Давидова». Этот инцидент вызвал шквал критики в отношении федеральных правоохранительных органов. Оба события были восприняты ополченцами как охота правительства на диссидентов. Так, частные ополчения привлекли большое количество новых сторонников на западе страны, особенно в Мичигане. К середине 1990-х годов общенациональное ополченческое движение насчитывало 40 000 членов и примерно 900 групп [6]. Однако, поддержка движения пошла на спад в результате теракта, организованного Тимоти Маквейном в Оклахома-Сити. 19 апреля 1995 года было взорвано федеральное здание, число погибших составило 168 человек. Впоследствии выяснилось, что Маквейн исповедовал антиправительственные взгляды, был недоволен законодательством о контроле над огнестрельным оружием и принадлежал к субкультуре выживальщиков. Последующие репрессии в отношении наиболее активных ополченцев существенно снизили потенциал движения.

Следующая волна популярности ополчения началась после победы Барака Обамы на выборах президента США в 2008 году. Недовольные афроамериканским президентом, экономическим кризисом и политикой Демократической партии по ужесточению контроля над оборотом оружия, ополченцы стали вербовать в свои ряды новых сторонников, включая бывших военнослужащих. Согласно отчётам Southern Poverty Law Center, с 2007 года начался рост частных ополчений: с 40 до 300 групп в 2010 году [3]. В это время создаются ныне действующие организации «Три Процента» (Three Percenters), «Хранители клятвы» (Oath Keepers) и «Конституционные шерифы» (Constitutional Sheriffs).

Выборы 45 президента США существенно оживили общественную деятельность ополченцев. Несмотря на укоренившуюся антиправительственную позицию, многие члены организаций поддержали Дональда Трампа во время избирательной кампании. Ряд высказываний кандидата от республиканцев привлёк большое количество правых сторонников. Их мнения сошлись по вопросам свободной продажи оружия, ограничения иммиграции, снижения налогового бремени с американцев и невмешательства федерального правительства в дела штатов.

Сегодня частное ополчение активно противостоит сторонникам превосходства чёрной расы «Black Lives Matter» и террористическому движению «Антифа» [8]. Последняя наиболее известная акция ополченцев – захват Капитолия в 2021 году. Среди сторонников правых взглядов в США распространена теория о фальсификации президентских выборов 2020 года в пользу кандидата от Демократической партии. Акцию в Капитолии едва ли можно назвать организованной, сторонники Трампа попытались прервать подсчёт голосов коллегии выборщиков с целью пересмотреть результаты выборов. Однако, позитивных итогов протестующим достичь не удалось: официальные результаты выборов остались в силе, в ходе акции зданию был причинён ущерб, погибло 5 человек и арестовано более 1000 человек.

Таким образом, правое антиправительственное движение в Соединённых Штатах представляется разнородным и разделённым на множество неформальных организаций. Несмотря на это, можно выделить их общие идеологические элементы. Американские правые озабочены проблемой избыточности полномочий федерального правительства, глобализации, ужесточением законодательства в области контроля над оружием. Во многом их взгляды можно охарактеризовать как консервативные и республиканские. Они выступают за широкую автономию штатов и сохранение традиционного для данной местности уклада жизни.

Тенденция к полевению политической системы США, начавшаяся в 1930-е годы, продолжается до сих пор. Поэтому среди радикальных правых распространяются теории о глобальном заговоре элит, цель которых состоит в уничтожении права на частную собственность и гражданских свобод, заложенных отцами-основателями в Конституции.

Литература

1. Белькович Р. Ю. Кровь патриотов: введение в интеллектуальную историю американского радикализма. – СПб.: Владимир Даль, 2020. - 505 с.

2. Хмелевский С. В. Проблематика, направления, эвристический потенциал современной конспирологии // Социально-политические науки. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-napravleniya-evristicheskiy-potentsial-sovremennoy-konspirologii> (дата обращения: 02.04.2024).

3. A Guide to the New Militia Movement // PBS URL: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/interactive/militia-movement/> (дата обращения: 02.04.2024).

4. Are Private Militias Legal in Texas? // Mary Beth Harrell URL: <https://marybethharrell.com/blog/are-private-militias-legal-in-texas/> (дата обращения: 02.04.2024).

5. Holoyda, Brian. "QAnon". Encyclopedia Britannica, 11 Mar. 2024, <https://www.britannica.com/topic/QAnon>. Accessed 2 April 2024.

6. Jenkins, John Philip and Duignan, Brian. "militia movement". Encyclopedia Britannica, 1 Mar. 2024, <https://www.britannica.com/event/militia-movement>. Accessed 2 April 2024.

7. MacDonald A. The Turner Diaries. - М.: Нобель Пресс, 2024. - 118 с. 5

8. Proud Boys and Antifa Clash at Portland Rally // Business Insider URL: <https://www.businessinsider.com/watch-proud-boys-and-antifa-clash-in-portland-2021-8> (дата обращения: 02.04.2024).

9. U.S. Code § 246 - Militia: composition and classes // Legal Information Institute URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/246> (дата обращения: 02.04.2024).

Right-wing antigovernment movement in the U.S. in modern times

Chuzhikov N.A., Volzhanin D.A., Dubkov N.S.

Far Eastern Federal University

The article describes the activity of the right-wing anti-government movement in the USA, as well as the forms of its organization and ideological content. The main stages of the movement's development and the reasons for its popularity among the US population are emphasized. The authors paid special attention to the historical prerequisites that give rise to anti-government aspirations. The article also shows that the right-wing movement has a significant impact on contemporary politics in the United States through mass mobilization and direct action. The authors pointed out the politicians professing anti-government views in the American state and their ideological opponents.

Keywords: United States, right-wing movement, anti-government movement, militia, Donald Trump.

References

1. Belkovich R. Yu. Blood of Patriots: An Introduction to the Intellectual History of American Radicalism. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. - 505 p.

2. Khmelevsky S.V. Problems, directions, heuristic potential of modern conspiracy theory // Socio-political sciences. 2013. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-napravleniya-evristicheskiy-potentsial-sovremennoy-konspirologii> (date of access: 04/02/2024).

3. A Guide to the New Militia Movement // PBS URL: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/interactive/militia-movement/> (access date: 04/02/2024).

4. Are Private Militias Legal in Texas? // Mary Beth Harrell URL: <https://marybethharrell.com/blog/are-private-militias-legal-in-texas/> (accessed 04/02/2024).

5. Holoyda, Brian. "QAnon." Encyclopedia Britannica, 11 Mar. 2024, <https://www.britannica.com/topic/QAnon>. Accessed 2 April 2024.

6. Jenkins, John Philip and Duignan, Brian. "militia movement". Encyclopedia Britannica, 1 Mar. 2024, <https://www.britannica.com/event/militia-movement>. Accessed 2 April 2024.

7. MacDonald A. The Turner Diaries. - М.: Nobel Press, 2024. - 118 p. 5

8. Proud Boys and Antifa Clash at Portland Rally // Business Insider URL: <https://www.businessinsider.com/watch-proud-boys-and-antifa-clash-in-portland-2021-8> (date of access: 02.04.2024).

9. U.S. Code § 246 - Militia: composition and classes // Legal Information Institute URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/246> (access date: 04/02/2024).

Трансформации российской цивилизации, обусловленные глобализационной динамикой

Ермаков Дмитрий Сергеевич

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Сахалинского государственного университета, ermak64@mail.ru

В статье рассмотрено понятие цивилизации. Обозначено место российской цивилизации в ряду других современных цивилизаций. Сделан вывод о том, что отличительной чертой российской цивилизации выступает доминирующая роль т. н. символического (духовного) капитала. Особую значимость приобретают ценности, идеалы, культура, морально-нравственные установки, а также приемы и методы их диффузии в обществе и ретрансляции последующим поколениям. Обозначена роль глобализации в современном мире. Представлены риски, генерируемые глобализационными процессами, для развития цивилизации и ее культурного ядра. Сделан вывод о том, что Россия сознательно отвергает западоцентристскую парадигму и предпринимает попытки укрепления или восстановления своей исторической традиции, защищая таким образом свое место в глобальном мире.

Ключевые слова: цивилизация, глобализация, российская цивилизация, западоцентризм, символический капитал

В общем виде цивилизацию принято определять как «целостную систему, представляющую собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем, воспроизводимых на принципах, отличных от принципов, действующих в иных системах» [7, с. 11]. Цивилизация предполагает наличие определенной социокультурной целостности, обладающей характерными чертами, не встречающимися в других цивилизациях. В перечень данных черт можно включить территориальную локализацию, принципы взаимодействия с окружающей природной средой, специфику программ жизнедеятельности и способов их реализации. Многообразный характер сочетания этих и многих других компонентов отличает одну цивилизацию от другой [4, с. 105].

В современной научной литературе можно встретить разные подходы к классификации цивилизаций. По мнению некоторых авторов, на данном историческом этапе к цивилизациям относятся российская, западная, конфуцианско-буддистская, исламская, православная, индуистская, латиноамериканская, японская и африканская цивилизации. При этом цивилизация далеко не всегда являет собой гомогенную геокультурную формацию – нередко в структуре цивилизации есть субкомпоненты (субцивилизации). Так, в частности, западную гецивилизацию можно условно разделить на западноевропейскую, североамериканскую и австрало-новозеландскую [3, с. 33].

Осознание того, что российское социокультурное пространство обладает достаточным набором отличительных черт для того, чтобы считать его полноценной цивилизацией, пришло к историкам и политологам еще в начале XX в. Одним из первых, кто сделал вывод о существовании российской цивилизации, стал Н. Я. Данилевский («Россия и Европа», 1869 г.); умозаключения о существовании российской цивилизации представлены, помимо прочего, в работах О. Шпенглера («Закат Европы», 1922 г.) и А. Тойнби («Постижение истории», 1934 г.). На современном этапе большинство специалистов склонно придерживаться цивилизационного подхода к изучению российской истории, культуры и социально-политической динамики.

Как и любая другая, российская цивилизация в процессе становления и развития прошла

несколько этапов: 1) византийский этап (Русь – часть византийско-православной цивилизации); 2) имперский этап (падение Византии, формирование собственной православной цивилизации, XVI–XVII вв., развитие собственной государственности, переход к моноконфессиональности); 3) советский этап (XX в.); 4) современный этап [3, с. 36].

На каждом из этих этапов общество достигало достаточной степени единства социокультурного пространства; импульсом к укреплению социокультурной общности становилась некая «большая цель, содержащая в себе элемент утопизма, но не сводимая к последнему», а выраженная как стремление к идеальному общественному устройству [7, с. 11].

Отличительной чертой российской цивилизации выступает доминирующая роль т. н. символического (духовного) капитала. Другие цивилизации могут опираться на территориальный капитал, на денежный капитал, на капитал знаний и науки, но для России исключительную роль всегда играл капитал духовный. Следовательно, способность сохранения российского цивилизационного пространства напрямую зависит от состояния духовного капитала.

В данной связи особую значимость приобретают ценности, идеалы, культура, морально-нравственные установки, а также приемы и методы их диффузии в обществе и ретрансляции последующим поколениям. Именно духовные ценности и установки формируют очертания российского цивилизационного пространства и сохраняют его стабильность. Индивидуальные предпочтения и личностные ценностные ориентации представители российского цивилизационного пространства согласуют с общепринятыми нормами и характером динамики всего общества и соответственным образом корректируют личные цели в зависимости от социальных рамок. Поддержание ценностей и единства социокультурного пространства российской цивилизации во многом становится возможным благодаря присущему русскому менталитету коллективизму. Даже если личность вырабатывает для себя систему ценностей и ориентиров в индивидуальном порядке, в ходе самостоятельного поиска и процесса самоидентификации, она – осознанно или неосознанно – опирается на традиционные общественные представления о добре и зле, допустимом и порицаемом.

Все вышесказанное приводит нас к рассмотрению категории «культурный код». Культурный код или культурное ядро представляет собой систематизированную «совокупность базовых ценностей и категорий, обеспечивающих

потенциально или актуально духовное единство носителей данной культуры» [7, с. 12]. Культурное ядро воздействует на периферию культуры и детерминирует все многообразие культурных, политических и социальных феноменов. Стабильность и мощь культурного ядра позволяет цивилизации сохранять свою цельность и развиваться, переходя на последующие исторические этапы. История накопила немало примеров того, как коррозия культурного ядра цивилизации привела к ее падению, несмотря на обширные территории, накопленный капитал и многие иные достижения представителей этой цивилизации.

На сегодняшний день все существующие цивилизации, в том числе и российская, столкнулись с уникальной тенденцией, связанной с утратой роли государственных границ, формированием единого экономического, финансового, культурно-информационного, социального пространства. Речь идет, конечно же, о глобализации.

Многие исследователи говорят о том, что именно глобализация будет в дальнейшем определять и внутреннюю структуру цивилизаций, придавать импульсы для развития их культур, диктовать те или иные закономерности общепланетарных тенденций [10, с. 60].

В некоторой степени глобализация имела место и в прошлом: так, расширение географических границ и смешение культур на цивилизационном уровне наблюдалось еще в эпоху Великих географических открытий. По мере развития транспорта, мировой торговли, укрепления практики военно-политических альянсов интеграционные процессы имели место все чаще, контакты между цивилизациями углублялись и усложнялись. Тем не менее, в целом глобализация не оказывала деструктивного воздействия на цивилизационную общность и не была способна полностью разрушить культурный код той или иной цивилизации (за исключением, пожалуй, цивилизаций некоторых коренных народов).

Новый этап в глобализационной динамике начался в 1990-х г.: именно тогда началась тотальная компьютеризация и сетевизация общества. Развитие телекоммуникационных технологий привело к возможности открытия бизнесов за рубежом и управления ими. Постепенно это привело к глобальному разделению труда, усилению роли и влияния транснациональных корпораций, которые с течением времени стали обретать полномочия и функции политических акторов [10, с. 58]. На последующих этапах глобализация стала проявляться не только в форме торговых контактов жителей

приграничных регионов, создании наднациональных политических и военных блоков, но и в плане формирования единого информационно-культурного пространства общепланетарного масштаба.

На современном этапе глобализация оказывает существенное влияние на развитие всех существующих цивилизаций. При этом ошибочным будет представлять глобализацию в виде разнонаправленного и симметричного взаимодействия между цивилизациями. Глобализация – это, скорее, возрастание доминирующей роли евроатлантической (или, по некоторым источникам, англосаксонской) цивилизации. Глобализация приводит к унификации образа жизни, снижению роли традиционных ценностей вследствие «имплантации» зарубежных ценностей как более современных. Следовательно, сам по себе термин «глобализация» можно назвать ошибочным, ведь глобализация не означает приведение всех цивилизационных ценностей и ориентиров к некоему общему знаменателю, а, напротив, опирается на сознательный отказ от диалога между разными цивилизационными типами, культурами в пользу навязывания западного образа цивилизационного развития [1, с. 17].

Влияние малых культур и народов на англосаксонскую цивилизацию является мизерным и проявляется лишь в попадании точечных терминов из других языков (испанский, русский, китайский и др.) в английский, в обогащении кулинарных традиций, во фрагментарных тенденциях всплеска интереса к той или иной культуре вследствие моды. В данной связи все чаще российские и зарубежные исследователи выражают скептическое мнение в отношении глобализационной динамики. По мнению специалистов, глобализация «обнуляет традиционную культуру народов, сводит нравственность к морали, подменяет истинный код цивилизаций на ложный, чужой и разрушительный по своим последствиям» [2, с. 11].

Разные страны по-разному реагируют на вторжение глобализационных феноменов в их собственный культурный код. Анализ мировой политической, культурной, экономической практики международных отношений показывает наличие двух основных типов реакций на глобализацию. Одни страны сознательно отвергают западоцентристскую парадигму и предпринимают попытки укрепления или восстановления своей исторической традиции, защищая таким образом свое место в глобальном мире. Другие же цивилизации согласны с частичной или полной утратой собственной

идентичности и подчиняются влиянию и контролю со стороны Запада.

Сегодня мы видим, что страны все чаще выбирают для себя первый путь. Уже несколько десятилетий сопротивление политической, экономической, культурной экспансии оказывают такие страны, как Индия, Иран, Китай, Турция, Россия. Эти страны впитывают в себя глобальные ценности и практики лишь отчасти, но в своей основе остаются традиционными сообществами. Следовательно, можно предположить, что ядро культурной матрицы подобных цивилизаций гораздо дольше останется прежним [9, с. 112].

Многие политики, общественные деятели, журналисты и исследователи-теоретики воспринимают сознательную изоляцию от глобального пространства и нежелание перенимать политические, социальные и культурные практики развитых стран как сознательное торможение динамики цивилизационного развития или даже как шаг назад в хронологии этого развития. Так, к примеру, во многих зарубежных публикациях можно встретить точку зрения о том, что современный Китай, несмотря на высокие темпы научного, технологического и экономического развития, «возвращается в Средневековье, к феодализму», или, по крайней мере, возрождает коммунистическую практику диктатуры партийных вождей. Более глубокое изучение китайской цивилизации позволяет понять, что ее текущее состояние является собой конфуцианский социализм, а не «капитализм, прикрытый красными флагами» [9, с. 117]. Современное новое конфуцианство – фундамент для новой китайской «духовной цивилизации» и замена этого фундамента на чужеродные основания, безусловно, разрушит Китай в самой ближайшей перспективе.

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение и к российской цивилизации. Россия уже более десятилетия назад выбрала для себя путь сохранения культурного ядра цивилизации. Следуя подобной политике, правительство инициирует и реализует множество масштабных проектов по формированию цивилизационной идентичности. Эти меры на протяжении всего исторического пути российской цивилизации проходили под контролем государства. Сегодня роль российской культурной и политической элиты в формировании новой цивилизационной идентичности в России также крайне велика [6, с. 233].

Меры, направленные на нейтрализацию рисков деструкции культурного кода российской цивилизации, принимаются в большинстве своем на самом мелком уровне – уровень

воздействия на граждан. Именно граждане – а не официальные документы, законы, литературные и фольклорные произведения – являются ключевыми носителями и ретрансляторами ценностей и установок. Следовательно, укрепление культурного ядра нации должно происходить на уровне укрепления культурных кодов каждого гражданина.

На сегодняшний день представители российской цивилизации могут быть условно разделены на три группы: (1) группа лиц, поддерживающих традиционный уклад в политическом, социальном, межличностном и прочих аспектах функционирования общества; (2) группа лиц, которые придерживаются взглядов о необходимости следования западным цивилизационным паттернам и отказа от большей части исконных цивилизационных ориентиров страны; (3) лица, не имеющие выраженной позиции, чья аполитичность вызвана переизбытком противоречивой информации, циркулирующей в масс-медиа и в Интернете.

Можно также говорить о формировании четвертого типа представителей цивилизации – т. н. кочевников. Появление нового типа личности – человека-кочевника – обусловлено быстрым развитием средств сообщения и новыми информационными технологиями, открывшими возможности территориального передвижения, доступа к транснациональным операциям мирового производства и рынка. Человек-кочевник не обременен социально-направленной идентичностью, будь то национальная, религиозная или этническая [5, с. 233]. Личности этого типа часто характеризуются отказом от традиционных образцов стабильного проживания и предпочтением мобильного образа жизни, как в виртуальной, так и в реальной среде. Они активно экспериментируют с различными формами мобильности, включая путешествия, цифровое кочевничество, обогащая свой опыт и знания за счет пересечения географических и культурных границ. Исследователи говорят о том, что нарастание числа кочевников приведет в будущем к возникновению устойчивой космополитичной прослойки населения, которая не ассоциирует себя с какой-либо цивилизацией в принципе. Для представителей официальных элит требуется понять, какие последствия будут следовать за увеличением «кочевников» среди представителей населения и какие действия по укреплению их и без того слабого культурного ядра следует предпринимать.

В заключение отметим: несмотря на стремление к сохранению целостности цивилизационной формации, полностью изолировать страну от внешнего влияния в современных

условиях едва ли возможно. Внедрение чужеродных установок происходит не посредством прямого контакта, а через информационное пространство Сети [8, с. 132]. Погружение российских граждан в общепланетарный виртуальный дискурс усугубило противоречия массового сознания, существовавшие и до наступления эпохи сетевизации. Так, Россия балансирует между двумя группами интеллектуальной элиты (сторонников и противников высшей государственной власти); между интересами лиц, оказавшихся за чертой бедности и лиц, сумевших добиться сверхдоходов, между модернизацией и укоренением традиционализма. Российская Федерация, безусловно, нуждается в обновлении доктринально-идеологической парадигмы для обеспечения стабилизации цивилизационной целостности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1) В контексте цивилизационного подхода российское политическое, культурное и социальное пространство принято считать особым типом цивилизации.

2) Отличительной чертой российской цивилизации выступает доминирующая роль т. н. символического (духовного) капитала. Перспектива сохранения российского цивилизационного пространства напрямую зависит от состояния духовного капитала. В данной связи особую значимость приобретают ценности и морально-нравственные установки граждан, а также приемы и методы их диффузии и ретрансляции.

3) Новый этап развития российской цивилизации начался в 1990-х г.: именно тогда началась тотальная компьютеризация и сетевизация общества. На современном этапе глобализация оказывает существенное влияние на развитие всех существующих цивилизаций. Разные страны по-разному реагируют на вторжение глобализационных феноменов в их собственный культурный код. Одни страны сознательно отвергают западоцентристскую парадигму и предпринимают попытки укрепления или восстановления своей исторической традиции, другие соглашаются с частичной или полной утратой собственной идентичности и подчиняются влиянию и контролю со стороны Запада. Россия уже более десятилетия назад выбрала для себя путь сохранения культурного ядра цивилизации.

4) Меры, направленные на нейтрализацию рисков деструкции культурного кода российской цивилизации, принимаются на самом мелком уровне – уровне воздействия на граждан.

Литература

1. Гаранина, О. Д. Экзистенциальные проблемы России в контексте кризиса глобализации / О. Д. Гаранина // Общество: философия, история, культура. – 2022. – №4 (96). – С. 14-19.
2. Каргаполов, Е. П. Проблемы развития цивилизаций в условиях глобализации мировых процессов / Е. П. Каргаполов // Вестник ЧелГУ. – 2023. – №10 (480). – С. 10-20
3. Киселев, С. Г. Российская цивилизация / С. Г. Киселев // Власть. – 2023. – №5. – С. 32-37.
4. Круглова, Л. К. Мультицивилизационная идентичность в контексте теории циркумполярной цивилизации / Л. К. Круглова // Человек. Культура. Образование. – 2019. – №3 (33). – С. 99-114.
5. Куруленко, Э. А. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся реальности / Э. А. Куруленко, Д. Н. Нефёдова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – №1-1. – С. 231-234.
6. Мустафаев, Ф. М. Глобализация и проблемы цивилизационной идентичности России / Ф. М. Мустафаев // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. №2. – С. 231-234.
7. Угрин, И. М. Проблема развития российской цивилизации в условиях глобализации / И. М. Угрин // Философская мысль. – 2018. – №6. – С. 9-22.
8. Павлова, Е. Л. Самоопределение в России: феномен национальной идентичности в условиях глобализации / Е. Л. Павлова, И. В. Липчанская // Гуманитарий Юга России. – 2017. – №5. – С. 128-137.
9. Шевченко, В. Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России / В. Н. Шевченко // Век глобализации. – 2018. – №3 (27). – С. 106-119.
10. Шуклин, А. В. Российская цивилизация в условиях глобализации: проблемы и перспективы / А. В. Шуклин // Социум и власть. – 2011. – №4. – С. 57-60.

Transformations of russian civilization due to globalization dynamics

Ermakov D.S.

Sakhalin State University

The article examines the concept of civilization. The place of Russian civilization among other modern civilizations is indicated. It is concluded that a distinctive feature of Russian civilization is the dominant role of the so-called symbolic (spiritual) assets. Values, ideals, culture, moral principles, as well as techniques and methods of their diffusion in society and relaying to subsequent generations are particularly important. The role of globalization in the modern world is outlined. The risks generated by globalization processes for the development of civilization and its cultural core are presented. It is concluded that Russia consciously rejects the Western-centric paradigm and is making attempts to strengthen or restore its historical tradition, thus protecting its place in the global world.

Keywords: civilization, globalization, russian civilization, western centrism, symbolic capital

References

1. Garanina, O. D. Existential problems of Russia in the context of the globalization crisis / O. D. Garanina // Society: philosophy, history, culture. – 2022. – No. 4 (96). – pp. 14-19.
2. Kargaplov, E. P. Problems of the development of civilizations in the context of globalization of world processes / E. P. Kargaplov // Bulletin of ChelSU. – 2023. – No. 10 (480). – P. 10-20
3. Kiselev, S. G. Russian civilization / S. G. Kiselev // Power. – 2023. – No. 5. – pp. 32-37.
4. Kruglova, L.K. Multicivilizational identity in the context of the theory of circumpolar civilization / L.K. Kruglova // Man. Culture. Education. – 2019. – No. 3 (33). – pp. 99-114.
5. Kurulenko, E. A. National-cultural identity in the context of a globalizing reality / E. A. Kurulenko, D. N. Nefedova // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2015. – No. 1-1. – pp. 231-234.
6. Mustafaev, F. M. Globalization and problems of civilizational identity of Russia / F. M. Mustafaev // Humanitarian and social sciences. – 2014. No. 2. – pp. 231-234.
7. Ugrin, I. M. The problem of the development of Russian civilization in the conditions of globalization / I. M. Ugrin // Philosophical thought. – 2018. – No. 6. – P. 9-22.
8. Pavlova, E. L. Self-determination in Russia: the phenomenon of national identity in the context of globalization / E. L. Pavlova, I. V. Lipchanskaya // Humanitarian of the South of Russia. – 2017. – No. 5. – pp. 128-137.
9. Shevchenko, V. N. China's return to the national path of development in the era of globalization: significance and conclusions for Russia / V. N. Shevchenko // Century of Globalization. – 2018. – No. 3 (27). – pp. 106-119.
10. Shuklin, A. V. Russian civilization in the context of globalization: problems and prospects / A. V. Shuklin // Society and power. – 2011. – No. 4. – P. 57-60.

Российско-китайские отношения на Дальнем Востоке

Симонян Вреж Эдикович

студент школы ВИ ШРМИ Дальневосточного федерального университета, vrezsimonan@gmail.com

Квашина Юлия Александровна

старший преподаватель кафедры китаеведения ВИ-ШРМИ Дальневосточного федерального университета, kvashina.yua@dvvfu.ru

Статья посвящена вопросам российско-китайского взаимодействия на Дальнем Востоке. Сначала автор раскрывает законодательные основы российско-китайского сотрудничества в целом, и на Дальнем Востоке, в частности. Определяются географические и геополитические особенности региона, которые влияют на стратегический характер ДФО в российско-китайских отношениях. Утверждается, что тесное сотрудничество России и Китая в дальневосточном регионе дает обоим государствам преимущества в более конструктивном «выходе» на Азиатско-Тихоокеанский регион (для РФ) и европейские страны, а также Евросоюз (для КНР). В статье анализируются различные сферы сотрудничества между странами на уровне дальневосточного региона. Наиболее детально освещено торгово-экономическое партнерство между Китаем и ДФО. Приводятся примеры реализованных совместных проектов в сфере развития транспортной и приграничной инфраструктуры. Автор отмечает, что Дальний Восток занимает важное место в структуре китайско-российских отношениях, как регион богатый энергетическими ресурсами и полезными ископаемыми, а также, как «мост», соединяющий Китай с Европой. Для России, в свою очередь, актуальными задачами являются экономическое и инфраструктурное развитие ДФО, которое становится возможным благодаря китайским инвестициям. Автор подчеркивает, что для отношений КНР и РФ характерен большой потенциал и широкие перспективы сотрудничества. Совместные усилия в сотрудничестве в энергетике, сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности, трансграничной инфраструктуре и других областях дает плодотворные результаты. В конце исследования автор делает вывод о необходимости повышения эффективности российско-китайского приграничного сотрудничества, особенно на Дальнем Востоке, так как этот регион является ключевым в формировании торгово-экономического, гуманитарного вектора взаимодействия между государствами.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская народная Республика, КНР, ДФО, Дальний восток, российско-китайское сотрудничество, трансграничное партнерство, приграничные территории, экономическое сотрудничество, транспортная инфраструктура, инвестиции, АТР.

Введение

Глобализация международных отношений существенно повлияла не только на сотрудничество между странами, но и обусловила развитие партнерских отношений на уровне отдельных субъектов государств. Трансграничное региональное сотрудничество предполагает взаимодействие между государствами, их регионами в политической, экономической, гуманитарной и иных сферах.

В российско-китайском сотрудничестве таким стратегически важным регионом является Дальний Восток. ДФО, благодаря своему выгодному геополитическому положению, соседству с КНР, является перспективным «мостом» для транснационализации международных отношений между европейскими и азиатскими странами, где Россия выступает связующим звеном между государствами и регионами.

В свою очередь, взаимодействие России и Китая в рамках этого региона насчитывает более чем 30-летнюю историю и охватывает внешнюю торговлю, научное, культурное сотрудничество. Свидетельством актуальности данного региона для взаимоотношений Москвы и Пекина является постоянное развитие законодательной базы обоих государств, которая расширяет инструментарий сотрудничества на межгосударственном, региональном и глобальном уровнях. Поэтому актуальность темы обусловлена необходимостью специфики и перспектив российско-китайского сотрудничества как в дальневосточном регионе, так и в целом.

Основная часть

Дальний Восток (ДФО) является крупнейшим федеральным округом Российской Федерации и простирается от реки Лены на востоке до Северного Ледовитого океана на севере и Тихого океана на востоке. Регион граничит с Монголией, Китаем и Северной Кореей на юге. В ноябре 2018 г. с присоединением к Дальневосточному федеральному округу Забайкальского края и Республики Бурятия, его территория еще больше расширилась с 9 до 11 субъектов, а общая площадь достигла 6,9 млн. кв. км., с населением более 7,8 млн. человек [1]. Дальний Восток известен как «сокровищница» благодаря своим богатым ресурсам. В ДФО большинство субъектов имеют выход к морю и оке-

анам – Северному ледовитому и Тихому. Дальний Восток является важной частью Евразийского транспортного коридора. Крупнейшие порты Тихого океана приходятся на российские портовые грузы. Через Дальний Восток проходит один из кратчайших маршрутов из Азии в Европу

В силу территориального расположения, Дальневосточный округ более трех десятилетий является важнейшим регионом приграничного сотрудничества России и Китая. ДФО связан с Северо-Восточным Китаем сухопутным путем и является важной площадкой для стратегического взаимодействия между приграничными регионами.

Для обеих стран важными являются следующие факторы сотрудничества:

- экономический - использование географических преимуществ Дальнего Востока и освоение его ресурсов;
- геополитический - интеграция России в Азиатско-Тихоокеанский экономический регион, что совпадает с программой КНР «Один пояс, один путь», с целью политического и экономического «продвижения» в сторону Европы.

Таким образом, Дальний Восток естественным образом стал «зоной пересечения» с четкими точками соприкосновения интересов Москвы и Пекина, обладающим огромным потенциалом стратегической интеграции [16].

Китай и Россия задекларировали «решимость в реализации равноправного партнерства» в 1996 году, подписав «Совместную российско-китайскую декларацию» [12]. Законодательно сотрудничество было подкреплено в 2001 году Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Согласно Документу, Москва и Пекин обязались осуществлять «равноправное доверительное партнерство с целью стратегического взаимодействия» [2]. Раз в четыре года российское и китайское руководство пересматривают и дополняют положения Договора. В 2019 году сотрудничество и партнерство было повышено до всеобъемлющего и стратегического партнерства. В 2021 году в связи с двадцатилетием Договора руководство двух государств в совместном заявлении объявили о том, что «продолжат, придерживаясь духа договора, развивать двусторонние отношения во всех сферах, углублять межкультурные обмены, строить межгосударственные отношения нового типа и глобальное сообщество единой судьбы» [11].

На сегодняшний день российско-китайское сотрудничество регламентируется более 300 договорами и соглашениями, которые стали базой по углублению партнерства, расширению

взаимных преференций для экономического развития как государств, так и их субъектов.

Региональное сотрудничество современной России и Китая в Дальневосточном регионе началось еще в 1990-х гг. XX века. Однако цели руководства стран на тот момент расходились: Китай поддерживал приграничные регионы в реализации ими трансграничного сотрудничества, а Россия склонялась к сдерживанию самостоятельности субъектов в сотрудничестве с другими странами [5, с. 26]. Законодательные основы сотрудничества российских регионов с сопредельными территориями были сформированы на рубеже XX-XXI вв., когда были приняты Федеральный закон № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [11] и «Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации» [8].

Трансграничное взаимодействие Дальнего Востока с Китаем были утверждены на законодательном уровне только в 2009 году, когда были приняты «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009-2018 гг». [6]. Документы устанавливали следующие приоритетные задачи сотрудничества КНР и России в ДФО: развитие пограничной и транспортной и инфраструктуры; урегулирование трудовой деятельности; научное и экологические сотрудничество; партнерство в сфере туризма.

В 2013 году был создан Совет сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. В 2015-2017 гг. приняты «Концепция развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» и Закон «Об основах приграничного сотрудничества» [9]. В документах было установлено «стремление сторон к эффективному приграничному сотрудничеству» для формирования конкурентных регионов в условиях глобализации экономической среды [9].

Ключевым шагом в российско-китайском сотрудничестве на Дальнем Востоке стало принятие «Программы развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018-2024 гг.» [7] и «Плана развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая» [4, с. 113].

Таким образом, вместе с развитием законодательной базы, развивалось и углублялось

межрегиональное и приграничное сотрудничество ДФО и Китая. Ключевыми направлениями партнерства являются:

- экономика, а именно трансграничная торговля между регионами на уровне крупного и среднего бизнеса;
- транспортная инфраструктура – углубление торгово-экономических связей невозможно при ограниченной трансграничной инфраструктуре, поэтому требуется ее модернизация и расширение;
- пограничная инфраструктура – оба государства инвестируют в строительство и модернизацию пропускных пунктов, приграничные коммуникации и дороги;
- научно-гуманитарное сотрудничество – партнёрство на уровне регионов развивает межвузовские связи, способствует реализации совместных научно-исследовательских проектов и взаимодействию между научными центрами, органами местных властей. Взаимодействие способствует развитию науки, решению экологических проблем, а также межкультурному диалогу и их взаимообогащению.

Основным и наиболее развитым видом сотрудничества между ДФО и КНР является торгово-экономическая отрасль.

Приграничные субъекты КНР и РФ имеют прочную экономическую и инфраструктурную основу для сотрудничества. Развита авиастроение, судостроение, выплавка черных и цветных металлов, нефтепереработка, лесозаготовка и деревообработка. Обе стороны имеют сильную экономическую взаимодополняемость, высокую промышленную совместимость, большой потенциал сотрудничества и широкие перспективы сотрудничества. Сотрудничество в энергетике, сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности, трансграничной инфраструктуре и других областях принесло высокие результаты. Например, успешно продвигается строительство таких ключевых проектов, как Амурский газовый комплекс и трансграничная канатная дорога Хэйхэ-Благовещенск [14].

Перспективным также является формат зоны приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС). В ЗПЭС расположены предприятия переработки и производства продукции для экспорта, которые пользуются налоговыми преференциями [3, с. 164]. Из 15 ныне действующих зон приграничного экономического сотрудничества в КНР четыре ориентированы на бизнес с Россией: Маньчжурия, Суйфэньхэ, Хунчунь, Хэйхэ. Также Пекин предлагает совместно приграничное в сотрудничестве в таких

зонах [12, с. 137]: «Суйфэньхэ — Пограничный»; «Хэйхэ — Благовещенск»; «Тунцзян — Еврейская автономная область»; «Дуннин — Октябрьский район»; Остров Большой Уссурийский.

Со стороны России, в свою очередь, для эффективности приграничного сотрудничества с Китаем на Дальнем Востоке было создано 13 территорий опережающего развития (ТОР), для упрощения инвестиций и торгового обмена между приграничными регионами [3, с. 165].

С точки зрения торговли и инвестиций, с одной стороны, Китай стал крупнейшим источником иностранных инвестиций на Дальнем Востоке России. Статистика показывает, что китайские инвестиции составляют 85% от общего объема иностранных инвестиций на Дальнем Востоке, в основном в логистику и транспорт, лесное хозяйство, развитие энергетики, туризм и другие области. В настоящее время китайские компании участвуют в 58 проектах строительства Дальневосточной зоны скачкообразного развития и свободного порта с общим объемом инвестиций около 11,6 млрд долларов США. С другой стороны, Китай продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером России на Дальнем Востоке [17]. В 2022-2023 гг. объем торговли между Китаем и Дальним Востоком превысил 20 миллиардов долларов США [10].

В 2017-2018 гг. Россия инвестировала 150 миллиардов рублей в модернизации БАМ и Транссиба. К 2025 году пропускная способность Байкало-Амурской магистрали и Транссиба будет увеличена на 50%. Строительство транзитного моста, соединяющий город Благовещенск в Амурской области и город Хэйхэ, включен в План развития Дальнего Востока и окончено в 2019 году. Две страны строят международный сухопутно-морской транспортный коридор, в том числе «Биньхай № 1», «Биньхай № 2», автомагистрали через Хэйлунцзян, железнодорожные мосты и другие объекты инфраструктуры. В свою очередь, ведущие технологии Китая в области высокоскоростного железнодорожного строительства, дорожного строительства и мостостроения активно реализуются на Дальнем Востоке [15].

Таким образом, партнерство между Россией и Китаем на уровне трансрегионального взаимодействия является постоянной константой российского-китайских отношений и характеризуется перспективами для углубления и расширения политических, экономических, научных, культурных связей между странами.

Выводы

Итак, в настоящее время китайско-российские отношения отличаются высокой степенью политического и стратегического взаимного доверия. Китай уже много лет подряд является крупнейшим торговым партнером России и крупнейшим источником иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. Сотрудничество между Россией и КНР является прочной основой для трансрегионального сотрудничества. Анализ российско-китайского партнерства на Дальнем Востоке позволяет сделать вывод, что ДФО является основным локальным центром приграничной торговли России и Китая.

Становится очевидным, что укрепление экономического сотрудничества на сопредельных территориях между государствами является важным инструментом в расширении, углублении партнерства между Китаем и Россией. Всё это создает предпосылки для экономического, промышленного, индустриального, туристического потенциала ДФО. Необходимо, однако, в полной мере использовать существующие платформы для углубления экономического и торгового сотрудничества в дальневосточном регионе Китая и России. Необходимо постоянное углубление сотрудничества между странами в области энергетики, туризма, сельского хозяйства, образования и культуры.

Литература

1. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) // Совет Федерации. 2024. - URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10483/> (дата обращения: 21.04.2024).

2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16 июля 2001 года. - URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 21.04.2024).

3. Жилина Л.Н. Особенности развития приграничного сотрудничества России и Китая // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2016. - Т. 5. № 4(17). - С. 159-163.

4. Муратшина К. Г. Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски, Вестник Томского государственного университета, - 2017. - № 417. - С. 110-120.

5. Песцов С. К. Трансграничное сотрудничество России и Китая: хаотический расцвет и упорядоченная деградация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология.

Международные отношения. – 2021. – №1. – С. 20-40.

6. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 гг.) от 23.09.2009 г. - URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (дата обращения: 21.04.2024).

7. Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018-2024 годы. - URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 21.04.2024).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации» от 9 февраля 2001 года N 196-р. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/901780926> (дата обращения: 21.04.2024).

9. Распоряжение Правительство Российской Федерации «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа от 28 октября 2015 года N 2193-р. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/420313859> (дата обращения: 21.04.2024)

10. РФ и КНР отметили 20-летие договора о добрососедстве и сотрудничестве // РИА Новости. 2021. - URL: <https://ria.ru/20210504/sotrudnichestvo-1731065992.html> (дата обращения: 21.04.2024).

11. Совместная российско-китайская декларация от 25 апреля 1996 года. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/662/1996.pdf> (дата обращения: 21.04.2024).

12. Трутнев прогнозирует достижение торговли ДФО с Северо-Востоком КНР \$27 млрд // ТАСС. 2023. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/19552771> (дата обращения: 21.04.2024).

13. Федеральный закон от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (дата обращения: 21.04.2024).

14. Цзоу Сютин. Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР // Россия и АТР. – 2020. – С. 134-150.

15. Путь интеграции инициативы «Один пояс, один путь» и стратегии развития Дальнего Востока России). 2020. - URL: https://m.ciis.org.cn/yjcg/yjcg_xslw/202007/t20200710_1022.html (дата обращения: 21.04.2024).

16. Генеральный консул Цзян Сяоян принял эксклюзивное интервью сайту «Восточная Россия» // Генеральное консульство КНР в г. Хабаровск. 2023. - URL: http://khabarovsk.china-consulate.gov.cn/zlgdt/202310/t20231026_11169022.htm (дата обращения: 21.04.2024).

17. Стремиться к достижению нового прорыва в экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и Россией в Северо-Восточном и Дальневосточном регионе). 2020. - URL: <http://www.chinareform.org.cn/2022/0221/35828.shtml> (дата обращения: 21.04.2024).

Russian-Chinese relations in the Far East Simonyan V.E., Kvashina Yu.A.

Far Eastern Federal University

The article is devoted to the issues of Russian-Chinese relations in the Far East. First, the author reveals the legislative foundations of Russian-Chinese cooperation in general, and in the Far East in particular. The geographical and geopolitical features of the region are determined, which affect the strategic nature of the region in Russian-Chinese relations. The article argues that close cooperation with Russia and China in the Far Eastern region gives both countries advantages in a more constructive "exit" to the Asia-Pacific region (for the Russian Federation) and European countries, as well as the European Union (PRC). The various spheres of cooperation between the countries at the level of the Far Eastern region are analyzed. The trade and economic partnership between China and the Far Eastern Federal District is highlighted in the most detail. Examples of implemented joint projects in the field of transport and border infrastructure development are given. It is pointed out that the Far East plays an increasingly important role in Sino-Russian relations, as a source of energy resources and minerals, as well as as a "bridge" between Europe and Asia. For Russia, in turn, the urgent tasks are the economic and infrastructural development of the Far Eastern Federal District, which is made possible thanks to Chinese investments. The author emphasizes that the relations between China and the Russian Federation are characterized by a great potential for cooperation and broad prospects for cooperation. Joint efforts in cooperation in energy, agriculture, mining, cross-border infrastructure and other areas have yielded fruitful results. At the end of the study, the author concludes that it is necessary to deepen Russian-Chinese cross-border cooperation, especially in the Far East, since this region is key in shaping the trade, economic, and humanitarian vector of interaction between the parties.

Keywords: Russian Federation, People's Republic of China, PRC, Far Eastern Federal District, Far East, Russian-Chinese cooperation, cross-border partnership, border territories, economic cooperation, transport infrastructure, investments, Asia-Pacific region.

References

1. Far Eastern Federal District (FEFD) // Federation Council. 2024. - URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10483/> (access date: 04/21/2024).

2. Treaty on good neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. July 16, 2001. - URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (access date: 04/21/2024).

3. Zilina L.N. Features of the development of cross-border cooperation between Russia and China // *Azimuth of scientific research: economics and management*. – 2016. - Т. 5. No. 4(17). - pp. 159-163.

4. Muratshina K. G. Cooperation program between the regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the North-East of the People's Republic of China for 2009-2018. in *Russian-Chinese cross-border interaction: significance, evolution, risks*, *Bulletin of Tomsk State University*, - 2017. - No. 417. - P. 110-120.

5. Pestsov S.K. Cross-border cooperation between Russia and China: chaotic flourishing and orderly degradation // *Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships*. – 2021. – No. 1. – P. 20-40.

6. Cooperation program between the regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the People's Republic of China (2009-2018) dated September 23, 2009 - URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf (date of access: 04/21/2024).

7. Program for the development of Russian-Chinese cooperation in trade, economic and investment spheres in the Far East of the Russian Federation for 2018-2024. - URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (access date: 04/21/2024).

8. Order of the Government of the Russian Federation "On approval of the Concept of cross-border cooperation in the Russian Federation" dated February 9, 2001 No. 196-r. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/901780926> (date of access: 04/21/2024).

9. Order of the Government of the Russian Federation "On approval of the Concept for the development of border territories of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District" dated October 28, 2015 N 2193-r. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/420313859> (access date: 04/21/2024)

10. The Russian Federation and China celebrated the 20th anniversary of the Treaty on Good Neighborhood and Cooperation // *RIA Novosti*. 2021. – URL: <https://ria.ru/20210504/sotrudnichestvo-1731065992.html> (access date: 04/21/2024).

11. Joint Russian-Chinese declaration of April 25, 1996. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/662/1996.pdf> (access date: 04/21/2024).

12. Trutnev predicts that trade between the Far Eastern Federal District and the North-East of China will reach \$27 billion // *TASS*. 2023. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/19552771> (access date: 04/21/2024).

13. Federal Law of January 4, 1999 No. 4-FZ "On the coordination of international and foreign economic relations of the constituent entities of the Russian Federation." - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (access date: 04/21/2024).

14. Zou Xiuting. Russian-Chinese zones of cross-border cooperation: prospects for interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China // *Russia and the Asia-Pacific region*. – 2020. – P. 134-150.

15. The path to integration of the "One Belt, One Road" initiative and the development strategy of the Russian Far East). 2020. - URL:

https://m.ciis.org.cn/yjcg/yjcg_xslw/202007/t20200710_1022.html (access date: 04/21/2024).

16. Consul General Jiang Xiaoyang received an exclusive interview for the website "Eastern Russia" // Consulate General of the People's Republic of China in Khabarovsk. 2023. - URL: http://khabarovsk.china-consulate.gov.cn/zlgt/202310/t20231026_11169022.htm (access date: 04/21/2024).
17. Strive to achieve a new breakthrough in economic and trade cooperation between China and Russia in the Northeast and Far East regions). 2020. - URL: <http://www.chinareform.org.cn/2022/0221/35828.shtml> (access date: 04/21/2024).

Конституционная направленность и государственной политика в сфере поддержки института крепкой семьи как традиционной российской духовно-нравственной ценности

Титова Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Южно-российского института управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Титов Владимир Денисович

студент факультета правового обеспечения национальной безопасности Южно-российского института управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье поднят вопрос популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, проводится анализ мер государственной политики в сфере такого демографического параметра как рождаемость с учётом сложившейся демографической ситуации, выявляется одно из направлений, способствующих решению демографического вызова, а именно развитие и поддержка многодетности в российских семьях, проанализирован комплекс основных мер государственной поддержки многодетности.

Ключевые слова: демография, государственная политика, традиционные ценности, семья, многодетность, меры поддержки, многодетная семья, материнский (семейный) капитал, вспомогательный репродуктивные технологии, реализация репродуктивных прав, запрет, искусственное прерывание беременности.

Конституционно закреплённые гарантии обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, гарантии нахождения семьи под защитой государства, декларирование обширного перечня обязанностей государства в отношении детей, закрепление приоритетного значения вопросов детства во всей государственной политике, подтверждают определяющий статус принципа социального государства для законодателя и правоприменителя.

В целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей Указом Президента РФ от 22.11.2023 N 875 "О проведении в Российской Федерации Года семьи" решено: провести в 2024 году в Российской Федерации Год семьи.

В качестве основополагающего принципа семейного права законодатель обозначает принцип государственной поддержки защиты семьи, материнства, отцовства и детства, крепкая семья справедливо и дальновидно отнесена к числу традиционных ценностей, провозглашенных в рамках Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей сформулированных и утверждённых Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Реализуя выше обозначенный принцип государство, понимая важность института брака и семьи в жизни общества, их роли в воспитании новых поколений, обеспечении общественной стабильности и прогресса, практически на всех уровнях власти принимает программные документы и нормативные акты.

Консолидируя усилия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов России, органов местного самоуправления, организаций и граждан демографическая политика страны сегодня направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в

стране. Реализуя с 2019 года, национальный проект «Демография», многоаспектно учитывающий интересы большинства граждан России, центральное место которого занимают такие направления как поддержка семей с детьми, активного долголетия, занятости и здорового образа жизни. В национальный проект включены пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни». Общий объем финансирования мероприятий нацпроекта составит порядка 3 трлн рублей на шесть лет (2019-2024 годы). Очевидно положительное влияние на достижение национальных целей развития Российской Федерации, 30 января 2024 года на стратегической сессии по реализации нацпроектов Председатель Правительства России Мишустин М.В. сообщил, что средний уровень выполнения нацпроектов близок к 100%, национальные цели на 2023 год были выполнены полностью.

Несмотря на положительную результативность реализуемого национального проекта и комплексность мер по решению демографических задач в настоящее время основные демографические показатели подтверждают ранее прогнозируемый экспертами демографический вызов, выступающий закономерным последствием демографического кризиса в стране, наблюдаемого в середине девяностых годов. Так, в 2023 году в России родилось всего 1,264 млн. детей, однако зафиксировано и сокращение естественной убыли населения, то есть превышения числа умерших над числом родившихся — на 17%, до 495 200. По данным материалов Социального фонда предполагается, что деторождение снизится на 5,8% в 2024 году, в 2026-м темп снижения замедлится до 0,9%: 2024 год — 1,172 млн человек (минимум с начала 1990-х); 2025 год — 1,153 млн человек; 2026 год — 1,143 млн человек.

«Семья начинается с детей» писал Александр Иванович Герцен, данный тезис русского писателя и мыслителя XIX века чрезвычайно актуален. Видится, что действенным решением в вопросе демографического вызова, с которым столкнулась страна, выступит увеличение количества благополучных многодетных семей многонациональной России.

Отраден тот факт, что на сегодняшний день динамика увеличения многодетных семей в России может быть оценена исключительно положительно, в стране проживает 2,1 млн многодетных семей, из которых почти 2,5 тыс. семей воспитывают 10 и более детей.

Долгое время научным сообществом скептически оценивался факт отсутствия нормативного закрепления определения термина «многодетная семья». В январе 2024 года Президент России подписал указ, устанавливающий официальный статус многодетной семьи. Так, согласно Указа Президента РФ от 23.01.2024 N 63 "О мерах социальной поддержки многодетных семей" многодетной семьей в России является семья, имеющая трех и более детей, статус которой устанавливается бессрочно. В рамках данного документа, не только закреплен ожидаемый правоприменителями новый подход к определению статуса многодетной семьи, но и сформулированы корректировки к мерам социальной поддержки и новеллы в данной сфере, Глава государства гарантировал многодетным семьям: государственные и выплаты в связи с рождением и воспитанием детей; меры поддержки в сфере трудовых отношений; досрочную страховую пенсию по старости матерям трёх и более детей; профессиональное обучение многодетных родителей и получение ими дополнительного образования; бесплатное посещение музеев, парков культуры и отдыха, выставок в России.

И так, многодетность должна стать нормой для молодого поколения, предполагается, что потенциальная возможность многодетности формируется в именно в молодом возрасте закономерно, что государственная демографическая политика должна обеспечить должный уровень содействия для создания семьи и рождения первенца в возрасте до 25 лет. По данным Росстата, средний возраст женщины при рождении первенца составляет 26,2 лет, второго ребенка — 29,7 лет, а третьего — 32 года. С 1995 года возраст первого материнства женщины увеличился на 3,5 года, на 2,8 лет — второго, и на 2,1 года — третьего ребенка. Комплексной задачей государства в данной сфере представляется поддержка поэтапной семейной, многодетной реализации молодёжи, и популяризация идеи многодетности посредством как социально-психологической подготовки к созданию семьи, так и путём закрепления в федеральном и региональном законодательстве льгот и мер социальной поддержки для многодетных семей.

В настоящее время на федеральном уровне для многодетных семей предусмотрено: предоставление государственных пособий и выплат в связи с рождением и воспитанием детей; предоставление мер поддержки в сфере трудовых отношений; досрочное назначение женщинам страховой пенсии по старости в связи с рождением и воспитанием трех и более детей.

Субъектами Федерации устанавливаются дополнительные льготы и меры социальной поддержки многодетных семей, значительно дополняющие федеральные в части финансирования.

Достаточно важно, что предоставление многодетным семьям мер социальной поддержки осуществляется до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или 23 лет при условии, что он обучается очно в образовательной организации.

Обратим внимание на основные льготы и социальные гарантии, установленные для многодетных семей федеральным и региональным законодательством, классифицируя их по направлениям:

- финансовая поддержка: с 1 января 2007 года в стране реализуется Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей", регламентирующий в качестве одной из мер право на получение материнского капитала, многолетний опыт реализации характеризуется совершенствованием данного инструмента поддержки, в том числе, с распространением в отношении большего числа граждан, применение без относительно гендерной принадлежности родителя, то есть право на получение капитала имеет отец ребенка, что подтверждено Конституционным судом РФ. В настоящее время материнский (семейный) капитал — это средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования РФ в целях реализации дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей. Так, условия реализации данного права изменялись, кратко данные условия можно изложить следующим образом: данное право предоставляется при рождении (усыновлении) второго или последующих детей начиная с января 2007 либо первого ребенка начиная с января 2020, а также мужчинам, воспитывающим первого ребенка, рожденного начиная с января 2020, или единственным усыновителям первого ребенка, решение об усыновлении которого вступило в законную силу начиная с января 2020. Одним из условий получения материнского (семейного) капитала является приобретение ребенком (детьми) гражданства РФ по рождению.

Размер материнского (семейного) капитала в 2024 составляет: на первого ребенка - 630 380,78 руб., на второго ребенка - 833 024,74 руб.; на третьего ребенка или последующих детей в случае его (их) рождения (усыновления) - 833 024,74 руб. Выше было упомянуто, что предоставление федеральных мер поддержки

не исключает таковые от власти региона, так наряду с материнским капиталом, положенным семьям из федерального бюджета, в регионах действуют программы по выплате регионального материнского капитала, что существенным образом увеличивает размер данной меры финансовой поддержки.

В стране действуют ряд мер морального поощрения родительства, предусматривавший соответствующее финансирование. Так, при присвоении звания "Мать-героиня" награжденной матери выплачивается единовременное денежное поощрение в размере 1 млн руб. Также одному из родителей (усыновителей) при награждении орденом "Родительская слава" выплачивается единовременное денежное поощрение - в размере 500 000 руб., а при награждении, начиная с августа 2022, медалью ордена "Родительская слава" - в размере 200 000 руб.

- льготы в сфере налогообложения: государственные пособия, доходы, полученные в связи с рождением ребенка либо в порядке получения социальной помощи (поддержки) многодетных граждан на основании соответствующих нормативно-правовых актов, не облагаются налогом на доходы физических лиц (НДФЛ), а с января 2024 также не облагаются НДФЛ доходы в виде единовременного денежного поощрения, полученного при награждении орденом "Родительская слава", медалью ордена "Родительская слава" и (или) при присвоении звания "Мать-героиня". Уменьшение налоговой базы по земельному налогу, дополнительное уменьшение налоговой базы по налогу на имущество, льготы по транспортному налогу. Региональное и местное законодательство также могут устанавливать льготы по транспортному, земельному налогам и налогу на имущество физических лиц. Например, в г. Москве один из родителей (усыновителей) в многодетной семье освобождается от уплаты транспортного налога за одно зарегистрированное за ним транспортное средство.

- предоставление земельного участка: граждане, имеющие трех и более детей, имеют право получить бесплатно земельный участок.

- жилищные субсидии: такая поддержка выражается в полном или частичном погашении за счет бюджетных средств обязательств заемщика (поручителя) по ипотечному жилищному кредиту в размере не более 450 000 руб.

- льготы в сфере труда: работающим родителям, имеющим трех и более детей в возрасте до 18 лет, ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется по их желанию в удобное для них время до достижения младшим из детей

возраста 14 лет. Также работнику, имеющему двух или более детей в возрасте до 14 лет, коллективным договором могут устанавливаться ежегодные дополнительные отпуска без сохранения заработной платы в удобное для него время продолжительностью до 14 календарных дней. работников, имеющих трех и более детей в возрасте до 18 лет, в период до достижения младшим из детей возраста 14 лет можно направить в служебные командировки, привлечь к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни только с их письменного согласия.

Вышеприведенный анализ основных мер свидетельствует, что усилия государства на федеральном и региональном уровне сконцентрированы на эффективной реализации комплекса мер социальной поддержки семей, имеющих детей, в том числе многодетных семей по обеспечению достойного уровня жизни семей, имеющих детей.

Материальное и моральное поощрение деторождения и многодетности несомненно является действенным способом улучшения демографической ситуации в стране, однако мониторинг проблемы показывает, что с учетом повышения возраста деторождения первенца и ряда иных причин, порой препятствием для создания традиционной семьи выступают вопросы здоровья потенциальной матери либо отца, в данной связи стоит отметить, что государством осуществлено законодательное регулирование применения программ вспомогательных репродуктивных технологий, реализуемых за счёт бюджета страны. Согласно Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство. Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению, утверждён Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н. Медицинская помощь с использованием вспомогательных репродуктивных технологий и обследование пациентов для ее оказания осуществляются бесплатно в рамках первичной специализированной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи. Программа экстракорпорального

оплодотворения, криоконсервация эмбрионов и их перенос проводятся в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования. Повышение показателей рождаемости путём применения вспомогательных репродуктивных технологий доказано международным опытом. По данным Министерства здравоохранения в в стране ежегодно, за счёт бюджетных средств, начиная с 2017 года проводится порядка 86000-90000 успешных процедур экстракорпорального оплодотворения. Достойно особое внимание законодательно закреплённая возможность использования донорских ооцитов и сперматозоидов. Государство осуществляет должное правовое регулирование, направленное на исключение дискриминации при реализации гражданами репродуктивных прав, беспрецедентным в мировой практике выступает бюджетное финансирование при использовании гражданами вспомогательных репродуктивных технологий. Так как приоритетным является охрана здоровья граждан регламентирован строгий порядок отбора и мониторинг организаций-получателей бюджетных средств для реализации программ вспомогательных репродуктивных технологий.

Анализируя нормативное регулирование можно сделать вывод, что действия государства в сфере в аспекте поддержки многодетности имеют следующую направленность: социально-экономическое благополучие, здоровье семьи, укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Невозможно не заметить то, что активное внимание политических деятелей сегодня уделяется инициативе введения законодателем запрета на искусственное прерывание беременности. Согласно ч. 1 ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия. История подобных запретов выступала предметом анализа многих ученых юристов, социологов, психологов и оценивается нами исключительно негативно. Так, ярчайшим примером выступает опыт нашей страны с 1936 по 1955 год, логичным последствием запрета стало многократное увеличение материнской смертности и убийств матерью новорождённого ребёнка, развитие коррупционных схем в данной области, осуществление искусственного прерывания беременности в организациях не имеющих лицензии на осуществление медицинских услуг, либо

«на дому», самосортирование, приводящее к смерти матери и плода. Принуждение к деторождению не может являться адекватным методом в правовом, социально ориентированном государстве, ведь рождение нежеланного ребёнка имеет глобальные социально-психологические и криминологические последствия.

Видится, что именно повышение ценности родительства, ориентированность на многодетность как норму способны выступить адекватным механизмом выхода страны из кризисного демографического периода.

Подвергшиеся нашему анализу основные меры государственной политики в сфере популяризации многодетности могут быть оценены как положительно влияющие на потенциальное увеличение количества детей в российских семьях. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что реализуемые сегодня в стране правовые установки характеризуют демографическую политику страны не иначе как семейную и многодетно ориентированную, стоит надеяться, что в совокупности с репродуктивными установками молодого поколения, получаемыми в семьях, в ближайшем будущем демографическая обстановка улучшится, а Россия будет страной счастливых многодетных семей.

Литература

1. Указ Президента РФ от 22.11.2023 N 875 "О проведении в Российской Федерации Года семьи".
2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей".
3. Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей".
4. Указ Президента РФ от 23.01.2024 N 63 "О мерах социальной поддержки многодетных семей".
5. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023).
6. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 26.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024).
7. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024).
8. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об основах охраны

здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024).

9. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 N 60457).

Constitutional orientation and state policy in the field of supporting the institution of a strong family as a traditional Russian spiritual and moral value.

Titova A.V., Titov V.D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article raises the issue of popularization of state policy in the field of family protection, preservation of traditional family values, analyzes state policy measures in the field of such a demographic parameter as fertility, taking into account the current demographic situation, identifies one of the areas contributing to solving the demographic challenge, namely the development and support of large families in Russian families, analyzes a set of basic state measures support for large families.

Keywords: demography, public policy, traditional values, family, large families, support measures, large families, maternal (family) capital, assisted reproductive technologies, realization of reproductive rights.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/22/2023 No. 875 "On holding the Year of the Family in the Russian Federation".
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/19/2022 No. 809 "On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values."
3. Federal Law No. 256-FZ of 12/29/2006 "On additional measures of state support for families with children".
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 01/23/2024 No. 63 "On measures of social support for large families".
5. "Family Code of the Russian Federation" dated 12/29/1995 N 223-FZ (as amended on 07/31/2023) (with amendments and additions, introduction. effective from 10/26/2023).
6. "The Tax Code of the Russian Federation (Part one)" dated 07/31/1998 N 146-FZ (as amended on 02/26/2024) (with amendments and additions, intro. effective from 04/01/2024).
7. "Labor Code of the Russian Federation" dated 12/30/2001 No. 197-FZ (as amended on 02/14/2024).
8. Federal Law No. 323-FZ dated 11/21/2011 (as amended on 12/25/2023) "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation" (with amendments and additions, intro. effective from 04/01/2024).
9. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 07/31/2020 No. 803n "On the procedure for the use of assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions to their use" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 10/19/2020 No. 60457).

Конституционные гарантии права на жизнь детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Шинкарюк Дарья Валерьевна

директор, Новосибирская академия педагогики практической психологии и социальной работы, tch7tch@yandex.ru

Конституционные гарантии права на жизнь раскрываются и закрепляются в конституционных нормах, выражая сложное системное взаимодействие положений, установленных в Конституции РФ, и конкретизируются в отраслевом законодательстве. Классифицировать гарантии права на жизнь Детей возможно следующим образом: комплексные специальные гарантии; общие социально-экономические гарантии; идеологические гарантии, представляющие систему концептуально оформленных идей, которые выражают интересы Детей. На текущее время оценка результативности деятельности ФОИВ в исследуемой области проработана недостаточным образом. При этом практика функционирования ФОИВ, а также органов исполнительной власти в субъектах РФ и на уровне муниципалитетов включает в себя факторы, которыми осложняется такая оценка. К ним, как представляется, следует относить: дублирование функций и конкуренция, наличие различий в существующих формах реализации полномочий органов исполнительной и представительной власти и т. д.

Ключевые слова: дети-сироты, без попечения родителей, гарантии, право на жизнь, полномочия, право на охрану здоровья, интересы детей, уважение к правам ребенка .

Сам по себе вопрос гарантированности права на жизнь детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее - Детей) - это непреходящая актуальная проблема, вызванная, в том числе, их неспособностью в силу возраста ориентироваться в таком сложном и неоднозначном вопросе, как гарантии их прав. Вопрос гарантий – это далеко не новая проблема, поскольку

он изучался и получил свое частичное освещение в трудах Е. Кустовой [7. С. 54], Э. Н. Сабитовой [9. С. 65]. Кроме того, вопрос о гарантиях российскими теоретиками государства и права изучается в основном применительно к понятию законности [8. С. 215].

Конечно, в Конституции РФ [1] утвержден безусловный приоритет прав, интересов и благосостояния Детей, а также гарантирована поддержка детства государством и обществом. Это следует и из того, что Россия приняла на себя обязательства в части исполнения Конвенции о правах ребенка [2], в соответствии с которой следует уделять особо повышенное внимание вопросам, связанным с детством и Детьми, так как они являются самой незащищенной социальной группой, имеющей так же, как и любой из граждан РФ, определенный объем прав и обязанностей. П. 4 ст. 67.1 Конституции РФ определено, что Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, в связи с чем государство берет на себя права и обязанности родителей в отношении рассматриваемых в настоящей статье категорий Детей.

Право на жизнь – это абсолютное право, которое никем и ничем не должно нарушаться (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ). Защита детства, реализация гарантий права на жизнь Детей – это вопрос, особо остро стоящий на повестке дня в настоящее время. Март 2024 года ознаменовался траурным происшествием, ставшим шоком не только для граждан Российской Федерации, но и всего мира. Трагедия 22 марта 2024 года, совершенная в Крокус сити холле показала, что следует активнейшим образом развивать дальнейшее правовое регулирование не только положений об уголовной ответственности за совершенные преступления, но и законодательство в сфере реализации гарантий права на жизнь.

Рассматриваемая категория детей является наиболее незащищенной. Жизненные ситуации, вследствие которых ребенок остался сиротой или без попечения родителей, бывают очень разные. К примеру, достаточно распространены ситуации оставления матерью ребенка в роддоме. Данная ситуация стала реальной действительностью и существует в настоящее время, решить ее одновременно не представляется возможным. Но вполне реальным представляется выработать пути ее решения и приступить к поэтапному их исполнению. Это находит свое отражение в судебных постановлениях и определениях уже в последующем, когда иные, предусмотренные законом лица приступают к реализации конституционных прав оставленных детей [4]. В том случае, если ребенок лишен представительства, то его права и законные интересы все так же должны соблюдаться и обеспечиваться, но уже со стороны государства в лице его полномочных органов.

Конституционные гарантии права на жизнь раскрываются и закрепляются в конституционных нормах (ст. 2, 7, 17, 20, 38, 39, 43 Конституции РФ), выражая сложное системное взаимодействие положений, установленных в Конституции РФ, и конкретизируются в отраслевом законодательстве.

Считаем целесообразным классифицировать гарантии права на жизнь Детей следующим образом:

- комплексные специальные гарантии, направленные на обеспечение право на имя, право на приобретение гражданства, право наследования, а также другие, предусмотренные в Федеральном законе от 21.12.1996 N 159-ФЗ "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" [3];

- общие социально-экономические гарантии (право на охрану здоровья и медицинскую помощь и т.д.);

- идеологические гарантии, представляющие систему концептуально оформленных идей, которые выражают интересы Детей (в виде поощрения средств массовой информации к распространению информации о воспитании уважения к правам ребенка, пропаганде значимости их соблюдения и защиты).

Конституционные гарантии права на жизнь Детей находятся в прямой взаимосвязи в надлежащей реализации на практике права Детей на охрану здоровья.

Конституционные гарантии права на жизнь Детей (во всех своих проявлениях) выступают в качестве неотъемлемых составляющих всего

комплекса гарантий прав и свобод человека и гражданина. Необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемой тематике реализация конституционных гарантий права на жизнь Детей возможна только с помощью деятельности органов власти, оптимального государственного управления, непосредственно управленческой деятельности должностных лиц.

С учетом этого повышение качества государственного управления - это значимое направление для совершенствования и, конечно же, проблема, которая до конца не решена до настоящего времени государственными органами власти РФ. Несомненно, что в конечном итоге данная задача должна быть решена, поскольку вопросы реализации прав Детей должны разрешаться вне зависимости от внешних факторов: действующего государственного строя, взаимоотношений между различными группами населения и т. д. Более того, это также является важным и для самих органов власти, поскольку некоторые из них и были созданы для решения данной задачи.

Учитывая это, как одно из основных направлений реформы государственного управления в России стоит обозначить разработку и внедрение системы показателей (критериев) по оценке эффективности и результативности деятельности федеральных органов исполнительной власти

(далее – ФОИВ) в области реализации гарантий права на жизнь Детей, повышение результативности вследствие применения данных критериев [5. С. 311].

Нам видится целесообразным выделение трех групп критериев:

1. Показатель результативности государственного управления в сфере обеспечения гарантий права на жизнь Детей.

2. Показатель эффективности государственного управления в сфере обеспечения гарантий права на жизнь Детей.

3. Внутриведомственная система оценки результативности и эффективности государственного управления в сфере обеспечения гарантий права на жизнь Детей.

Учитывая выше обозначенные критерии, не следует забывать о различиях и дифференцированном использовании показателей "результативности" и показателей "эффективности" деятельности ФОИВ.

Оценивать эффективность и результативность работы ФОИВ в исследуемой в данном случае области нужно для того, чтобы определить: каким образом, насколько продуктивно и в какой степени работа конкретного государ-

ственного органа оказывает влияние на реализацию прав Детей, какие отрасли задействованы, как их следует развивать и на каком уровне (в регионах или на федеральном уровне).

Показатели деятельности ФОИВ в области обеспечения гарантий права на жизнь Детей должны быть направлены на выработку оптимального режима деятельности всего органа. Применительно к этому необходимо выделить основополагающую проблему, которая существует в настоящее время, если говорить о формировании системы показателей оценки эффективности и результативности деятельности ФОИВ. Очевидно, что это вопрос выбора количества критериев, по которым будет производиться оценка эффективности и результативности деятельности, а именно: выбор их оптимального количества. Определенный негативный момент в данном случае видится в том, что если количество критериев будет велико, то может потеряться положительный эффект от их практического применения. Поскольку мониторинг большого количества показателей результативности может быть перекрыт издержками на производство этих действий [6. С. 408].

С учетом этого показатели должны находиться в строгой взаимосвязи с целями и задачами деятельности определенного органа. Так, например, дом ребенка является учреждением здравоохранения на территории конкретного субъекта РФ.

На уровне данного субъекта РФ он находится в подчинении органов исполнительной власти субъекта РФ. Как правило, это Департаменты здравоохранения, Комитеты, структурные подразделения областных администраций, Правительств регионов (применительно к каждому субъекту данный орган имеет свое название, отличное от названий, существующих в структурах органов исполнительной власти иных субъектов РФ) и т. д. Далее, выходя на уровень ФОИВ, стоит отметить, что на федеральном уровне дом ребенка руководствуется политикой, проводимой Министерством здравоохранения РФ. Соответственно, применяемые Минздравом РФ цели, задачи и политика, показатели результативности и критерии оценки эффективности всегда актуальны и для учреждений родовспоможения.

В связи с чем показатели результативности и критерии оценки эффективности должны:

- полно показывать потребности рассматриваемой категории Детей, учитывая их возрастные и личные потребности;

- сводить к минимуму возникновение возможных нежелательных или негативных эффектов;

- позитивно влиять на качество деятельности соответствующего органа;

- понижать количество неудовлетворенных потребностей Детей;

- приносить пользу рассматриваемой категории Детей в результате своей деятельности, выполнения имеющихся полномочий.

На основании изложенного сделаем выводы.

1. Конституционные гарантии права на жизнь раскрываются и закрепляются в конституционных нормах, выражая сложное системное взаимодействие положений, установленных в Конституции РФ, и конкретизируются в отраслевом законодательстве.

2. На текущее время оценка результативности деятельности ФОИВ в исследуемой области проработана недостаточным образом. При этом практика функционирования ФОИВ, а также органов исполнительной власти в субъектах РФ и на уровне муниципалитетов включает в себя факторы, которыми осложняется такая оценка. К ним, как представляется, следует относить: дублирование функций и конкуренция, наличие различий в существующих формах реализации полномочий органов исполнительной и представительной власти и т. д. Для того, чтобы обеспечить высокую результативность и эффективность в обеспечении прав Детей, следует обратить особое внимание на совершенствование внутренней организации и управления деятельности полномочных органов, обеспечивая разумный контроль за их деятельностью и выполнением обязанностей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (Дата обращения: 01.04.2024 г.).

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI. 1993.

3. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 04.08.2023) "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей"

(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 52. Ст. 5880.

4. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 11.12.2018 по делу N 33-14839/2018 // СПС «Консультант Плюс».

5. Галкин А.И. Основные направления повышения эффективности и результативности деятельности органов государственной власти в Российской Федерации / А.И. Галкин // Актуальные проблемы и перспективы развития государственного управления: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции (г. Москва, 23 ноября 2013 г.): Сборник научных статей / Под редакцией С.Е. Прокофьева, О.В. Паниной, С.Г. Еремина. Москва: Юстицинформ, 2014. С.544.

6. Еремин С.Г. О современной оценке эффективности и результативности деятельности федеральных органов исполнительной власти // Экономика и предпринимательство. 2022. N 1-1(66). С. 406 - 410.

7. Кустова Е. Квартиры детям-сиротам // Жилищное право. 2016. N 2. С. 49 – 58.

8. Морозова Л.А. Теория государства и права. М. Эксмо. 2004. С. 350.

9. Сабитова Э.Н. Формы и способы защиты семейных прав по законодательству Российской Федерации // Современное право. 2015. N 11. С. 64 – 67.

Constitutional guarantees of the right to life of orphans and children without parental care

Shinkaryuk D.V.

Novosibirsk Academy of Pedagogy of Practical Psychology and Social Work

It is possible to classify as follows: comprehensive special guarantees 1996 N 159-FZ; general socio-economic guarantees (right to health and medical care, etc.); ideological guarantees, representing a system of conceptually designed ideas that express the interests of Children. At present, the assessment in the area under study has not been sufficiently developed. At the same time, the practice of functioning and at the municipal level, includes factors that complicate such an assessment. These, it seems, should include: duplication of functions and competition, differences in the existing forms of implementation of the powers of executive and representative authorities, etc. In order to ensure high effectiveness and efficiency in ensuring the rights of Children, special attention should be paid to improving the internal organization and management of the activities of authorized bodies, ensuring reasonable control over their activities and performance of duties.

Keywords: orphans, without parental care, guarantees, right to life, powers, executive authority, federal law., the right to health protection, the interests of children, respect for the rights of the child.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>. (Date of access: 04/01/2024).
2. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (came into force for the USSR on September 15, 1990) // Collection of international treaties of the USSR. Issue XLVI. 1993.
3. Federal Law of December 21, 1996 N 159-FZ (as amended on August 4, 2023) "On additional guarantees for social support for orphans and children left without parental care" (as amended and additionally, entered into force from 01.01.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. N 52. Art. 5880.
4. Appeal ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court dated December 11, 2018 in case No. 33-14839/2018 // SPS "Consultant Plus".
5. Galkin A.I. Main directions for increasing the efficiency and effectiveness of the activities of public authorities in the Russian Federation / A.I. Galkin // Current problems and prospects for the development of public administration: Materials of the annual international scientific and practical conference (Moscow, November 23, 2013): Collection of scientific articles / Edited by S.E. Prokofieva, O.V. Panina, S.G. Eremina. Moscow: Justitsinform, 2014. P.544.
6. Eremin S.G. On modern assessment of the efficiency and effectiveness of the activities of federal executive authorities // Economics and Entrepreneurship. 2022. N 1-1(66). pp. 406 - 410.
7. Kustova E. Apartments for orphans // Housing Law. 2016. N 2. P. 49 – 58.
8. Morozova L.A. Theory of Government and Rights. M. Eksmo. 2004. P. 350.
9. Sabitova E.N. Forms and methods of protecting family rights under the legislation of the Russian Federation // Modern law. 2015. N 11. P. 64 – 67.

Процедуры и механизмы защиты прав работников при невыплате заработной платы через призму российского законодательства

Винярский Александр Юрьевич

аспирант, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», avin_sledkom@mail.ru

В статье представлена характеристика существующих процедур и механизмов защиты прав работников при невыплате заработной платы через призму российского законодательства. Были рассмотрены примеры из правоприменительной практики, свидетельствующие о том, что была судебными органами допущена ошибка при вынесении судебного решения, однако позднее за основу был взят следующий принцип: после вынесения судом соответствующего решения о взыскании с организации-работодателя невыплаченной зарплаты сотруднику, а также социальных пособий (при наличии) за работником остаётся право на предъявление исковых требований по отношению к работодателю на взыскание дополнительной денежной компенсации до фактического взаиморасчёта. Имеющийся в России правовой механизм обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты обладает недостатками, поэтому были представлены рекомендации по его совершенствованию.

Ключевые слова: невыплата заработной платы, процедуры и механизмы, российское законодательство, обеспечение прав сотрудников, защита от рисков, нормативные требования, организация-работодатель.

Введение. Для многих государств международного сообщества, включая и РФ, весьма актуальной выступает проблема обеспечения прав сотрудников в связи с ликвидацией организации-работодателя. Особое внимание этой проблеме уделяется в работе международных организаций, в частности, МОТ, и органов государственной власти внутри конкретной страны.

В сфере обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с ликвидацией организации-работодателя существуют правовые акты международного значения, среди которых:

1. Конвенция МОТ «Относительно защиты заработной платы» [1];
2. Конвенция МОТ «О защите требований трудящихся в случае неплатёжеспособности предпринимателя» [2];
3. Европейская социальная хартия (с 2023 года не действует [3]).

Перечисленные правовые акты выступают основой формирования национального законодательного механизма обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с ликвидацией организации-работодателя. Так, в наиболее развитых странах, включенных в ЕС, применяются основополагающие принципы обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с ликвидацией организации-работодателя:

1. Формирование учреждений гарантийной системы прав сотрудников в сфере своевременной и полной зарплаты;
2. Установление преимуществ для организаций к нормативным требованиям по выплате зарплаты в отличие от требований различных кредиторов к организации.

Зачастую внутри развитых стран действуют не только указанные выше правовые механизмы, поскольку для увеличения уровня обеспеченности прав сотрудников, нужно на постоянной основе искать возможности совершенствования законодательных основ регулирования рассматриваемого процесса. В данном исследовании предлагается систематизировать процедуры и механизмы защиты прав работников при невыплате заработной платы через призму российского законодательства.

Результаты исследования и их обсуждение. В отечественной практике осуществляются определенные мероприятия, цель которых состоит в совершенствовании процедур и механизмов обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с ликвидацией организации-работодателя.

В соответствии с нормативными положениями ТК РФ [4] сотрудник обладает правом требовать выплаты заработанных в процессе трудовой деятельности средств. При невыплате организацией-работодателем зарплаты своевременно либо в полном объеме сотрудник зачастую обращается с исковыми требованиями в суд, где возбуждается дело приказного производства с целью взыскания с организации-работодателя образовавшейся задолженности.

Для того чтобы взыскать задолженность по зарплате с помощью механизма приказного производства, сотрудник подаёт исковое заявление на выдачу в суде приказа, где будет отражен размер задолженности, временной период невыплаты зарплаты. При этом сотрудник должен представить суду документы о том, что зарплата в период невыплаты была начислена организацией-работодателем. Описываемая процедура обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты отражена в ст. 122 УПК РФ [5].

Приказное судебное производство представляет собой упрощенную процедуру обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты судебного регулирования взыскания образовавшейся задолженности. Такие судебные дела рассматриваются мировыми судьями и имеют сокращенный срок рассмотрения и вынесения судебного решения. При этом организация-работодатель может оспорить выданный сотруднику судебный приказ в течение десяти дней с даты выдачи документа. Если возражение со стороны организации-работодателя подано, то действие выданного судебного приказа прекращается. Тогда защита прав сотрудников при невыплате зарплаты осуществляется при помощи судебного иска [6, с. 148].

В данном случае речь идёт именно о материальной ответственности организации-работодателя по отношению к своим работникам. Данный правовой институт нашёл своё отражение в ст. 236 ТК РФ. Здесь отмечено, что помимо зарплаты, организация-работодатель должна выплатить сотруднику проценты в связи с образовавшейся задолженностью не меньше 1/150 от значения ключевой ставки Банка России ежедневно при наличии просроченного платежа. Существует определённый порядок выплаты такой суммы: после того, как

срок выплаты зарплаты и процентов был установлен, со следующего дня организация-работодатель должна перечислять денежную сумму по задолженности и процентам. При этом просроченная задолженность за организацией-работодателем остаётся до момента полного взаиморасчёта с сотрудником. Если на заранее установленную дату выплата просроченной заработной платы и процентов будет неполной, то денежная компенсация в форме процентов будет далее исчисляться из фактически не перечисленной сотруднику задолженности.

Важно обратить внимание на существование механизма определения процентов, которые должен получить сотрудник при невыплате ему зарплаты. Выплата компенсации в форме процентов представляет собой один из способов компенсации сотруднику понесённых убытков или вреда в связи с несвоевременным получением положенной зарплаты [7, с. 25]. Другими словами, подобный вид компенсации носит алиментарный характер. Следовательно, выплата сотруднику процентов от образовавшейся задолженности по невыплаченной зарплате в контексте существующего механизма определения процентов не может в полной мере выполнить функцию правового обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты. Тогда присутствует необходимость совершенствования правового механизма определения компенсационной выплаты для сотрудника по причине невыплаты зарплаты.

Нормами трудового законодательства закреплено, что выплата зарплаты осуществляется через каждые 14-15 дней. Момент выплаты зарплаты сотруднику устанавливается локальными регламентами организации-работодателя, трудовым договором, однако конкретная дата не должна быть позже пятнадцати календарных дней со дня окончания временного промежутка, за который были заработаны работником денежные средства.

В процессе анализа содержания ст. 136 ТК РФ и ст. 236 ТК РФ было выявлено, что нормативные положения, приведенные в данных статьях трудового законодательства, позволяют обнаружить злоупотребление трудовым правом. Так как установленная норма о временном периоде выплаты оплаты труда не является императивной, работодатели также могут не фиксировать определённую дату выплаты зарплаты. Следовательно, у сотрудника право на получение компенсационной выплаты в связи с несвоевременной выплатой зарплаты появится только первого числа месяца, следующего за тем временным периодом, когда зарплата не была выплачена.

Анализируя правоприменительную практику, можно заметить, что ВС РФ была допущена ошибка в одном из судебных разбирательствах, проходивших в 2019 году [8]. Тогда ВС РФ отметил, что за организацией-работодателем не закреплена материальная ответственность перед сотрудником при невыполнении судебного решения по выплате зарплаты, ссылаясь на действующую в то время редакцию ст. 236 ТК РФ. В данном случае при вынесении соответствующего решения ВС РФ опустил сущность системы оплаты труда во взаимоотношениях между сотрудниками и организацией-работодателем, а также возможность выплаты сотруднику специальной компенсационной выплаты. Исковые требования истца не были удовлетворены в возникшем трудовом споре, компенсационная выплата не была назначена ВС РФ.

Однако в другом судебном решении было отражено, что после вынесения судом соответствующего решения о взыскании с организации-работодателя невыплаченной зарплаты сотруднику, а также социальных пособий (при наличии) за работником остаётся право на предъявление исковых требований по отношению к работодателю на взыскание дополнительной денежной компенсации в контексте ст. 236 ТК РФ до фактического взаиморасчёта [9]. Подобный подход в правоприменительной практике подразумевает, что сотрудники обладают возможностью получения справедливой компенсации, что взаимосвязано с целями действующих трудовых норм и правовой ответственности.

Для того чтобы усовершенствовать существующее российское трудовое законодательство в области материальной ответственности организации-работодателя, следует обратиться к зарубежному опыту Республики Армения по данной теме. Например, в соответствии со ст. 198 ТК РА [10] выплата зарплаты была осуществлена по вине организации-работодателя, так как были нарушены сроки выдачи денежных средств, тогда со стороны организации выплачивается также компенсационная выплата 0,15% от общего значения невыплаченной в срок зарплаты, однако сумма денежной компенсации не должна быть больше размера невыплаченной зарплаты. Важно отметить наличие диспозитивного характера приведенной выше нормы, поскольку определение компенсационной выплаты обусловлено наличием вины со стороны организации-работодателя. Представляется очевидным, в законодательстве Республики присутствует ограничение

прав сотрудников на возмещение материального ущерба при помощи компенсационной выплаты. Кроме того, механизм определения суммы компенсации обусловлен принятым процентом от невыплаченной зарплаты сотруднику. При сравнении законодательства двух стран можно увидеть, что в РФ используется аналогичный подход, однако наблюдаются отличия. В Республике по сравнению с РФ сумма компенсационной выплаты не зависит от изменчивости ключевой ставки Банка Армении. Тогда этот правовой механизм представляется наиболее оптимальным в отличие от определения суммы компенсационной выплаты, учитывающая ключевую ставку Банка России, так как её практическое использование в механизме будет способствовать, при прочих равных условиях, низкому объёму дополнительной выплаты.

Одновременно с этим временные периоды перечисления зарплаты устанавливает организация-работодатель через локальные регламенты внутренней деятельности или сотрудником посредством заключения дополнительного соглашения. Это способствует в некоторой степени обеспечению прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с неплатёжеспособностью организации-работодателя, помимо этого, у работодателя не будет возможности злоупотреблять трудовым правом.

Предельный размер компенсационной выплаты сотруднику равен невыплаченной зарплате. Подобная концепция не всегда представляется целесообразной с экономической точки зрения. Например, в организации имеются категории сотрудников, у которых оплата труда весьма высокая, например, топ-менеджер, директор. Следовательно, при невыплате зарплаты топ-менеджеру размер компенсационной выплаты может стать существенным для баланса организации.

Обращает на себя внимание пример из правоприменительной практики Республики Армения, основные выводы которого следует подробно проанализировать в данном исследовании. В данной стране существуют особенности правового обеспечения интересов сотрудников при невыплате зарплаты. Суд в процессе разбирательства указал на то, что выявление объёма зарплаты, если работодатель её не выплатил, компенсационной выплаты может быть осуществлено сотрудником самостоятельно. Существование у работника чёткого алгоритма определения зарплаты может стать правовым основанием для того, чтобы выплачиваемая сотруднику денежная сумма была изменена. В

судебном решении также отмечается, что в таких случаях может быть реализован сотрудником механизм возмещения невыплаченной заработной платы с целью погашения образовавшейся задолженности с применением ключевой ставки Банка Армении. Поэтому представленные правовые механизмы используются в Республике параллельно.

С учётом вышеизложенного нужно представить рекомендации по совершенствованию института материальной ответственности организации-работодателя при невыплате заработной платы сотрудникам:

1. Внести дополнение в Постановление Пленума ВС РФ [11] о том, что, несмотря на вынесенное судебное решение о взыскании невыплаченной сотруднику заработной платы и социальных пособий, за работником остаётся право на предъявление исковых требований по отношению к работодателю на взыскание дополнительной денежной компенсации в контексте ст. 236 ТК РФ до фактического взаиморасчёта;

2. Закрепить за сотрудником право самостоятельного определения компенсационной выплаты. В данном случае можно применить в правоприменительной практике механизм обеспечения прав сотрудников при невыплате заработной платы, который имеется в Республике Армения;

3. В процессе определения компенсационной выплаты в связи с образовавшейся задолженностью по невыплаченной зарплате нужно трансформировать подход в сторону того, чтобы ключевая ставка Банка России при выполнении расчётов не применялась. Вместо этого в ТК РФ нужно установить следующую формулу (1) определения компенсационной выплаты сотруднику:

$$КП = ЗП * 0,02 * Д \quad (1)$$

где

КП – компенсационная выплата сотруднику;

ЗП – объём заработной платы;

Д – количество дней просроченной задолженности по невыплаченной вовремя заработной плате.

Тем не менее, общий размер ежемесячной компенсационной выплаты не должен превышать МРОТ, установленный в российском регионе, где функционирует организация-работодатель.

4. Нужно позволить сотруднику заключить дополнительное соглашение с организацией-работодателем, которое будет регламентировать временные периоды по выплате заработной платы или социальных пособий. Подобная рекомендация в значительной степени не может мини-

мизировать вероятность злоупотребления правом со стороны организации-работодателя, тем не менее, четвёртая рекомендация направлена на соблюдение баланса интересов обеих сторон трудовых взаимоотношений по сравнению с императивным характером нормы по установлению временных периодов выплаты заработной платы или социальных пособий.

Приведенные рекомендации могут поддерживать материальное благополучие сотрудника после того, как перечисление положенных денежных средств за трудовую деятельность восстановится. Для того чтобы решить вопрос трудовых взаимоотношений между сотрудником и компанией-работодателем, когда выплата заработной платы отсутствует, нужно сформировать правовой механизм обеспечения прав сотрудников, при котором зарплата будет застрахована. Здесь организация-работодатель должна сформировать страховой фонд, который будет пополняться ежемесячно на сумму 10% от достигаемой чистой прибыли. Порядок деятельности организации-работодателя при создании страхового фонда, а также временные промежутки пополнения страхового фонда должны быть выявлены локальными регламентами.

Следует заметить, что практическое нецелое применение денежных средств, вложенных в страховой фонд, будет возможным, однако подобное решение должно приниматься на уровне собственников, учредителей, акционеров. Если работодатель является индивидуальным предпринимателем, то здесь согласие на управленческие решения по нецелевому использованию денежных средств из страхового фонда предоставляют непосредственно сотрудники.

При этом нецелевое использование существующих в страховом фонде денежных средств возможно, если страховой фонд насчитывает определённую минимальную сумму, которая будет установлена в локальных регламентах организации-работодателя. Если возникнут непредвиденные обстоятельства, например, ликвидация организации-работодателя, её банкротство, то активы страхового фонда будут применяться в целях погашения заёмных обязательств, возникших в трудовых взаимоотношениях между организацией-работодателем и сотрудником. Представляется очевидным, что приведенный механизм страхования трудовой деятельности сотрудника не является принудительным, должен осуществляться компанией добровольно.

В современных условиях крайне много организаций-работодателей, которые ликвиди-

руются либо запускают процедуру банкротства по причине неплатёжеспособности. По итогам первого полугодия 2023 года число банкротств юридических лиц уменьшилось на 40% по сравнению с результатом первого полугодия 2022 года. При этом в абсолютном выражении число банкротств юридических лиц достигло 3115 единиц. Тенденцию изменения данного показателя можно проследить на рисунке 1. В рассматриваемый промежуток времени количество наблюдений за финансовым состоянием бизнеса повысилось практически на 6%. Одновременно с этим число намерений кредиторов юридических лиц обратиться с заявлением о признании юридического лица банкротом в суд также увеличилось чуть более чем в два раза, примерно до 16 тыс. единиц.

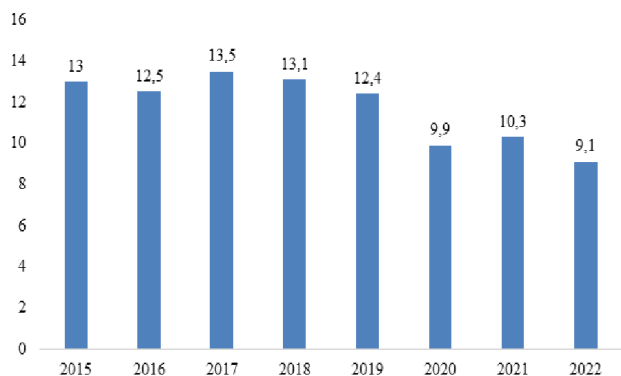

Рисунок 1 – Тенденции динамического изменения показателя числа банкротств юридических лиц, тыс. ед.
Источник: составлено автором на основе [12], [13].

Повышение количества наблюдений за финансовым состоянием организаций и намерений кредиторов обратиться с заявлением о признании юридического лица банкротом в суд обуславливают тот факт, что на ближайшую перспективу ожидается ежемесячный прирост числа банкротств юридических лиц в среднем на 600 организаций. Помимо этого, длительная действенность введенного в 2022 году моратория на банкротство способствовала тому, что некоторые компании сохранили собственный бизнес, после завершения моратория продолжили функционировать. При этом сдерживающим фактором банкротства юридических лиц является усиление правовых и предпринимательских основ субсидиарной ответственности, следовательно, ежемесячный прирост числа банкротств юридических лиц будет ниже по сравнению с показателями 2019-2021 гг.

Среди российских регионов по анализируемому показателю лидировали г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Респуб-

лика Татарстан, Свердловская область, Краснодарский край, Новосибирская область, Республика Башкортостан, Хабаровский край, Самарская область.

Значительным этапом в увеличении уровня обеспеченности прав сотрудников стала ратификация в РФ нормативных положений, изложенных в Конвенции МОТ «О защите требований трудящихся в случае неплатёжеспособности предпринимателя». Тем не менее, была осуществлена частичная ратификация этого правового документа, поскольку третий раздел, регламентирующий обеспечение требований сотрудников к компании-работодателю посредством формирования учреждений гарантийной системы прав сотрудников в сфере своевременной и полной зарплаты, не был ратифицирован в РФ.

Следует заметить, что решением упомянутой проблемы может быть формирование в РФ системы гарантийных выплат для сотрудников, права которых в своевременной и полной выплате зарплаты были нарушены организацией-работодателем. В некоторых академических исследованиях, где отражается проблема обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с ликвидацией организации-работодателя, утверждается, что формирование в РФ системы гарантийных выплат для сотрудников – эффективная мера совершенствования существующего правового механизма [14].

Тем не менее, если в РФ в будущем будет введен метод формирования системы гарантийных выплат для сотрудников, то появится вопрос, кто станет ответственным в механизме обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты. Гарантийная система для сотрудников на получение положенных выплат по заработной плате, вероятно, будет сочетать процедуры обязательного страхования, где страховщиком станет Социальный фонд России, и компоненты гарантийных региональных организаций. В данном случае такой подход позволит увеличить уровень эффективности системы контроля за физическими лицами – сотрудниками организаций.

При этом стоит обратить внимание на отрицательные стороны и проблемы, которые возникнут в связи с практическим использованием метода формирования системы гарантийных выплат для сотрудников:

1. Страхование обеспечения сотрудников обусловлено лишь защитой от риска утраты оплаты труда (максимальный временной период – 90 дней), других видов материального

обеспечения со стороны работодателя: социальных пособий, компенсационных выплат, однако данный момент не учитывается законодательными нормами;

2. Право на использование страховой защиты сотрудников при невыплате зарплаты имеет застрахованный гражданин с продолжительностью трудового стажа более полугода;

3. Механизм получения сотрудником единовременной компенсации весьма сложный для практической реализации, при этом перечень представляемых документов не является конкретным, поэтому увеличивается бюрократизация данного процесса.

С целью практического использования правового гарантийного обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с ликвидацией организации-работодателя в данном исследовании предлагаются такие мероприятия:

1. Активизация органов государственной власти для проработки механизма увеличения социально-профессионального статуса сотрудников неплатежеспособных организаций;

2. Необходимо дополнить ТК РФ нормативными положениями о том, что при практической реализации процедур банкротства права сотрудников расширяются;

3. Нужно ввести новый тип страхования граждан – обязательное страхование на случай утраты оплаты труда в связи с неплатежеспособностью организации. Обязанности страховщика будет выполнять Социальный фонд России или гарантийная региональная организация. Одновременно с этим система страхового обеспечения будет охватывать любые виды материальных требований сотрудников (невыплаченную зарплату и компенсацию морального вреда сотрудника), что не противоречит содержанию ст. 12 Конвенции МОТ «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя»;

4. В федеральное законодательство следует внести изменения, при помощи которых будет принята полная ответственность собственника активов организации перед сотрудниками по всем видам материальных требований, что не противоречит содержанию ст. 12 Конвенции МОТ «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя»;

5. Включение в гл. 21 ТК РФ новой статьи, раскрывающей гарантии обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с неплатежеспособностью организации-работодателя. Статья будет включать общие положения

гарантийного обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты, права сотрудников, порядок избрания представителя группы сотрудников на получение гарантийной компенсации и для принятия участия в процедурах банкротства, основные виды защиты прав сотрудников при невыплате зарплаты.

Выводы. В данном исследовании были представлены направления совершенствования существующего правового механизма обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты:

Внести дополнение в Постановление Пленума ВС РФ о том, что, несмотря на вынесенное судебное решение о взыскании невыплаченной сотруднику зарплаты и социальных пособий, за работником остаётся право на предъявление исковых требований по отношению к работодателю на взыскание дополнительной денежной компенсации в контексте ст. 236 ТК РФ до фактического взаиморасчёта;

2. Закрепить за сотрудником право самостоятельного определения компенсационной выплаты;

3. В процессе определения компенсационной выплаты в связи с образовавшейся задолженностью по невыплаченной зарплате нужно трансформировать подход в сторону того, чтобы ключевая ставка Банка России при выполнении расчётов не применялась. Тем не менее, общий размер ежемесячной компенсационной выплаты не должен превысить МРОТ, установленный в российском регионе, где функционирует организация-работодатель.

4. Нужно позволить сотруднику заключить дополнительное соглашение с организацией-работодателем, которое будет регламентировать временные периоды по выплате зарплаты или социальных пособий.

Практическая реализация механизма правового гарантийного обеспечения прав сотрудников при невыплате зарплаты в связи с ликвидацией организации-работодателя на основе предложенных мероприятий позволит в существенной мере смягчить воздействие отрицательных последствий на современное общество. Кроме того, данный механизм станет значительным аспектом выплаты справедливой и полной зарплаты.

В условиях демократизации государства риск невыплаты зарплаты сотрудникам в связи с неплатежеспособностью организации целесообразно компенсировать за счёт экономических и правовых оправданных средств. Сюда можно отнести формирование учреждений гарантийной системы прав сотрудников в сфере

своевременной и полной зарплаты с учётом практического использования обязательного страхования. Помимо этого, можно развивать систему добровольного страхования в области гарантийного обеспечения выплаты зарплаты сотрудникам посредством введения налоговых вычетов и льгот на основе коллективных договоров.

Литература

1. Конвенция N 95 Международной организации труда (с изм. от 23.06.1992) «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женева 01.07.1949) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6739/ (дата обращения: 26.02.2024).

2. Конвенция N 173 Международной организации труда «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» (принята в г. Женеве 23.06.1992 на 79-ой сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151685/ (дата обращения: 26.02.2024).

3. Федеральный закон «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28.02.2023 N 43-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/#dst100029 (дата обращения: 26.02.2024).

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.02.2024).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 26.02.2024).

6. Куемжиева Я.Н. Защита трудовых прав в судебном порядке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6. – С. 147-150.

7. Колесникович В.П. Особенности разрешения споров о выплате заработной платы руководителям организаций // Наука и образование сегодня. – 2023. – № 1 (75). – С. 24-27.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда от 10.09.2019 № 58-КГ19-4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-ot-10-09-2019-no-58-kg19-4/)

[kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10062019-n-58-kg19-4/](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10062019-n-58-kg19-4/) (дата обращения: 26.02.2024).

9. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.11.2016 № 33-43595/16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/144733725/> (дата обращения: 26.02.2024).

10. Трудовой кодекс Республики Армения от 21.06.2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=173461> (дата обращения: 26.02.2024).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (дата обращения: 26.02.2024).

12. Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%202022.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

13. Банкротства в России: I полугодие 2023 года. Статистический релиз Федресурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%201-2%20%D0%BA%D0%B2%202023%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

14. Винярский А.Ю. Правовые аспекты определения невыплаты заработной платы: понятие, виды и классификация // Закон и власть. – 2023. – № 3. – С. 29-32.

Procedures and mechanisms for protecting employees' rights in the event of non-payment of wages through the lens of russian legislation

Vinyarsky A.Yurevich

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article presents a description of existing procedures and mechanisms for protecting the rights of workers in case of non-payment of wages through the prism of Russian legislation. Examples from law enforcement practice were considered, indicating that the judicial authorities made an error when making a court decision, but later the following principle was taken as a basis: after the court makes an appropriate decision to collect from the employing organization the unpaid salary to the employee, as well as social benefits (if any) the employee retains the right to file

claims against the employer for the collection of additional monetary compensation before the actual settlement. The existing legal mechanism in Russia to ensure the rights of employees in the event of non-payment of wages has shortcomings, so recommendations for its improvement were presented.

Keywords: non-payment of wages, procedures and mechanisms, Russian legislation, ensuring employee rights, risk protection, regulatory requirements, employing organization.

References

1. Convention No. 95 of the International Labor Organization (as amended on June 23, 1992) "Regarding the protection of wages" (adopted in Geneva on July 1, 1949) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6739/ (date of access: 26.02.2024).
2. Convention No. 173 of the International Labor Organization "On the protection of workers' claims in the event of the insolvency of an entrepreneur" (adopted in Geneva on June 23, 1992 at the 79th session of the ILO General Conference) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151685/ (date of access: 26.02.2024).
3. Federal Law "On the termination of international treaties of the Council of Europe in relation to the Russian Federation" dated 28.02.2023 N 43-FZ [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/#dst100029 (date of access: 26.02.2024).
4. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of access: 26.02.2024).
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on February 14, 2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 26.02.2024).
6. Kuemzhieva Ya.N. Protection of labor rights in court // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2023. – No. 6. – P. 147-150.
7. Kolesnikov V.P. Peculiarities of resolving disputes regarding the payment of wages to heads of organizations // Science and Education Today. – 2023. – No. 1 (75). – P. 24-27.
8. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court dated September 10, 2019 No. 58-KG19-4 [Electronic resource]. – Access mode: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10062019-n-58-kg19-4/> (access date: 26.02.2024).
9. Appeal ruling of the Moscow City Court dated November 8, 2016 No. 33-43595/16 [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/144733725/> (date of access: 26.02.2024).
10. Labor Code of the Republic of Armenia dated June 21, 2005 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=173461> (access date: 26.02.2024).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 N 2 (as amended on November 24, 2015) "On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (date of access: 26.02.2024).
12. Bankruptcy in Russia: results of 2022. Statistical release of Fedresurs [Electronic resource]. – Access mode: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%202022.pdf> (access date: 26.02.2024).
13. Bankruptcy in Russia: I half of 2023. Statistical release of Fedresurs [Electronic resource]. – Access mode: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%2012%20%D0%BA%D0%B2%202023%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf> (date of access: 26.02.2024).
14. Vinyarsky A.Yu. Legal aspects of determining non-payment of wages: concept, types and classification // Law and power. – 2023. – No. 3. – P. 29-32.

Социальная функция нотариата в рамках специальной военной операции

Горинова Оксана Эдуардовна
независимый исследователь, gorinova.oksana@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются формы участия нотариусов при оказании помощи вынужденным переселенцам, мобилизованным, участникам СВО и членам их семей, виды нотариальных действий, наиболее ими востребованных. Обозначаются вопросы, требующие законодательного доурегулирования.

Ключевые слова: Специальная военная операция (СВО), нотариус, нотариальные действия, льготы.

С целью защиты интересов России 24 февраля 2024 года была начата специальная военная операция на территории Украины (СВО), осуществляемая в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) и на основании Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицированного Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 15-ФЗ, вступившего в силу 25 февраля 2022 года) и Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицированного Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 16-ФЗ, вступившего в силу 25 февраля 2022 года).

Все мы уже понимаем, что специальная военная операция — это не начало войны, а попытка завершить конфликт, развязанный Киевом в Донбассе в 2014 году.

9 мая 2023 года на Красной Площади в своем выступлении на Параде Победы президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин заявил, что сейчас, в ходе специальной военной операции, решается будущее государственности России. "Битвы, решающие для судеб нашей Родины, всегда становились отечественными, народными и священными. Мы верны заветам предков, глубоко и ясно понимаем, что значит быть достойными высоты их ратных, трудовых и нравственных свершений. Мы гордимся участниками специальной военной операции", - сказал он. Обращаясь к участникам СВО, президент подчеркнул, что нет сейчас важнее дела, чем ваша боевая работа, на вас держится безопасность страны, от вас зависит будущее нашей государственности и нашего народа. "Вы с честью исполняете свой ратный долг, сражаетесь за Россию. За вами ваши семьи, дети, друзья. Они ждут вас и верят (...), вся страна сплотилась, чтобы поддержать наших героев. Все готовы помочь, молятся о вас", - добавил глава государства.

В послании Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 года Президент России Владимир Владимирович Путин

отметил, что с помощью СВО Россия отстаивает свой суверенитет и безопасность, и решающая роль в этой борьбе принадлежит именно людям, которые демонстрируют сплоченность, верность стране. В российском обществе преобладают такие ценности, как милосердие, взаимная поддержка и солидарность. Такая консолидация общества по важнейшим вопросам жизнедеятельности страны имеет огромное значение для государства, когда каждый на своем месте делает посильный вклад в общее дело.

Сразу после начала специальной военной операции активную работу по оказанию помощи военнослужащим, членам их семей, а также вынужденным переселенцам инициировало и нотариальное сообщество России. Уже в феврале 2022 года Федеральная нотариальная палата России (ФНП) ввела меры поддержки для беженцев, а с началом частичной мобилизации была запущена система льгот и для тех, кто отправлялся на фронт. В феврале 2023 года были введены дополнительные меры поддержки для участников специальной военной операции и их родных. В дальнейшем эти решения нашли отражение и получили правовое закрепление в Приказе Министерства юстиции РФ от 12 сентября 2023 г. N 253 "Об утверждении формулы расчета экономически обоснованного предельного размера регионального тарифа и перечня льгот, применяемых к региональным тарифам", в котором в том числе был закреплен перечень действующих льгот для вышеуказанных граждан.

За совершение нотариальных действий нотариусами, занимающимися частной практикой, взимается единый нотариальный тариф (далее - нотариальный тариф), включающий федеральный и региональный тарифы. Льготы по уплате федерального тарифа за совершение нотариальных действий предусмотрены статьями 333.35 и 333.38 Налогового Кодекса Российской Федерации, а также льготы, применяемые к региональному тарифу, установлены Порядком определения предельного размера платы за оказание нотариусами услуг правового и технического характера (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты России от 29 мая 2023 г., протокол N 8/23) и упомянутым выше Приказом Минюста России от 12.09.2023 №253.

Так, в соответствии со статьей 333.38 Налогового Кодекса Российской Федерации физические лица, признанные гражданами Российской Федерации в связи с принятием в состав Российской Федерации новых регионов: Донецкой Народной Республики, Луганской Народной

Республики, Запорожской и Херсонской областей освобождаются от уплаты государственной пошлины за совершение таких нотариальных действий (федерального тарифа) как удостоверение доверенностей, соглашения об уплате алиментов, брачного договора, завещания, свидетельство верности перевода документа с одного языка на другой, свидетельство подлинности подписи, если такое свидетельство обязательно в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 2.4 Порядка определения предельного размера платы за оказание нотариусами услуг правового и технического характера (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты России от 29 мая 2023 г., протокол N 8/23) лица, проживавшие на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей после 1 февраля 2022 года, вынужденно покинувшие указанные территории и прибывшие на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, освобождаются от взимания платы за оказание услуг правового и технического характера (регионального тарифа) на 100% при совершении в их интересах и (или) в интересах несовершеннолетних лиц, законными представителями которых они являются, до 1 октября 2023 года включительно следующих нотариальных действий:

- свидетельство верности копий документов, удостоверяющих личность, и документов о государственной регистрации актов гражданского состояния лиц, указанных в абзаце первом настоящего пункта - в одном экземпляре копии каждого такого документа;

- свидетельство верности перевода, выполненного нотариусом, документов, удостоверяющих личность, и документов о государственной регистрации актов гражданского состояния указанных лиц, у - в одном экземпляре перевода каждого такого документа.

При предъявлении нотариусу для совершения нотариальных действий, указанных в настоящем пункте, паспорта гражданина Украины с бесконтактным электронным носителем (ID-карты) справка о регистрации по месту жительства или извлечение (справка) из Единого государственного демографического реестра Украины, содержащее сведения о регистрации гражданина по месту жительства, считаются неотъемлемой частью документа, удостоверяющего личность.

В целях предоставления льготы, предусмотренной настоящим пунктом, документами о государственной регистрации актов гражданского

состояния также считаются копии решений суда о расторжении брака, вступивших в законную силу, и извлечения (справки) из государственного реестра регистрации актов гражданского состояния Украины.

Лица, призванные на военную службу в связи с объявлением частичной мобилизации в Российской Федерации с 21 сентября 2022 года, освобождаются от взимания платы за оказание услуг правового и технического характера на 100% при совершении следующих нотариальных действий:

- удостоверение доверенностей, за исключением доверенностей в порядке передоверия;
- удостоверение завещаний, за исключением удостоверения совместных завещаний супругов и завещаний, условия которых предусматривают создание наследственного фонда;
- удостоверение юридически значимых волеизъявлений (в том числе согласий законных представителей, опекунов, попечителей на выезд несовершеннолетних детей за границу, получение несовершеннолетним ребенком заграничного паспорта, водительского удостоверения). Физические лица освобождаются от платы за оказание услуг правового и технического характера на 100% за выдачу свидетельств о праве на наследство при наследовании имущества военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, принимавших участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, и погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы (службы в войсках, органах и учреждениях). К числу погибших относятся также лица, умершие до истечения одного года вследствие ранения (контузии), заболеваний, полученных в связи с вышеперечисленными обстоятельствами.

Супруг, родители и несовершеннолетние дети, в том числе усыновленные, военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, принимавших участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, погибших (умерших) при

исполнении обязанностей военной службы (службы в войсках, органах и учреждениях), освобождаются от платы за оказание услуг правового и технического характера на 100% при совершении следующих нотариальных действий:

- удостоверение доверенностей, за исключением доверенностей в порядке передоверия;
- удостоверение согласий на выезд несовершеннолетних детей за границу, получение несовершеннолетним ребенком заграничного паспорта, водительского удостоверения;
- свидетельствование верности копий документов, удостоверяющих личность, и документов о государственной регистрации актов гражданского состояния указанных лиц, - в одном экземпляре копии каждого такого документа.

Военнослужащие и сотрудники федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, принимавшие участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины, получившие ранения и находящиеся на излечении в госпиталях и других военно-лечебных учреждениях, освобождаются от платы за оказание услуг правового и технического характера на 100% при совершении следующих нотариальных действий:

- удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе;
- передача документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам (за исключением передачи лично под расписку);
- свидетельствование верности копий документов, удостоверяющих личность.

В Приказе Министерства юстиции РФ от 12 сентября 2023 г. N 253 также отражены эти льготы.

Учитывая, что территории, с которых прибывали беженцы в нашу страну, определенное время находились под юрисдикцией Украины, то основная часть документов, удостоверяющих личность этих людей (паспорта, свидетельства о рождении) и подтверждающих тот или иной статус гражданского состояния (свидетельство о заключении/расторжении брака, о перемене имени, фамилии, о смерти и др.) были составлены на украинском языке. По прибытию в Россию вынужденно покинувшим тер-

ритории Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей предстояло получение временного убежища, для дальнейшего оформления статуса беженца, а в последующем российского гражданства. Для этих действий, а также для получения льгот и субсидий, установленных Правительством Российской Федерации, требовалось представление в уполномоченные органы определенного пакета документов. Поэтому с начала СВО наиболее востребованными нотариальными действиями среди вынужденных переселенцев были свидетельствование верности копий документов, подлинности подписи переводчика на документах, верности перевода документов. Безусловно наше государство, в том числе в лице нотариусов, предприняло меры, чтобы процесс интеграции таких людей в гражданское общество России прошел максимально быстро и комфортно для всех. По данным Федеральной нотариальной палаты от 26 сентября 2022 года, размещенной на информационном портале «нотариат.рф» на 20 сентября 2022 года нотариусы совершили свыше 205 тысяч нотариальных действий для таких людей в 65 субъектах Российской Федерации, предоставив льготы на сумму более 96 миллионов рублей.

С объявлением частичной мобилизации граждане России призывного возраста массово стали обращаться к нотариусам за свидетельствованием подлинности подписи физических лиц на документах, верности выписок, удостоверения доверенностей (в большей части так называемых «генеральных» на распоряжение всем имуществом) согласий супругов и завещаний. Для тех, кто не успел посетить нотариуса до призыва, нотариусами в разных регионах нашей страны были организованы выезды в пункты сбора мобилизованных для совершения необходимых нотариальных действий.

26 апреля 2023 года в Москве на VI Конгрессе нотариусов Российской Федерации Президент Федеральной нотариальной палаты России Константин Анатольевич Корсик сообщил, что поддержка граждан в условиях СВО является важным примером социальной ответственности нотариата. К этому моменту нотариат по своей инициативе и за свой счет предоставил для вынужденных переселенцев, мобилизованных, участников СВО и членов их семей льготы на общую сумму более 320 млн рублей. Это около 400 тысяч нотариальных действий.

«Льготы для военнослужащих и членов их семей — это ещё одно инициативное решение

нотариата, которое всецело отвечает актуальным задачам социальной политики государства. Это общий вклад всего нотариального общества. Помощь, которую нотариусы могут оказать здесь и сейчас героям, защищающим интересы нашей страны, и их семьям, нуждающимся в поддержке» - отметил президент Президент Федеральной нотариальной палаты России Константин Анатольевич Корсик (Российская газета-Федеральный выпуск: №136(9081) от 22 июня 2023 года).

Важно отметить, что как и все социально значимые проекты нотариата, инициатива с предоставлением льгот реализуется исключительно за счет средств нотариусов, без привлечения бюджетных денег.

Безусловно, нотариат создает все необходимые условия для того, чтобы вынужденные переселенцы, мобилизованные и все иные участники СВО, а также члены их семей, могли быстро, без очереди и даже в выходные дни совершить необходимые нотариальные действия. В связи с чем в регионах была налажена работа «дежурных нотариальных контор», организовано внеочередное и выездное обслуживание мобилизованных в пунктах сбора, учебных центрах для военнослужащих и т.д.. Тем самым нотариат расширяет условия для оперативного обеспечения доступной квалифицированной юридической помощью граждан, которым она необходима.

В последнее время дополнительную важность для участников СВО приобрела так называемая в средствах массовой информации "нотариальная телепортация" - мгновенная передача официальных документов от нотариуса из одного города нотариусу в другой город (удостоверение равнозначности документов, передача их в электронном виде одним нотариусом другому, преобразование электронного документа в бумажный). Например, для раненых военнослужащих, которые находятся на лечении в госпиталях, требуется подача заявления на предоставление государственных услуг либо оформление различных документов для получения льгот, выплат, страхового возмещения, для решения других жизненных вопросов. В этом им также помогают нотариусы, которые выезжают в госпитали, оперативно оформляют и отправляют семье доверенности, согласия и прочие важные документы. Эти нотариальные действия совершаются в рамках описанных ранее предоставленных участникам СВО льгот.

В процессе практического применения указанных льгот обозначился вопрос о возможности применения льгот как для мобилизованных лиц, так и для контрактников (участники СВО на

основании заключенного контракта с Министерством обороны России) и добровольцев (участники добровольческих формирований). В Приказе Министерства юстиции РФ от 12 сентября 2023 г. N 253 "Об утверждении формулы расчета экономически обоснованного предельного размера регионального тарифа и перечня льгот, применяемых к региональным тарифам" и в Порядке определения предельного размера платы за оказание нотариусами услуг правового и технического характера (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты России от 29 мая 2023 г., протокол N 8/23) льготы предоставляются лицам, призванным на военную службу в связи с объявлением частичной мобилизации. А как быть контрактникам и добровольцам? В этой ситуации большинство нотариусов по собственной инициативе предоставляют льготы всем участникам СВО, потому что они ощущают свое единство с этими людьми-героями, осознают значимость их подвига, готовы всячески оказывать им помощь и поддержку.

На встрече с главой Башкирии Радием Хабировым 13 января 2023 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин сказал: «Люди должны чувствовать, что страна с ними, страна поддерживает их и понимает ту роль и миссию, которую они выполняют. 14 декабря 2023 года в Москве на Пресс-конференции глава государства заявил, что для обеспечения равных условий поддержки всех участников СВО будут приняты поправки в закон.

Также этот вопрос поднимался 08 апреля 2024 года в Государственной Думе Российской Федерации депутатом Галиной Инокентьевной Данчиковой. Она проинформировала, что в ответ на соответствующий запрос Министерство юстиции Российской Федерации сообщило о подготовке проекта указа, предусматривающего освобождение от уплаты регионального тарифа в размере 100% не только мобилизованных в Вооруженные Силы РФ граждан, но и заключивших контракт о добровольном участии в спецоперации на территориях, где она ведется. И Президент Федеральной нотариальной палаты РФ Константин Анатольевич Корсик подтвердил, что позиции сторон согласованы, решения будут приняты.

В марте 2024 года на встрече с премьер-министром Михаилом Владимировичем Мишустинным фракция ЛДПР предложила поправки в Налоговый кодекс Российской Федерации, освобождающие от уплаты государственных пошлин при совершении нотариальных дей-

ствий участников СВО и ветеранов боевых действий. Правительство России поддержало такую инициативу.

Стоит отметить, что Федеральным законом от 22 апреля 2024 г. № 88-ФЗ "О внесении изменений в статьи 333.35 и 333.38 части второй Налогового кодекса Российской Федерации" родственников погибших от обстрелов со стороны Украины освободили от уплаты пошлины за совершение нотариальных действий при выдаче свидетельства о праве на наследство.

Кроме того, нотариусы всей страны участвуют в благотворительной помощи участникам СВО, собирают и отправляют на фронт гуманитарные грузы.

Так, в 2022 году на нужды СВО нотариусы Воронежской области направили свыше 6 млн рублей, собранных за счет личных средств нотариусов. В 2023 году они также продолжили сбор денег для закупки продуктов, оборудования, в том числе для военных нужд (Российская газета-Федеральный выпуск № 51(9293) от 06 марта 2024 года).

Нотариальная палата Омской области передала участникам СВО прицелы и рации (Газета Омского района Омской области «Омский пригород» от 15 марта 2024 года).

Нотариусы Оренбуржья за полтора дня собрали 270 тысяч рублей. Купленные на эти деньги антидрон, дальномеры, бинокли и навигаторы уже служат бойцам в зоне СВО (Газета Оренбуржье от 13 ноября 2023 года).

Нотариусы нотариальной палаты Свердловской области посещают раненных бойцов в военном госпитале Екатеринбурга, помогают госпиталю в приобретении лекарственных средств, перевязочных материалов, в закупке нового оборудования (за счет личных средств нотариусов было закуплено и передано госпиталю новое медицинское оборудование— портативное устройство для УЗИ головного мозга и оборудование для челюстно-лицевой хирургии («Российская газета — Неделя — Урал», № 295(9240) от 27 декабря 2023 года).

В декабре прошлого года нотариусы Москвы передали войсковой части в ДНР 13 единиц санитарной техники, в том числе восемь автомобилей УАЗ (типа «Буханка»), внедорожник «Нива», два автомобиля УАЗ Патриот, два квадроцикла с тележками для транспортировки раненых. Также нотариусы из столицы помогают обеспечивать медицинские бригады воинских частей носилками «Анюта» со съемным велосипедным колесом.

По данным Федеральной нотариальной палаты (нотариат.рф) общая сумма благотворительной помощи, оказанной нотариальным сообществом, составляет около 100 млн рублей.

Помимо материальной поддержки нотариусы оказывают всестороннюю правовую помощь военнослужащим, в том числе и тем, кто находится на излечении в госпиталях. Лично навещают раненых, организуют юридическое консультирование для членов их семей, участвуют в различных мероприятиях, проводимых волонтерскими группами, адресно проводят встречи и участвуют в жизни семей участников СВО.

В соответствии с Указом Президента РФ от 03.04.2023 N 232 "О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции "Защитники Отечества" бесплатную консультацию по вопросам, касающимся совершения нотариальных действий, могут получить:

- ветераны боевых действий, принимавшие участие (содействовавшие выполнению задач) в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины с 24 февраля 2022 г., на территориях Запорожской области и Херсонской области с 30 сентября 2022 г., уволенные с военной службы (службы, работы);

- лица, принимавшие в соответствии с решениями органов публичной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 г.;

- члены семей вышеназванных лиц, погибших (умерших) при выполнении задач в ходе специальной военной операции (боевых действий), члены семей вышеназванных лиц, умерших после увольнения с военной службы (службы, работы), если смерть таких лиц наступила вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при выполнении задач в ходе специальной военной операции (боевых действий).

Нотариат активно сотрудничает с госфондом «Защитники Отечества» — как на федеральном, так и на региональных уровнях. Цель их совместной работы — оказание правовой помощи участникам и ветеранам СВО и членам их семей.

В апреле 2023 года в Едином пункте отбора на контрактную службу армии России в Москве начала работать постоянная консультационная площадка. За девять месяцев нотариусы Москвы бесплатно оказали там 3 013 консультаций, совершили 929 действий. Также правовая помощь оказывается бойцам, находящимся на лечении в военных госпиталях, на выезде. На сайте Московской городской нотариальной палаты размещены список и контакты группы нотариусов, которые постоянно сотрудничают с госпиталями. За 2023 года московские нотариусы провели в госпиталях 663 юридические консультации, совершили 548 нотариальных действий.

Отдельная работа проводится в пунктах сбора добровольцев. Так, например, нотариусы г. Москвы ежедневно дежурят в едином добровольческом центре по СВО (на ул. Яблочкова). Они консультируют добровольцев и в случае необходимости бесплатно удостоверяют такие документы, как доверенности, согласия, копии, завещания.

Нотариусы страны прилагают усилия к тому, чтобы профессия нотариуса была максимально доступной и удобной для граждан. Как отметил президент ФНП Константин Анатольевич Корсик «Нотариусы не могут оставаться в стороне, когда мы видим, что наш опыт и квалификация могут помочь людям, а где-то нотариальные действия просто необходимы в чрезвычайных ситуациях. Дополнительные льготы, выезды и внеочередное обслуживание, благотворительные акции, которые реализуют нотариальные палаты регионов и нотариусы на местах - это инициативный вклад всего нотариального сообщества в общее важное дело».

Оказывая всестороннюю помощь участникам СВО и их семьям нотариусы выражают поддержку своей стране и уважение к подвигу наших защитников. Вклад нотариусов в помощь участникам СВО неоднократно отмечался органами государственной власти: территориальными управлениями Министерства юстиции РФ, главами, представителями правительства и законодательных собраний регионов и другими. Также слова благодарности поступают от общественных, медицинских и благотворительных организаций, командования воинских частей и рядовых военнослужащих.

Самое важное, что можно сказать о поддержке, которую оказывают нотариусы - она регулярная и интенсивность ее не снижается.

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.)

2. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицированного Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 15-ФЗ, вступившего в силу 25 февраля 2022 года)

3. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицированного Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 16-ФЗ, вступившего в силу 25 февраля 2022 года)

4. Налоговый кодекс Российской Федерации

5. Приказ Министерства юстиции РФ от 12 сентября 2023 г. N 253 "Об утверждении формулы расчета экономически обоснованного предельного размера регионального тарифа и перечня льгот, применяемых к региональным тарифам"

6. Порядком определения предельного размера платы за оказание нотариусами услуг правового и технического характера (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты России от 29 мая 2023 г., протокол N 8/23)

7. Федеральны закон от 22 апреля 2024 г. № 88-ФЗ "О внесении изменений в статьи 333.35 и 333.38 части второй Налогового кодекса Российской Федерации"

8. Указ Президента РФ от 03.04.2023 N 232 "О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции "Защитники Отечества"

9. Российская газета-Федеральный выпуск № 51(9293) от 06.03.2024

10. Газета Омского района Омской области «Омский пригород» от 15 марта 2024 года

11. Газета Оренбуржье от 13 ноября 2023 год

12. «Российская газета — Неделя — Урал», № 295(9240) от 27 декабря 2023 года

13. Информационный ресурс нотариат.рф

Social function of the notary within the framework of a special military operation

Gorinova O.E.

This article discusses the forms of participation of notaries in providing assistance to forced migrants, mobilized people, participants of the SVO and members of their families, the types of notarial actions most in demand by them. Issues requiring further legislative regulation are identified.

Key words: Special military operation (SVO), notary, notarial actions, benefits.

References

1. Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945)
2. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Donetsk People's Republic of February 21, 2022 (ratified by Federal Law No. 15-FZ of February 22, 2022, which entered into force on February 25, 2022)
3. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Lugansk People's Republic of February 21, 2022 (ratified by Federal Law No. 16-FZ of February 22, 2022, which entered into force on February 25, 2022)
4. Tax Code of the Russian Federation
5. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated September 12, 2023 N 253 "On approval of the formula for calculating the economically justified maximum regional tariff and the list of benefits applied to regional tariffs"
6. The procedure for determining the maximum amount of fees for the provision of legal and technical services by notaries (approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber of Russia dated May 29, 2023, protocol No. 8/23)
7. Federal Law of April 22, 2024 No. 88-FZ "On Amendments to Articles 333.35 and 333.38 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation"
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/03/2023 N 232 "On the creation of the State Fund for Support of Participants in the Special Military Operation "Defenders of the Fatherland"
9. Russian newspaper-Federal issue No. 51(9293) dated 03/06/2024
10. Newspaper of the Omsk district of the Omsk region "Omsk suburb" dated March 15, 2024
11. Orenburg newspaper dated November 13, 2023
12. "Russian newspaper - Week - Ural", No. 295 (9240) dated December 27, 2023
13. Information resource notariat.rf

Особенности корпоративных конфликтов, осложненных иностранным элементом

Жильцов Вячеслав Александрович

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», ip.zhiltsov@gmail.com

Статья занимается анализом корпоративных конфликтов, возникающих в условиях современного бизнес-пространства, где столкновения интересов различных сторон так или иначе связаны с международным участием, в работе освещаются основные типы конфликтов, в том числе недружественные поглощения и споры, порожденные управленческими решениями.

Автор уделяет внимание взаимодействию с государственными органами и влиянию иностранного капитала, так, рассматриваются правовые принципы в российском корпоративном законодательстве, анализируются международные практики урегулирования подобных споров через арбитраж и медиацию.

В конце статьи автор пишет о понимании и применении международного коммерческого права в решении подобных конфликтов с фокусом на защиту прав всех участников процесса, в том числе миноритарных акционеров и иностранных инвесторов.

Ключевые слова: корпоративные конфликты, иностранный элемент, недружественные поглощения, фидуциарные обязанности, арбитраж, международное право, корпоративное управление.

Корпоративные конфликты, возникающие в ходе управления и реализации права собственности проявляются через столкновение интересов различных групп участников, в том числе государственные органы, акционеры, руководство и внешние инвесторы. Распространенными формами являются недружественные поглощения и корпоративные борьбы за контроль, споры, вызванные нерегулярностями в управленческих решениях и взаимодействии с общественностью и государственными органами, еще одним фактором является экономический, такой как стремление к контролю над финансовыми потоками и товарными рынками [4].

Классификация корпоративных конфликтов обычно затрагивает разнообразные стороны, среди которых основными являются признаки, связанные с предметом противостояния и целями, преследуемыми участниками конфликта, в частности, выделяются конфликты, возникающие из-за стремления сторон контролировать значительные корпоративные активы или управлять финансовыми и товарными потоками компании – данный вид конфликтов принимает форму недружественных поглощений или конкурентной борьбы, при которой одна сторона стремится временно заблокировать или устранить другую как бизнес-единицу.

Отдельный класс корпоративных конфликтов связан с внешним участием, например, вмешательством государства в корпоративные дела, часто мотивированное экономической безопасностью или регуляторными вопросами, подонные конфликты возникают на фоне несогласия по вопросам доли иностранного капитала или управления стратегически важными предприятиями.

В корпоративном праве России большое значение приобретают гражданско-правовые нормы, которые определяют хозяйственно-правовой статус субъектов предпринимательской деятельности, устанавливают основные положения, регулирующие деятельность корпораций, здесь нормы содержат положения о хозяйственных обществах и товариществах, обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью, акционерных обществах, зависимых и дочерних обществах.

Конфликт интересов между акционерами и управляющими часто возникает из-за структурных особенностей корпоративного управления, где акционеры владеют компанией, а управляющие осуществляют контроль, в публичных компаниях с разнообразным составом акционеров такое разделение особенно заметно и зачастую приводит к возникновению конфликтов из-за различия в целях между владельцами и руководителями.

Фидуциарные обязанности управленцев (добросовестность и независимое суждение в интересах компании) помогают предотвращению конфликтов интересов, например, Федеральный закон «Об акционерных обществах» [1] требует, чтобы руководители компании действовали информированно, прозрачно и с учетом интересов всех акционеров с целью минимизировать потенциальные конфликты, вызванные личными интересами управленцев или их стремлением к удовлетворению интересов третьих лиц [7].

Согласно практике, при наличии фидуциарных обязанностей, директора избегают действий в собственных интересах и обеспечивают, чтобы их действия отражали интересы акционеров и корпорации, например, в рамках американской правовой системы существует так называемое правило делового суждения (Business Judgement Rule), которое защищает решения управленцев, принятые в процессе их добросовестной работы, даже если эти решения приводят к отрицательным последствиям для компании.

Корпоративные конфликты с иностранным участием часто возникают из-за взаимодействия различных правовых и культурных систем, одной из основных причин таких конфликтов является информационная закрытость компаний, в России, например, это часто связано с высоким уровнем административного давления на успешные предприятия и активностью корпоративных поглотителей, то есть информационная закрытость создаёт условия для злоупотребления инсайдерской информацией.

Другой значимой причиной являются разногласия между партнерами по поводу финансовых результатов деятельности компании, так финансовые трудности или, наоборот, неожиданный финансовый успех усиливает существующие противоречия или провоцирует новые, например, конфликты возникшие на фоне обсуждения вопросов об инвестициях в развитие бизнеса или распределении прибыли.

Наконец, несогласованность ролей и ответственностей между иностранными и местными

партнёрами служат причиной конфликтов, поэтому нужно чётко определять зоны ответственности и уровень участия каждого из партнёров в управлении компанией, чтобы избежать пересечения полномочий и возникающих на этой почве разногласий.

С юридической точки зрения регулирование подобных корпоративных конфликтов с иностранным элементом отличаются в зависимости от правовой системы страны, в российском праве, например, основное внимание уделяется защите прав акционеров и урегулированию споров через арбитражные суды, то есть применяется Кодекс корпоративного поведения, который направлен на предотвращение и урегулирование корпоративных конфликтов, обеспечивая соблюдение прав акционеров и защиту их имущественных интересов, помимо этого, российское законодательство устанавливает возможности «исцеления» юридических лиц при нарушениях закона, если такие нарушения были выявлены за рамками разумного срока.

В рамках международной практики применяются различные механизмы для минимизации рисков и споров, вызванных иностранным участием, такие как договоры, которые учитывают особенности международного частного права и местного корпоративного законодательства [10], например, в Великобритании и США применяются как судебное, так и внесудебное разрешение споров, так, в этих странах упор делается на защите прав акционеров и других стейкхолдеров, и на предотвращении возникновения конфликтов через строгую корпоративную отчетность и прозрачность действий управляющих компаний [2].

В странах Европейского Союза применяются медиации и арбитраж, но главное, большое внимание уделяется защите прав миноритарных акционеров и других стейкхолдеров, так как регуляции в ЕС стремятся обеспечить баланс интересов всех участников корпоративных отношений, в том числе в вопросах управления, соблюдения прав собственности и прозрачности корпоративных операций.

То есть международное право и корпоративные конфликты — две сферы, пересекающиеся на практике в условиях глобализации бизнеса и правовых регулирований, так исследования показывают, что главным принципом в разрешении корпоративных конфликтов с международным элементом является понимание и применение международного коммерческого права, в том числе такие понятия как «обычное торговое право» (“lex mercatoria”), которое означает со-

вокупность торговых правил и норм, признанных на международном уровне, данные правила помогают создавать общее понимание к урегулированию споров, несмотря на различия в национальных законодательствах [3].

Осложняется урегулирование конфликтов на международном уровне применением процедурных норм и правил, которые зачастую влекут за собой арбитражные и судебные процессы в различных странах, и поскольку такие процедуры затратные по времени и финансам, то предпочтительным становится поиск других способов разрешения споров через медиацию или переговоры.

Международный коммерческий арбитраж – средство для разрешения корпоративных конфликтов на глобальном уровне, данный механизм основывается на принципах автономии сторон и конфиденциальности, предоставляя бизнес-субъектам возможность решать споры в нейтральной и независимой среде, а типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, принятый в 1985 году и модифицированный в 2006 году, служит каркасом для гармонизации национальных законодательств и улучшения арбитражных процессов по всему миру [6], в нем установлены общепринятые процедуры, которые содействуют единообразию и согласованности в разрешении споров, связанных с корпоративным управлением и контрактами.

В ряде стран, в том числе России, международные арбитражные учреждения, такие как Международный суд арбитража ICC и Сингапурский международный арбитражный центр SIAC, получили статус постоянных арбитражных учреждений, что дает им право управлять корпоративными спорами, в том числе теми, которые связаны с акциями или управлением компаниями зарегистрированными в России. Главное преимущество международного коммерческого арбитража в корпоративных спорах заключается в его обеспечении быстрым разрешением споров по сравнению с традиционными судебными процедурами.

А использование прецедентов из практики таких судов, как Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты или Лондонский международный арбитражный суд помогают создать стратегии защиты интересов в международных корпоративных делах, ориентируясь на ранее выработанные решения по аналогичным делам.

Подобный опыт рассмотрения прецедентов и практики международных арбитражных судов в решении корпоративных конфликтов стано-

вится вектором единых стандартов правоприменения и укреплении принципа правовой определенности в международных экономических отношениях, так рассмотрение корпоративных споров третейскими судами подчиняется основополагающим принципам арбитражного правосудия, таким как автономия воли сторон, конфиденциальность, беспристрастность арбитров и непересматриваемость арбитражных решений по существу обычными судами, что обеспечивают не только справедливое разбирательство, но и соответствие решений публичному порядку стран, участвующих в арбитраже [9].

В частности, практика признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, регулируемая Нью-Йоркской конвенцией 1958 года, которая позволяет исполнять решения международных арбитражных судов на территории различных государств и тем самым содействовать международному коммерческому сотрудничеству и правовой взаимопомощи между странами.

Также выделим, что международные научно-практические конференции часто обсуждают вопросы эффективности международного арбитража для обмена опытом и координации усилий в развитии арбитражного правоприменения с учетом разных правовых систем участников этих процессов.

С точки зрения урегулирования споров с иностранным инвестором, то оно зависит от факторов таких как выбор правовой системы и арбитражного суда, например, главных механизмов для разрешения таких споров является международный арбитраж часто посредством Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) или других арбитражных институтов, таких как ЮНСИТРАЛ или Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма.

Инвестиционные споры обычно возникают из нарушений условий двусторонних или многосторонних инвестиционных соглашений, где вопросы касаются как субъективных прав инвестора, так и общих положений договора, здесь главным вопросом является наличие оговорок о разрешении споров, которые определяют не только судебную инстанцию, но и процедуры, которым должны предшествовать обращения в суд, такие как переговоры или обязательное медиативное урегулирование [8].

Правовая база, регулирующая инвестиционные споры, обычно содержит соответствующие статьи в национальных законах об иностранных инвестициях и инвестиционной деятельности, международные договоры, которые Россия

или другие страны заключили с целью защиты иностранных инвестиций, ведь они обеспечивают юридическую рамку для защиты прав инвесторов и обеспечения соблюдения обязательств государствами.

Сама проблематика правового регулирования корпоративных конфликтов с участием иностранных субъектов касается следующих вопросов:

1) Юрисдикции и применимого права – остаются наиболее острыми, поскольку различия в национальных правовых системах приводят к конфликтам норм и трудностям в исполнении решений.

2) Защита прав и интересов миноритарных акционеров в условиях корпоративного управления, где иностранное участие часто кардинально меняет баланс сил.

3) Коррупции и прозрачности деятельности корпораций, которые требуют от правовых систем более тщательного регулирования и международного сотрудничества для создания успешных механизмов контроля [5].

4) Недостаточно развитая практика урегулирования споров, когда одна из сторон — иностранный инвестор.

В заключении выделим, что проблематика корпоративных конфликтов требует понимания не только национального, но и международного права, особенно с точки зрения глобализации экономических процессов, а регулятивные механизмы, такие как международный коммерческий арбитраж в обеспечении справедливости и эффективности разрешения споров, ведь они предлагают бизнес-субъектам нейтральные и конфиденциальные средства для урегулирования разногласий, при этом принимают во внимание особенности международных корпоративных отношений.

В связи с этим, в решении международных корпоративных конфликтов следует уделить внимание защите прав и интересов всех участников, (в том числе миноритарных акционеров и иностранных инвесторов), далее, обратить внимание на совершенствование законодательных и практических механизмов для борьбы с коррупцией и повышения прозрачности действий корпораций, чтобы обеспечить доверие и сотрудничество на международном уровне, например, путем укрепления международных стандартов в области корпоративного управления и инвестиционной деятельности.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Об акционерных обществах : Федеральный закон от

26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – Москва : Государственная Дума РФ, 2023.

2. Андреева А. Р. Правовое регулирование корпоративных конфликтов в зарубежных странах (на примере Великобритании и США) // Юриспруденция. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-korporativnyh-konfliktov-v-zarubezhnyh-stranah-na-primere-velikobritanii-i-ssha> (дата обращения: 19.04.2024).

3. Ашавский Б. М., Бирюков М. М., Бордунов В. Д. и др. Международное право : учебник / отв. ред. Егоров С. А. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2014.

4. Денисов В. А. Формирование агентских корпоративных отношений в переходной экономике России : диссертация. – Москва, 2004.

5. Карагусов Ф. С. Совершенствование правового регулирования вопросов учреждения компаний с иностранным участием и правового режима корпоративных договоров в законодательстве Республики Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 1 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovani-e-pravovogo-regulirovaniya-voprosov-uchrezhdeniya-kompaniy-s-inostrannym-uchastiem-i-pravovogo-rezhima> (дата обращения: 20.04.2024).

6. Международный коммерческий арбитраж. United Nations Commission On International Trade Law. – URL: <https://uncitral.un.org/en/node/2050> (дата обращения: 21.04.2024).

7. Севрюк О. С. Фидуциарные обязанности в корпоративных отношениях по российскому корпоративному праву. – Москва : НИУ ВШЭ, 2017.

8. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс : учебник. – Москва : "Проспект", 2010. – 416 с.

9. Чекулаев С. С. Корпоративные конфликты, осложненные иностранным элементом, и способы их разрешения : диссертация. – Москва : РАНХиГС, 2021.

10. Чекулаев С. С. Мировой опыт разрешения корпоративных конфликтов, осложненных иностранным элементом : учебное пособие. – Москва, 2022.

Features of corporate conflicts complicated by a foreign element Zhiltsov V.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
The article analyzes corporate conflicts that arise in the modern business environment, where clashes of interests of various parties are in one way or another connected with international participation; the work highlights the main

types of conflicts, including hostile takeovers and disputes generated by management decisions.

The author pays attention to interaction with government agencies and the influence of foreign capital, thus, legal principles in Russian corporate legislation are considered, and international practices for resolving such disputes through arbitration and mediation are analyzed.

At the end of the article, the author writes about the understanding and application of international commercial law in resolving such conflicts with a focus on protecting the rights of all participants in the process, including minority shareholders and foreign investors.

Keywords: corporate conflicts, foreign element, hostile takeovers, fiduciary duties, arbitration, international law, corporate governance.

References

1. Andreeva A. R. Legal regulation of corporate conflicts in foreign countries (using the example of Great Britain and the USA) // *Jurisprudence*. – 2010. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-korporativnyh-konfliktov-v-zarubezhnyh-stranah-na-primere-velikobritanii-i-ssha> (access date: 19.04.2024).
2. Ashavsky B. M., Biryukov M. M., Bordunov V. D. and others. *International law: textbook / rep. ed. Egorov S. A.* – 5th ed., revised. and additional – Moscow: Statute, 2014.
3. Denisov V. A. *Formation of agency corporate relations in the transitional economy of Russia: dissertation.* – Moscow, 2004.
4. Karagusov F. S. Improving the legal regulation of issues of establishing companies with foreign participation and the legal regime of corporate agreements in the legislation of the Republic of Kazakhstan // *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. – 2020. – No. 1 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-pravovogo-regulirovaniya-voprosov-uchrezhdeniya-kompaniy-s-inostrannym-uchastiem-i-pravovogo-rezhima> (date of access: 04/20/2024).
5. International commercial arbitration. United Nations Commission On International Trade Law. – URL: <https://uncitral.un.org/en/node/2050> (access date: 04/21/2024).
6. Russian Federation. *Laws. On joint stock companies: Federal Law of December 26, 1995 N 208-FZ (as amended on December 25, 2023).* – Moscow: State Duma of the Russian Federation, 2023.
7. Sevryuk O. S. *Fiduciary responsibilities in corporate relations under Russian corporate law.* – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2017.
8. Farkhutdinov I.Z. *International investment law and process: textbook.* – Moscow: "Prospekt", 2010. – 416 p.
9. Chekulaev S.S. *Corporate conflicts complicated by a foreign element and ways to resolve them: dissertation.* – Moscow: RANEPА, 2021.
10. Chekulaev S.S. *World experience in resolving corporate conflicts complicated by a foreign element: textbook.* – Moscow, 2022.

Вопросы определения взаимосвязи субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве и при исключении юридического лица из государственного реестра

Кандрина Елена Геннадьевна

аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, keg1707@rambler.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения правового института субсидиарной ответственности, возникающие при банкротстве предприятия-должника, а также его исключении из единого государственного реестра юридических лиц. Среди всего круга таких вопросов дифференцированы вопросы, связанные с отнесением того или иного лица к лицам, контролирующим организацию; вопросы признания неразумности либо недобросовестности действий лица, контролирующего должника и вопросы, возникающие в связи с использованием концепции прямой деликтной ответственности. По результатам проведенного исследования обоснован вывод о несовершенстве существующего в современной России института субсидиарной ответственности и необходимости дальнейшего его совершенствования.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, исключение из ЕГРЮЛ, контролирующие должника лица, недобросовестность действий, неразумность действий.

Введение.

Наступление субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, является результатом взаимного действия двух групп факторов, имеющих различную правовую природу и обуславливающих возможность причисления того или иного лица к категории контролирующего, а также совершение таким лицом действий, содержащих признаки отступления от таких правовых принципов, как разумность и добросовестность. Законодательством, действующим на территории Российской Федерации, предусмотрены три разновидности оснований её наступления, служащие отражением различных жизненных ситуаций, а также ряд фундаментальных общеправовых и гражданско-правовых принципов (рисунок 1).

Субсидиарная ответственность

1. Предпосылки:

- признание лица контролирующим;
- наличие недобросовестных или неразумных действий контролирующего лица.

2. Основания:

- невозможность полного погашения требований кредиторов;
- неподача или несвоевременная подача заявления о банкротстве;
- исключение общества из ЕГРЮЛ при наличии недобросовестных или неразумных действий контролирующего лица.

3. Принципы:

- законность;
- обоснованность;
- целесообразность;
- неотвратимость;
- недопустимость двойной ответственности;
- полное возмещение вреда.

Рисунок 1 – Предпосылки, основания и принципы наступления субсидиарной ответственности (источник – составлено автором)

При этом каждая из отмеченных на рисунке категорий, в свою очередь, является сложносоставной, а отдельные из них на законодательном уровне формально не определены и в этой связи носят дискуссионный характер. Что в целом ряде случаев затрудняет действия,

направленные на привлечение к субсидиарной ответственности и восстановление нарушенных прав кредиторов и служит препятствием к полноценной реализации принципов законности, неотвратимости ответственности и полного возмещения вреда, причиненного неправомерными действиями.

Указанные обстоятельства, а также то, что процедура привлечения контролирующих лиц по своей правовой природе является одним из важнейших и исключительных средств восстановления нарушенных неправомерными действиями прав кредиторов, как правило, применяющимся после исчерпания возможностей иных инструментов, служат актуализации исследования вопросов, связанных с определением взаимосвязи субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве и при исключении юридического лица из государственного реестра.

Анализ литературных источников.

Различные аспекты рассматриваемой проблематики были и остаются предметом самого пристального внимания научной общественности.

Теоретические основы функционирования соответствующего правового механизма исследовались такими авторами, как А.И. Долгорукый, Л.Т. Бакулина, С.Н. Соловцов, О.В. Гутников, Д.В. Носов, А.В. Бормотов и др.

Правовая природа и практика правоприменения норм, регулирующих вопросы субсидиарной ответственности рассматривались в трудах С.А. Ивановой, С.В. Петухова, О.С. Иоффе, С.С. Покровского, В.Ф. Попондуполо, И.В. Щербининой, С.Н. Беясова, Г.В. Цепова.

Отдельные ситуационные грани института субсидиарной ответственности и его эволюции отражены в работах А.С. Бакина, Е.Е. Богдановой, В.В. Витрянского, Д.С. Ломакина, Е.П. Пруса, В.А. Савиных.

Вместе с тем некоторые из вопросов, связанных с определением взаимосвязи субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве и при исключении юридического лица из государственного реестра в научной литературе и публикациях в достаточной мере не раскрыты, что служит дополнительному повышению актуальности настоящего исследования.

Основная часть.

Согласно правовой позиции, выраженной Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума Верховного суда от 21.12.2017 г. №53, наличие у лица реальной возможности влияния

на действия должника путем дачи ему указаний, обязательных для выполнения, или каким-либо иным образом является обязательным условием отнесения такого лица к числу лиц, контролирующих должника. При этом возможные механизмы влияния соответствующего лица на должника перечислены на рисунке 2.

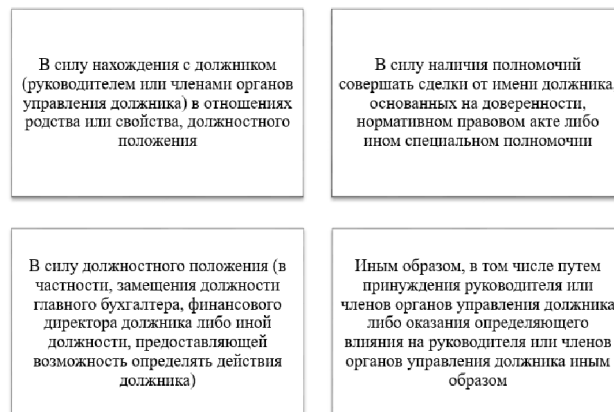

Рисунок 2 – Механизмы влияния контролирующего лица на должника (источник – составлено автором на основании[7])

Важно отметить существование еще одной помимо отмеченных возможностей придания лицу статуса контролирующего должника – таковым оно может быть признаваться судом (в данном случае - арбитражным) по иным, помимо перечисленных, основаниям.

При этом привлечение к субсидиарной ответственности как иных контролирующих лиц, так и возложение на них соответствующих субсидиарных обязанностей по иным основаниям, как правило, представляют значительную сложность ввиду возникновения целого пласта проблем в доказывании преобладающего положения таких лиц в организации-должнике. Особенно затруднительной указанная ситуация становится в том случае, если соответствующее предприятие на момент производства таких действий уже исключено из ЕГРЮЛ, что прямо следует из того, что такое исключение во многих случаях существенно сужает объем доказательственной информации, на которую кредитор может ссылаться для подтверждения собственной позиции, а также в значительной степени затрудняет доступ к составляющим такую информацию фактам[5].

Анализ соответствующих положений законодательства РФ, регламентирующего рассматриваемую в настоящем исследовании сферу правоприменения, а также имеющейся в данном отношении судебной практики предоставляет возможность к дифференциации оснований, исходя из которых недобросовестность либо неразумность действий контролирующего

лица организаций, исключенных из ЕГРЮЛ, может устанавливаться в судебном порядке (рисунок 3).

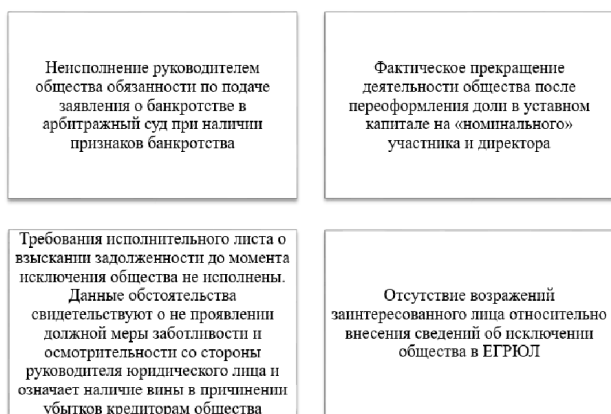

Рисунок 3 – Основания признания неразумности либо недобросовестности действий лица, контролирующего должника (источник – составлено автором на основании [6],[2])

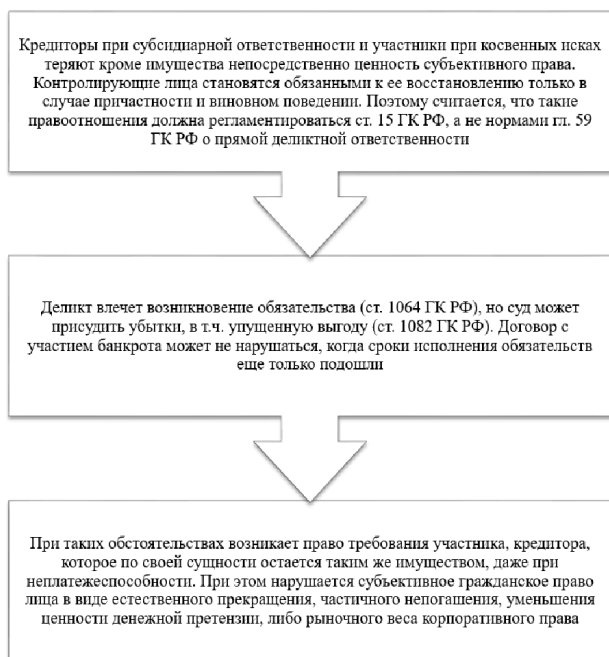

Рисунок 4 - Правовые основания и логические предпосылки возникновения ответственности контролируемых предприятий в рамках концепции прямой деликтной ответственности (источник – составлено автором на основании [4])

Необходимым здесь представляется и рассмотрение правовых оснований и логических предпосылок возникновения ответственности контролируемых предприятий, способных повлечь за собой возникновение ситуации, в которой признанные контролирующими лицами

организации ответчики будут вынуждены возмещать причинение вреда, который фактически не причиняли (рисунок 4). В данном случае можно констатировать использование концепции деликтной ответственности [3], в рамках реализации которой лица могут признаваться контролирующими даже на основании своего косвенного участия в утрате платежеспособности организации-должника в необходимом для погашения задолженностей объеме [4].

Обобщение изложенного позволяет констатировать, что институт субсидиарной ответственности, не смотря на, безусловно, присущие ему положительные стороны, выражающиеся в его ориентированности на защиту охраняемых законом прав и интересов кредиторов, в своём настоящем виде считаться вполне эффективным не может.

В частности, это находит свое выражение в том факте, что существующие в данной сфере правовые нормы часто не предоставляют истцам реальной возможности к определению взаимосвязи субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве и при исключении юридического лица из государственного реестра и делают процесс доказывания недобросовестности ответчиков, а также того, являются ли такие ответчики контролирующими лицами чрезвычайно сложным. Отчасти данное обстоятельство обуславливается имеющей место в гражданско-правовых отношениях презумпции добросовестности таких отношений и возложения бремени доказывания обратного на кредиторов. Реализация которого, как было показано выше, может быть еще более затруднена вследствие исключения должника из ЕГРЮЛ.

Другим немаловажным изъяном рассмотренного раздела законодательства в ряде случаев может становиться присутствующее в нем обязательное условие привлечения к субсидиарной ответственности, выражающееся в наличии у лица, контролирующего должника, формального права дачи обязательных для исполнения указаний¹.

Сумма указанных обстоятельств не позволяет характеризовать существующий в современной России институт субсидиарной ответственности как способствующий полноценной реализации основополагающих правовых ценностей, и кроме того приводит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования такого института.

¹ Степаненко Р.Ф. Цели и ценности наказания как элемент формирования правосознания и правовой культуры (проблемы общей теории права) // Образование и право. 2017. № 3. С. 194–199.

Заключение.

Таким образом, субсидиарная ответственность лиц, контролирующих должника, имея отличную от иных правовых институтов правовую природу, по существу, являясь набором инструментов, призванных обеспечить минимизацию злоупотреблений, связанных с самой правовой конструкцией юридического лица, органичной частью системы норм права, действующих на территории Российской Федерации, в настоящее время не является, что, в том числе, находит свое выражение в отсутствии её связи со ст. 399 Гражданского Кодекса РФ.

При этом перманентно наблюдаемое с момента появления института субсидиарной ответственности контролирующих лиц расширение судебной практики применения такой ответственности, по-видимому, может указывать на принципиальную невозможность разрешения комплекса вопросов о правовой природе субсидиарной ответственности без изменения законодательной базы.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.01.2018 г. по делу № 33-3879 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

2. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.12.2018 г. № 33-14198/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

3. Егоров А. В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2013. № 6. С. 30–34

4. Монастырский, Ю.Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 82–95.

5. Соловцов С.Н. Некоторые проблемные вопросы привлечения к ответственности лиц, виновных в неисполнении обязательства перед кредиторами, в случае исключения общества из единого государственного реестра юридических лиц // Экономическое правосудие в Уральском округе. – 2020. № 3 (55). С. 106–114.

6. Степаненко Р.Ф. Цели и ценности наказания как элемент формирования правосознания и правовой культуры (проблемы общей теории права) // Образование и право. 2017. № 3. С. 194–199.

7. Степанов Д. И., Михальчук Ю. С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4 (приложение). С. 70–74.

Issues of determining the relationship between the subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy and when a legal entity is excluded from the state register

Kandrina E.G.

Russian State University of Justice

The article deals with topical issues of the application of the legal institution of subsidiary liability arising from the bankruptcy of a debtor enterprise, as well as its exclusion from the unified state register of legal entities. Among the whole range of such issues, the authors have differentiated issues related to the attribution of a person to persons controlling an organization; issues of recognizing the unreasonableness or dishonesty of the actions of a person controlling a debtor and issues arising in connection with the use of the concept of direct tort liability. Based on the results of the study, the conclusion is substantiated about the imperfection of the existing institution of subsidiary responsibility in modern Russia and the need for further improvement.

Keywords: subsidiary liability, bankruptcy, exclusion from the Unified State Register of Legal Entities, persons controlling the debtor, dishonesty of actions, unreasonableness of actions.

References

1. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 30.01.2018 in case No. 33-3879 // Access from the SPS "ConsultantPlus"
2. Appeal ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 12/18/2018 No. 33-14198/2018 // Access from the SPS "ConsultantPlus"
3. Egorov A.V., Usacheva K.A. Subsidiary liability for bringing to bankruptcy is an unsuccessful equivalent of the Western doctrine of removing corporate cover // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2013. No. 6. pp. 30-34
4. Monastyrsky, Yu.E. The legal logic of imposing losses on controlling persons // Journal of Russian Law. 2019. No. 2. pp. 82-95.
5. Solovtsov S.N. Some problematic issues of bringing to justice persons guilty of non-fulfillment of obligations to creditors in case of exclusion of the company from the unified state register of legal entities // Economic justice in the Ural district. 2020. No. 3 (55). pp. 106–114.
6. Stepanenko R.F. Goals and values of punishment as an element of the formation of legal awareness and legal culture (problems of the general theory of law) // Education and law. 2017. No. 3. pp. 194-199.
7. Stepanov D. I., Mikhanchuk Yu. S. Director's responsibility to the corporation for losses caused to it in judicial practice // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 4 (appendix). pp. 70-74.

Концептуализация понятия «экономическая безопасность» в юриспруденции: цивилистический аспект

Кравченко Дмитрий Романович

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Mitya.kravchenko.97@bk.ru

Статья подробно исследует концепцию "экономической безопасности" в контексте гражданского права. Освещается дискуссионность и вариативность данного понятия, его роль и значение в стабилизации правовых отношений и защите прав субъектов экономической деятельности. Акцентируется внимание на важности изучения экономической безопасности для создания надежной юридической среды, способствующей устойчивому экономическому развитию. Анализируется влияние этой концепции на различные институты гражданского права, подчеркивая ее ключевую роль в современной правовой системе.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, гражданское право, правовое регулирование, защита прав, предпринимательская деятельность, имущественные права, юридическая защита, правовая стабильность, цивилистика, юридическая среда.

В современном гуманитарном дискурсе, охватывающем такие дисциплины, как юриспруденция, экономика, политология и философия, наблюдается тенденция к использованию универсальных категорий и концептов, однако интерпретации и применения этих категорий значительно различаются в рамках каждой отдельной науки. Такое многообразие подходов к единому терминологическому аппарату не только обогащает каждую дисциплину уникальными идеями и взглядами, но и ставит перед учеными задачу разработки точных определений и концептуальных рамок. Важно понимать, что каждая гуманитарная наука применяет общие понятия в соответствии с собственными теоретическими и методологическими подходами, что приводит к необходимости междисциплинарного взаимодействия для полного осмысления и использования этих концепций [1].

Примером такого многоаспектного понятия является понятие «право», которое в юриспруденции, социологии и политологии интерпретируется существенно по-разному. В юридической науке «право» воспринимается как система норм и принципов, регулирующих общественные отношения и поддерживающих государственный порядок, тогда как в социологии и политологии акцент делается на социальных и политических аспектах права, а также на его влиянии на общественные процессы и поведение индивидов [2].

Цель юриспруденции, как науки, заключается в том, чтобы выделить уникальные характеристики конкретных юридических понятий и отделить определения, свойственные юридической науке, от тех, которые используются в других гуманитарных дисциплинах [3]. Это позволяет не только более точно определять и интерпретировать юридические категории, но и обеспечивает правовую ясность и устойчивость в области законодательства и практики.

Сложность в рамках юриспруденции увеличивается из-за наличия множества отдельных поддисциплин в пределах самой науки, каждая из которых может рассматриваться как независимая область знаний. Это обусловлено тем, что каждая отрасль права, будь то гражданское, административное, уголовное или международное право, обладает своим уникальным

набором терминов и понятий, которые часто различаются по своему содержанию и применению. Например, концепция «договора» в гражданском праве и «договорных обязательств» в международном праве могут иметь различные юридические последствия и трактовки. Таким образом, наличие различных определений и интерпретаций одних и тех же терминов в разных отраслях права усложняет задачу формирования единого терминологического аппарата.

Переходя к концепту "экономическая безопасность" имеет широкое применение не только в различных гуманитарных науках, но и во многих отраслях правовой науки. Однако особое значение этот термин приобретает в контексте гражданского права, особенно в свете современных экономических тенденций, когда частный сектор как самостоятельно, так и в рамках государственно-частного партнерства, играет ключевую роль в обеспечении экономического благосостояния общества. Это обуславливает необходимость анализа и концептуализации "экономической безопасности" в рамках цивилистики, поскольку именно гражданское право регулирует отношения между субъектами в частном секторе и устанавливает правовые рамки для функционирования бизнеса.

Перед тем как глубоко анализировать категорию "экономическая безопасность" с позиции права, важно осмыслить суть понятия "безопасность" с общегуманитарной и философской точек зрения. В широком смысле, "безопасность" воспринимается как состояние отсутствия угрозы, сохранности и надежности, применяемое как к природным, так и к социальным процессам. Этот термин играет ключевую роль в научной картине мира, выполняя эвристическую функцию и позволяя глубже понять взаимосвязи между различными научными областями, включая философию, социологию и юриспруденцию. Как отмечал Х.Г. Гадамер, понятие "безопасность" на уровне общественного сознания интерпретируется как защита от опасности, что делает его важнейшим социальным благом и условием нормального функционирования общества [4]. Исследования в области национальной безопасности России, проведенные Иззадустом Э.С., подчеркивают, что безопасность начинает рассматриваться как важнейшее социальное благо, отвечающее интересам и целям людей. В юридическом контексте это понятие приобретает особое значение, поскольку безопасность становится одним из основных принципов, регулирующих правовые

отношения [5]. В.И. Митрохин определяет безопасность как меру защищенности жизненного пространства, чести, достоинства и ценностей личности, социальных групп и государства, подчеркивая ее комплексный и мультидисциплинарный характер [6].

М.И. Агалабаев, в свою очередь, анализируя категорию "безопасность" с гносеологической точки зрения, расширяет понимание этого термина, подчеркивая его значимость в объединении различных научных дисциплин. С его точки зрения, безопасность можно рассматривать как состояние, обеспечивающее отсутствие опасности и сохранность жизнедеятельности в различных условиях, будь то природные или социальные процессы. Этот подход позволяет углубить понимание безопасности как фундамента для стабильности и развития общества и государства [7].

В контексте права, и особенно в области гражданского права, безопасность можно рассматривать как состояние защищенности, как отмечает Степашин С.В. Это состояние включает в себя защиту от различных угроз, обеспечение стабильности и поддержание поступательного развития общества.

Рассмотрев различные подходы к понятию безопасность, хотелось бы отметить, что подход, согласно которому безопасность рассматривается как «комплексное состояние защищенности», наилучшим образом подходит для анализа и применения в области права, включая гражданское право [8].

К сожалению, в существующем нормативно-правовом регулировании понятие «безопасность» не нашло должного отражения. Так, понятие "безопасность" было впервые определено в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 года "О безопасности" как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [11]. При всем этом на текущий момент закон потерял утратил свою силу, поскольку был принят новый закон "О безопасности", который, хотя и определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению различных видов безопасности, включая безопасность личности, однако не содержит конкретного определения самого понятия "безопасность" [12]. Именно поэтому важно определить концепцию безопасности на доктринальном уровне.

Данная задача особенно актуальная в связи с необходимостью правового определения такой категории, как «экономическая безопасность». Текущая неопределенность в понятии "безопасности" в законодательстве Российской

Федерации затрудняет разработку эффективных мер и механизмов для защиты экономической стабильности и безопасности, как на уровне отдельной личности, так и в масштабе всего общества. Следовательно, пересмотр и уточнение данного понятия являются предпосылками для более полного и системного подхода к вопросам экономической безопасности в правовой сфере.

Что же такое экономическая безопасность и какое ее отражение находим в частном праве? Экономическая безопасность — это состояние, обеспечивающее защиту и стабильное развитие частного предпринимательства, особенно на фоне формирования рыночных отношений. В условиях, когда частный сектор является движущей силой экономики, гражданско-правовое регулирование становится ключевым инструментом для организации и защиты экономических отношений. В этом контексте, субъективное гражданское право играет важную роль, обеспечивая реализацию и защиту прав и интересов предпринимателей, способствуя таким образом экономической безопасности.

В системе гражданско-правового регулирования, субъективные права выступают как фундаментальный элемент, обеспечивающий защищенность участников экономических связей. Гражданское право, через свой дозвоительно-диспозитивный потенциал, позволяет участникам экономических отношений самостоятельно формировать и реализовывать свои права и обязанности, что способствует достижению социальных целей нормативно-правового регулирования, что включает в себя не только создание условий для безопасной экономической деятельности, но и предоставление возможности для разрешения конфликтов и защиты прав в случае их нарушения.

И.А. Покровский, знаменитый русский цивилист, уделял особое внимание роли субъективных прав в гражданском праве [13]. Он рассматривал гражданское право как право отдельной личности, подчеркивая, что с развитием индивидуального самосознания и увеличением роли личности в обществе, сфера субъективных прав расширяется, тем самым расширяя и пределы гражданского права. Это утверждение подчеркивает важность индивидуальных прав в контексте экономической безопасности, поскольку они предоставляют основу для защиты интересов отдельных лиц и предпринимателей в динамичной экономической среде.

Таким образом, экономическая безопасность в контексте частного права связана с обеспечением и защитой прав и интересов

частных предпринимателей, что является ключевым для стабильности и развития экономики. Гражданско-правовое регулирование, через механизмы субъективного права, обеспечивает необходимые условия для эффективной и безопасной экономической деятельности, способствуя тем самым экономической безопасности в широком смысле этого термина.

Мы полагаем, что субъективное гражданское право лежит в основе правового обеспечения экономической безопасности частных предпринимателей и выполняет ряд ключевых функций в этом контексте. Во-первых, оно воплощает дозвоительно-диспозитивный характер гражданско-правового регулирования, создавая условия для свободы действия и инициативы предпринимателей.

Иными словами, в современных условиях безопасность, получая нормативное закрепление в действующем законодательстве, переходит от статуса абстрактной идеи к конкретной социально-правовой категории. Это преобразование позволяет рассматривать безопасность не просто как основное условие для обеспечения жизненно важных интересов личности и национальных интересов государства, но также как ключевой элемент в различных сферах жизни общества, включая экономическую, политическую и социальную сферы. Однако, важно отметить, что в некоторых случаях безопасность может конфликтовать с принципом свободы, поскольку ее обеспечение часто требует определенных ограничений субъективных прав.

Такое противопоставление безопасности и свободы подчеркивает двойственную природу безопасности как социально-правового явления. С одной стороны, безопасность является необходимым условием для защиты жизненно важных интересов человека, обеспечения национальной стабильности и благополучия общества. С другой стороны, стремление к безопасности может влечь за собой необходимость введения ограничений, которые могут влиять на степень свободы действий и решений как отдельных лиц, так и бизнеса. Таким образом, правовое регулирование безопасности в гражданском праве должно стремиться к балансу между обеспечением безопасности и сохранением свободы, что является ключевым для устойчивого развития общества и государства.

Иными словами, влияние категории "экономическая безопасность" заметно в каждом аспекте гражданского права. Ее роль особенно заметна в правах, связанных с владением, пользованием и распоряжением имуществом в

рамках законно осуществляемой экономической деятельности, направленной на получение систематического дохода. Кроме того, экономическая безопасность тесно связана с институтом страхования имущества и предпринимательского риска, что позволяет субъектам предпринимательства минимизировать потенциальные убытки и укреплять свое финансовое положение. Использование охранительных услуг также отражает стремление к защите имущественных и коммерческих интересов в условиях рыночной экономики.

Следующим важным аспектом экономической безопасности является требование от всех участников рыночных отношений соблюдать основные принципы гражданско-правового регулирования, что обеспечивает равные условия для всех субъектов экономической деятельности и предотвращает злоупотребления и недобросовестную конкуренцию. Кроме того, важную роль играют требования к государственным органам, возложенные на них законом, по обеспечению экономической безопасности частных предпринимателей.

Наконец, экономическая безопасность проявляется в обеспечении защиты нарушенных прав, включая защиту чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации предпринимателей, что подчеркивает значимость соблюдения договорных обязательств и предоставляет механизмы правовой защиты в случае нарушений. Таким образом, экономическая безопасность в гражданском праве охватывает широкий спектр правовых инструментов и механизмов, направленных на защиту и поддержку стабильной и безопасной предпринимательской деятельности.

В связи с этим мы полагаем, что концепт "экономической безопасности" обладает вариативной природой и зависит от контекста конкретной отрасли права. В области цивилистики, он отражает себя через обеспечение стабильности правовых отношений, защиту имущественных и нематериальных прав субъектов экономической деятельности. Важность этого концепта заключается в том, что он способствует созданию предсказуемой и надежной среды для предпринимателей и инвесторов, что является ключевым фактором для устойчивого экономического развития. Изучение и понимание экономической безопасности в рамках гражданского права критически важно для разработки эффективных правовых механизмов защиты экономических интересов как на уровне отдельных лиц, так и в масштабе всего общества.

Литература

1. Анисимова Александра Григорьевна К вопросу о переводе терминов гуманитарных наук // Преподаватель XXI век. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-terminov-gumanitarnyh-nauk> (дата обращения: 21.12.2023).
2. Hart, H. L. A. (1961). *The Concept of Law*. Oxford, United Kingdom: Clarendon Press, p. 90-100.
3. Славова Н.А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник ВУиТ. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-nauka-ponyatie-vozniknovenie-razvitie-funksii-i-soderzhanie> (дата обращения: 21.12.2023).
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Иззадуст Э.С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение. М.: Academia, 2010. 256 с.
6. Митрохин В.И. Национальная безопасность России // Интеллектуальный мир. 1995. №6. С. 1.
7. Агалабаев М.И. Гносеологическая интерпретация понятия безопасности как общенаучной категории // Рос. следователь. 2009. №4. С. 29–32.
8. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). СПб.: Пресс, 1994. С.6.
9. Абрамов В. В. Дефиниция «Безопасность» в гражданском праве и законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/definitsiya-bezopasnost-v-grazhdanskom-prave-i-zakonodatelstve> (дата обращения: 21.12.2023).
10. Колоткина О.А. Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в РФ: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.
11. Закон РФ "О безопасности" от 05.03.1992 N 2446-1 // СПС "КонсультантПлюс" (дата обращения 15.12.2023)
12. Федеральный закон "О безопасности" от 28.12.2010 N 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.12.2023)
13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права, С. 120

Conceptualization of the concept of “economic security” in jurisprudence: civil aspect

Kravchenko D.R.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

The article explores in detail the concept of "economic security" in the context of civil law. The debatability and variability of this concept, its role and significance in stabilizing legal relations and protecting the rights of economic entities are highlighted. Attention is focused on the importance of studying economic security to create a reliable legal environment conducive to sustainable economic development. The influence of this concept on various institutions of civil law is analyzed, emphasizing its key role in the modern legal system.

Keywords: Economic security, civil law, legal regulation, protection of rights, entrepreneurial activity, property rights, legal protection, legal stability, civil law, legal environment.

References

1. Anisimova Alexandra Grigorievna On the issue of translating terms in the humanities // Teacher of the XXI century. 2008. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-terminov-gumanitarnyh-nauk> (access date: 12/21/2023).
2. Hart, H. L. A. (1961). The Concept of Law. Oxford, United Kingdom: Clarendon Press, p. 90-100.
3. Slavova N.A. Legal science: concept, emergence, development, functions and content // Vestnik VUII. 2019. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-nauka-ponyatie-vozniknovenie-razvitie-funktsii-i-soderzhanie> (access date: 12/21/2023).
4. Gadamer X.G. Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics. M.: Progress, 1988. 704 p.
5. Izzadust E.S. National security of Russia: institutional context and human dimension. M.: Academia, 2010. 256 p.
6. Mitrokhin V.I. National security of Russia // Intellectual world. 1995. No. 6. S. 1.
7. Agalabaev M.I. Epistemological interpretation of the concept of security as a general scientific category // Ros. investigator. 2009. No. 4. pp. 29–32.
8. Stepashin S.V. Security of man and society (political and legal issues). St. Petersburg: Press, 1994. P.6.
9. Abramov V.V. Definition of “Security” in civil law and legislation // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2011. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/definitsiya-bezopasnost-v-grazhdanskom-prave-i-zakonodatelstve> (access date: 12/21/2023).
10. Kolotkina O.A. The right of an individual to security: concept and mechanisms of ensuring in the Russian Federation: theoretical and legal research: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Saratov, 2009. 26 p.
11. Law of the Russian Federation "On Security" dated 03/05/1992 N 2446-1 // SPS "ConsultantPlus" (date of access 12/15/2023)
12. Federal Law “On Security” dated December 28, 2010 N 390-FZ // SPS “ConsultantPlus” (date of access December 20, 2023)
13. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law, p. 120

Конституционализация защиты экономической конкуренции

Кузнецов Дмитрий Алексеевич

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 79818103325@yandex.ru

В настоящей работе рассматривается проблематика вопросов конституционализмами защиты экономической конкуренции, изучение доктрины конституционного права и позиций Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам защиты конкуренции. Автор исследования приходит к выводу о необходимости продолжения процесса конституционализации правового регулирования экономической конкуренции, необходимости больше обращать внимание специалистов в сфере конституционного права на проблемы защиты экономической конкуренции и развитие положений о конституционных правах граждан и предпринимателей в данной сфере.

Ключевые слова: Конституция, конкуренция, экономическая конкуренция, Конституционный суд Российской Федерации, правовые позиции Конституционного суда.

Введение. Конституция Российской Федерации², устанавливает ст. 8 равенство форм собственности, свободу экономической и предпринимательской деятельности, свободу конкуренции, в качестве основ конституционного строя. Статьей 34 Конституции запрещено создание монополий, недобросовестная конкуренция, а ст.75.1 установлены конституционные гарантии устойчивого экономического развития государства и повышения благосостояния населения. Конституционный Суд РФ давал толкование ч.1 ст.8 Конституции в постановлении от 21.04.2003 № 6-П. Для конституционного права проблемы конституционализмами экономической конкуренции и конкурентного права, так же чрезвычайно важны, в силу принадлежности права на предпринимательскую деятельность, как одно из основных прав гражданина³. Кратко остановимся на понятии «экономическая конкуренция».

Вопрос о значении категории «экономическая конкуренция», с точки зрения права в целом, остается достаточно актуальным и не исследованным в полной мере. Даже в отношении толкования ст.8, 34, 75.1 Основного закона нашей страны, нет какого-бы то ни было доктринального единства, консенсус правоведом исчерпывается тезисом «Экономическая конкуренция – основа конституционного строя», да и то, это не общее место, а мнение, в лучшем случае большинства специалистов. Так, А.С. Суханов в автореферате к диссертации на соискание степени кандидата юридических наук отмечал, что основным законом закреплен блок норм (к выше упомянутым нормам добавляя и ст.71 п. ж в части отнесения к компетенции Федерации полномочий по регулированию конкуренции), которые обеспечивают утверждение экономической конкуренции, как основы конституционного строя⁴, что как нами и было отмечено ранее, является в целом, консенсусом и вместе с тем, отправной точкой для формирования убеждения автора диссертации

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – № 55. –16.03.2020.

³ Сибогатулина Г.М. Понятие и содержание конституционного права на занятие экономической деятельностью в Российской Федерации. // Безопасность бизнеса. – №5. – 2021. – С.3-7.

⁴ Сухоруков А.С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 18.

при развитии взгляда на экономическую конкуренцию. С. В. Белых⁵, анализируя в своей статье конституционно-правовые основы защиты конкуренции, отмечает взгляды Крусса В.И.⁶ указывающего на противоречивость содержания ст.8 Конституции Российской Федерации, в противоположность приводя позицию Суханова А.С. Так, первый исследователь утверждает, что закрепленные ст.8 Основного закона положения это главным образом гарантии, в то время, как второй отмечает двойственность и большую глубину значения, закрепляемой категории, по-видимому добавляя к ее содержанию, принцип поддержки конкуренции, после чего отмечая позицию Г.А. Гаджиева о том, что принцип поддержки добросовестной конкуренции является одним из специальных конституционных принципов рыночной экономики, с чем автор настоящей работы так же полностью соглашается. Далее, Белых С.В., анализируя содержания постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), приходит к выводу о том, что юридическое содержание экономической конкуренции можно давать через несколько тезисов. Экономическая конкуренция — это социальный регулятор, это предпосылка реализации права потребителей на выбор и получение информации, это правомерная деятельность хозяйствующих субъектов на товарном рынке по борьбе за потребителя, и наконец, это общественные отношения, складывающиеся между хозяйствующими субъектами⁷. Теперь перейдем к анализу понятия конституционализма.

Что же представляет собой конституционализм? Дадим определения, содержащиеся в работе судьи Конституционного Суда Российской Федерации Бондаря Николая Семеновича «Судебный конституционализм: доктрина и практика»: «В общем виде судебный конституционализм есть правовой режим политико-правового обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единство социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России, как демократического, правового государства.⁸» И далее, да-

ется определение конституционализма: «Конституционализм есть объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений, которые попали в сферу конституционно-правового регулирования»⁹. Далее, автор отмечает, что основные категории, задающие вектор воздействия конституционного права на общественные отношения — это триада власть, свобода, собственность (исходя из дальнейших разъяснений, собственность воспринимается автором как власть экономическая). Далее, отмечается, что конституционализм — это политико-правовой режим разрешения противоречий, складывающийся в обществе во взаимодействии выше описанной триады¹⁰. В контексте настоящего исследования, нас наиболее интересует категория собственность (читаем, как власть экономическая). Николай Семенович так же отмечал, что дифференциация власти экономической и политической явила собой одно из наиболее важных достижений конституционализма, при этом отмечая, что процесс перехода от общества индустриального к постиндустриальному, спровоцировал новый виток конституционных противоречий, приводящий к сближению власти экономической и политической, сам же конституционализм следует воспринимать как средство разрешения противоречий между свободой, собственностью и властью¹¹. Воздержимся от развернутого разъяснения взглядов Николая Семеновича на данную категорию, в связи с ее многомерностью и многоаспектностью. Основным для настоящего исследования становится следующее: во-первых, то, что это институт, направленный на приведение в соответствие Основному закону реальной правовой действительности, а также отраслевого законодательства. Во-вторых, ученым конституционалистом признается реальность существования власти экономической, что прямо позволяет выйти за рамки «стерильно-учебного» конституционного права, рассматривая проблематику, как конституционализма, так и настоящего исследования в условиях правового реализма, а не доктринальной теории. И наконец, в-третьих, конституционализм реализуется судебной властью в ходе отправления правосудия (главным образом в ходе отправления Конституционного Правосудия). КС РФ является непосредствен-

⁵ Белых С.В. конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации. // Конкурентное право. – №1. –2022. – С.2-12.

⁶ Крусс В.И. Конституционное право личности на предпринимательскую деятельность в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 100.

⁷ Белых С.В. Указ. соч.

⁸ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. // М.: Норма, Инфра-М. –2021 г. –С.21.

⁹ Там же. С.29.

¹⁰ Там же С.30

¹¹ Там же. С.31.

ным носителем судебной власти, квазиправотворческий орган, субъект практической юриспруденции, источник конституционной доктрины¹². Суд над властью в данном случае это прежде всего конституционно-правовая оценка действий всех ветвей власти, а также ликвидация противоречий во взаимодействии данных ветвей власти и неопределенностей в предметах ведения между местным самоуправлением, региональной и федеральной властью¹³. Однако, конституционализм имеет всеобъемлющий характер, направлен на реализацию основного закона не только судебной системой или конституционным правосудием, но и всеми отраслями права, кроме того, судебный конституционализм имеет нормативно-корректирующий потенциал, характерно развитое правовосстановительное начало, а инициатором выступает не только суд, но и граждане и органы государственной власти¹⁴.

Для конституционализма имеет существенно значение содержание конституционных ценностей (не путаем с ценностями, закрепленными в самом Основном законе прямо). Это те ценности, которые выявляются путем истолкования, применения герменевтики к Основному закону (например, принцип правовой определенности)¹⁵. Вместе с тем, Конституция рассматривается как ценность сама по себе, такое же значение имеют и конституционные ценности, и международные ценности, ценности имеющие конституционно-правовое обоснование. Это имеет значение при применении конституционализма к отдельным отраслям права и законодательства: характер ценностных установок правоприменителя в отрасли права и исследователя существенно влияет на получаемые результаты и практику. При этом всем никто не забывает о балансе в системе ценностей¹⁶. С учетом всего выше изложенного, автор отмечает, что Основной закон — это одновременно и порождение социальных противоречий, существовавших на момент его принятия и средство разрешения данных социальных противоречий, как внутренних, так и глобальных¹⁷. Средством разрешения же выступают содержащиеся институты, универсальные или специальные, в Основном законе.

К ранее озвученному тезису Бондаря Н.С. о том, что собственность представляет собой

власть экономическую, нужно добавить и указание того же автора на способность власти экономической воздействовать или влиять на власть политическую тем или иным образом (понятно, что на любую ветвь власти), что может порождать новые явления в конституционном праве и правовой действительности, в том числе и антиправовые¹⁸. Далее, в работе указывается на конституционность проблемы отдаленности власти экономической от власти политической и существенной значимости данного вопроса в условиях исторического генезиса российской правовой системы, экономики, а так же процессом перехода к рыночной экономике, при этом отмечается, что это не просто смена экономической системы, а переход от одной системы власти к другой, относительно децентрализованной от экономики, отмечая так же и низкий уровень регулирования Основным законом вопросов рыночной экономики, что связывается с избыточно либеральным подходом к регулированию рынка¹⁹. Вместе с тем, отмечается важность формирования нового ценностного аппарата, способствующего эффективному разрешению социальных противоречий. В этих условиях, сущность конституционализма проявляется в форме средства согласования интересов общества и государства в балансе интересов, свободы, собственности и власти²⁰. Экономические явления, подвергаясь конституционализации, закреплению в основном законе, становятся элементом конституционализма, принципов, прав и свобод, с их помощью КС РФ, принимая решения, реализует принципы социально-ориентированной экономики (что явно способствует достижению баланса власти собственности и свободы)²¹.

В работе «Экономический конституционализм России», отмечается важность выявления и изучения экономико-правового содержания основных элементов системы конституционализма, вместе с тем, обращается внимание на возможность политического значения различных экономических явлений²². Экономический конституционализм определялся автором как: «...сам процесс формирования конституционной, социально ориентированной экономической организации государственности»²³. Необходимо обратить внимание и на то что в данной

¹² Там же. С.83

¹³ Там же. С.89.

¹⁴ Там же. С.123-124.

¹⁵ Там же. С.173.

¹⁶ Там же. С.193.

¹⁷ Там же. С.200.

¹⁸ Там же. С.363.

¹⁹ Там же. С.366.

²⁰ Там же. С.374.

²¹ Там же. С.381.

²² Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России. // М.: Норма, Инфра-М. – 2021 г. – С.15-17.

²³ Там же С.24

работе был выдвинут тезис о самостоятельности бизнеса и власти (о значении чего так же было замечено в работе «Судебный конституционализм»), являет собой ни что иное, как конституционный принцип рыночной экономики, а формированию и развитию экономической конкуренции придается существенное значение, как средству десантирования власти и бизнеса¹. Арбитражному суду в системе экономического конституционализма отводится задача реализации и применения норм Основного закона за пределами формального подхода, так как деятельность его отправлению правосудия не должна сводиться к сухому правоприменению: дискретция в полномочиях дана для возможности выхода за рамки формального подхода². И вновь возвращаемся таким образом, на круги своя, к судебной системе, но уже в работе того же автора «Правосудие: ориентация на Конституцию», в которой отмечается особая значимость воздействия институтов правосудия на реализацию и применения Основного закона³, а вместе с тем и средство преобразовательного воздействия на правовую жизнь общества⁴.

Хармушин В.В.⁵ в автореферате к кандидатской диссертации, отмечал, что арбитражный суд, реализует процессуальные гарантии субъектов предпринимательства в цивилистическом процессе и обеспечивает защиту и реализацию прав и свобод предпринимателей, при этом, деятельность арбитражного суда обладает достаточно большой спецификой, а деятельность по защите конституционных прав предпринимателей может охарактеризоваться как сложный, межотраслевой правовой институт, который связан с деятельностью судебных органов по реализации положений Основного закона, причем для защиты прав предпринимателей выделяются специальные процессуальные гарантии. Рассмотрев проблематику экономического конституционализма, перейдем к вопросам конституционной экономики.

Судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного права НИУ ВШЭ Гадис Абдулаевич Гаджиев исследовал вопросы конституционной экономики в одноименной работе⁶. Прежде

всего, укажем на определение конституционной экономики: «Конституционная экономика — это научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве⁷.» То есть, экономический конституционализм — то как обеспечить соответствие экономики и отраслевых законов Конституции, конституционная экономика — то как мы обеспечиваем экономическую целесообразность в правовых рамках Основного закона и выявление ее экономико-правового содержания, посредством применения не только правовых методов толкования, воздействие экономики на государство, выявление конституционно-правовых предпосылок эффективного развития экономики, влияние глобальной мировой экономики и экономических кризисов на государство⁸. Экономический анализ права, это процесс выявления экономического содержания правовых норм и явлений, выявления их экономических последствий. Вернемся непосредственно, к исследуемой работе.

Г.А. Гаджиев так же отмечает существенное значение толкованию экономических статей Основного закона, указывает на характер изменения государственного строя, в связи с переходом к рыночной экономике и либеральность 1 и 2 глав Основного закона и контекст его принятия.

Судебная система в контексте конституционной экономики так же имеет достаточно большое значение: «В процессе толкования судья применяет не изолированную норму, а норму, находящуюся в российском конституционно-правовом пространстве. При истолковании положений закона, регулирующих экономические отношения, судья должен исходить из корректирующего воздействия на них конституционных принципов, таких как равенство прав собственников, неприкосновенность собственности, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, а также вытекающих из них принципов эквивалентности и возмездности отношений между собственниками»⁹. Снова мы обнаруживаем существенную роль

¹ Там же. С.77.

² Там же. С.90-106.

³ Бондарь Н.С. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма, Инфра-М. —2022. —С.39.

⁴ Там же. С.93-97.

⁵ Храмушин В. В. Арбитражные суды в механизме защиты конституционных прав субъектов предпринимательской деятельности // Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов., 2017. —С.23.

⁶ Гаджиев Г.А. Конституционная экономика // М.: Юстицинформ — 2010. — С.256.

⁷ Там же. С.11.

⁸ Там же. С.21.

⁹ Там же. С.36.

правосудия в претворении в жизнь, как конституционных принципов, так и принципов рыночной экономики и необходимость оторваться от сугубо формального подхода к правоприменению. Далее, в рассматриваемой нами работе, развивается положение о закреплении в Основном законе принципов рыночной экономики (которые там уже закреплены но не всеми обнаруживаются), дается разъяснение о применении принципов рыночной экономики: соразмерности, равенства, справедливости, пропорциональности, недопустимости злоупотребления правом, добросовестности (во многом совпадает с принципами частного права). Надо заметить, что в отличие от Бондаря Н.С. Гадис Абдулаевич не рассматривает собственность в контексте власть экономическая, однако, указывается и право собственности и право заниматься предпринимательством, как на основные естественно-экономические права человека¹. По поводу же конкуренции указывается следующее: «Конкуренция является основой функционирования рыночной экономики — а значит, и основой конституционного строя, поскольку создает механизм, устанавливающий на рынке равновесные цены на товары и услуги в зависимости от соотношения спроса и предложения на них. Конкуренция противостоит монополия, когда число продавцов становится столь малым, что каждый продавец в состоянии оказывать влияние через регулирование предложения товаров на их цену, что в конечном итоге приводит к неэффективному распределению ресурсов.... Помимо этого, конкуренция подпадает и под такую категорию конституционных общественно значимых целей, как защита прав и законных интересов других лиц, поскольку возможность ее неправомерного ограничения нарушает конституционно установленные экономические права и свободы других субъектов хозяйственного оборота»². Так же мы считаем необходимым указать на позицию Гадиса Абдулаевича, выраженную в одной из его статей: право способно находить баланс между экономическими и социальными ценностями, при чем в зависимости от характера ситуации приоритет получает или экономическая ценность или этическая, средством уравнивания выступает рационализм, предполагающий несколько вариантов: равенство ценностей, толкование с выявлением смысла одной из ценностей, который приводит

к усилению и другой или избыточное усиление одной из ценностей: «Пожалуй, самое важное в этой модели взаимоотношения различных социальных норм следующее: юридические нормы, особенно нормы о правах человека, являются оболочкой как этических, так и экономических норм, в результате и первые, и последние оказываются содержанием всеобщей воли — права. И тогда в обществе появляется специальная площадка для поиска баланса между юридическими нормами, заключающими в себе либо экономические цели о ценности, либо этические, появляется возможность найти баланс между с одной стороны материальной выгодой, эффективностью как нормой, с другой — одной из нравственных ценностей конкретного общества.»³

Так что же мы имеем на основании проанализированного материала? Как ранее отмечалось, отправной точкой все так же остается факт признания экономической конкуренции основой конституционного строя. Далее, этот тезис дополняет толкование экономической конкуренции в контексте права: как естественное экономическое право, обязанность государства по защите этого права и поддержанию конкуренции на товарных рынках, в взаимосвязи с другими экономическими правами, фундаментальной принцип рыночной экономики, социальный регулятор, форма общественных отношений защищаемая и развиваемая Федеральным законом от 27.06.2006 № 135 ФЗ «О защите конкуренции» (далее — ЗоЗК)⁴, объект государственной политики, административно-правового регулирования, объект уголовно-правовой охраны, предпосылка реализации права потребителей на выбор и получение информации, правомерная деятельность хозяйствующих субъектов на товарном рынке по борьбе за потребителя, и наконец, это общественные отношения, складывающиеся между хозяйствующими субъектами. Вместе с этим, в контексте экономического конституционализма можно предполагать, что экономическая конкуренция является одним из элементов, определяющих взаимоотношения внутри триады «власть, свобода собственность», дистанцирующая власть экономическую от власти политической и от правоприменителя (в контексте коррупции, при высоком уровне конкуренции), могущей служить одним из элементов защиты отраслей власти от внешнего воздействия и являться элементом системы сдержек и противовесов при

¹ Там же С.109.

² Там же. С.113.

³ Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста, с точки зрения

юридической капитализации. // Журнал российского права. — №1. — 2020 г. — С.16-28.

⁴ Федеральный закон от 27.06.2006 № 135 ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 01.04.2022) // СЗ РФ. — № 31. — 2006. — ст. 3434.

учете существования в данной системе власти собственности (экономической) и власти политической). Так же это сфера общественных отношений, подлежащая глубокой конституционализации, кроме того, экономическая конкуренция — это конституционная ценность сама по себе и естественно-экономическое право человека (или что, наверное, было бы более привычно часть права на занятие предпринимательством, ведь эффективное предпринимательство предполагает реализацию своих способностей в условиях рыночной свободы и борьбы с другими предпринимателями за потребителя), и наконец, элемент конституционной экономики, порождающий одни и нивелирующий другие социальные противоречия, как независимый судья разрешающий дело, потребитель, за которого борется предприниматель, разрешает спор между ними, чье производимое благо выгоднее и ценнее. КС РФ и Арбитражные суды реализуют положения основного закона, разрешая споры между предпринимателями, защищая тем самым товарный рынок от монополизации, так как последний приведет к ограничению свободы предпринимательства: любой предприниматель пытается занять большую долю рынка, «свято место пусто не бывает», не говоря уже о прибыльном, поэтому, вопрос лишь в справедливости занятия «пустого места». Логично было бы предположить, что заняв пустое место, предприниматель постарается не пускать туда как можно дольше оппонентов, поэтому, для одного и того же хозяйствующего субъекта, это и право, позволяющее законно получить долю на товарном рынке и при избыточном расширении обязанность не препятствовать другим законными методами сместить его с прибыльного места, что демонстрирует явные признаки дуалистического характера содержания экономической конкуренции. Доля на товарном рынке (скорее большая часть товарного рынка чем доля), по сути своей, это потенциально реализуемое право занимать определенную часть товарного рынка законно и экономически обоснованно, до тех пор, пока ее не заняли (если это нарушает АМЗ и не обосновано экономически), немедленно переходит от занявшего доминирующее положение к другим участникам рынка, для доминанта становится или обязанностью (при нарушении АМЗ (например, принудительное разделение)) или потенциальной перспективой лишиться фактического положения доминанта (так как заняв доминирующее положение он это право немедленно утратил), и подобная борьба за возможность реализовать это экономическое

право постоянна (по крайней мере в условиях идеальной модели правового товарного рынка где все действуют в рамках закона, правосудие идеально и антимонопольный орган не дремлет). Далее, рассмотрим еще несколько важных аспектов, связанных с исследуемой нами проблематикой.

В особенной части, ранее рассмотренной нами работы «Экономического конституционализма России» Н.С. Бондаря, рассматриваются вопросы отдельных социально-экономических явлений, в частности, налогов, бюджета, приватизации, однако, об экономической конкуренции не говорится кроме ранее замеченного практически ничего. Это заставляет задуматься: насколько глубоко на данный момент проведена конституционализация конкурентного права, и иного законодательства, подведомственного ФАС России? К сожалению, ответ в целом можно считать не утешительным, поскольку в отличие от вопросов того же бюджета или налогов, решений на много меньше. Самый простой пример: в ЗоЗК, несмотря на то, что он был принят еще в 2006 году, по сей день отсутствуют принципы применения как таковые, что явно не соответствует принципу правовой определенности и не способствует эффективности правоприменения. Понятно, что количество обращений по вопросам АМЗ несравнимо меньше, скажем, с налоговым правом, но все же хотелось бы обратить внимание конституционалистов и специалистов в сфере конкурентного права на проблему обеспечения соответствия положений ЗоЗК Основному закону и принципам права, однако, работа Конституционным судом в данном направлении ведется, хотя и медленно.

В ряде определений Конституционного Суда Российской Федерации рассматривались вопросы, связанные с экономической конкуренцией: Определение Конституционного Суда РФ 16.11. 2000 №237-О, 21.12.2006 №619-О, Определение Конституционного Суда РФ от 4 мая 2015 №176-О рассматривали право граждан на экономическую конкуренцию, обязанность государства поддерживать предпринимательство и экономическую конкуренцию, правомерность контроля в данной сфере и возможность применения ограничений (в т. ч. ст.55 Конституции).

Так, в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 7-П¹ «по делу о проверке конституционности статей 14.8 и 51 федерального закона

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 7-П «по делу о проверке конституционности статей 14.8 и 51 федерального закона

«О защите конкуренции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Медэксперт» // [Элек-

«О защите конкуренции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Медэксперт», рассматривались вопросы соответствия Конституции положений ст.14.8 ЗоЗК и ч.3 ст.51 ЗоЗК: данные положения были признаны соответствующим Конституции, как самостоятельно, так и во взаимосвязи. Положения ст.14.8 ЗоЗК не противоречат основному закону, поскольку квалификация осуществляется через общие признаки недобросовестной конкуренции, а исчерпывающий перечень ограничивал бы правоприменителя, не позволяя адекватно реагировать на многообразие форм недобросовестной конкуренции.

В другом Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 30.03.2023 «по делу о проверке конституционности части 8 статьи 11 и пункта 1 части 1 статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ «Специализированный Застройщик «Кошелев-проект Самара» и «Кошелев-проект»¹ рассматривался вопрос о соответствии ч.8 ст.11 и п.п.ч.1ст.17 ЗоЗК Конституции. Положения ч.8 ст.11 ЗоЗК были признаны конституционными, так как признаки контроля деятельности одного хозяйствующего субъекта другим установлены исчерпывающе возможностью квалификации деяния, как картеля по ч.7 той же статьи, в остальной части производство прекращено.

В еще одном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17.04.2023 «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф.Шатило»², Конституционный Суд указал на обязательность исчисления размера соглашения об ограничении конкуренции на торгах в чистом виде, то есть на момент заключения договора.

Выводы. Исходя из выше приведенных примеров становится понятно, что Конституционный Суд, наконец, обратил внимание на во-

просы конституционализации антимонопольного законодательства, хотя неконституционных норм не выявлялось. Процесс конституционализации экономической конкуренции, а также законодательства, подведомственного ФАС России должен быть продолжен (основы, как мы видим, уже заложены судьями Конституционного суда и самим Конституционным судом в целом ряде решений), как со стороны доктрины, так и со стороны Конституционного суда (к этому же выводу приходили Тенишев А.П. и Хазиев Ш.Н. в своей статье, однако, замечая необходимость исследований в данной сфере и представителями наук уголовного права, уголовного процесса и административного права)³. Это будет способствовать развитию конкуренции и предпринимательства, развитию антимонопольного законодательства, и, возможно, будет способствовать так же и кодификации отрасли конкурентного права. Отдельного и подробного изучения, с точки зрения цивилистического процесса, требует вопрос об участии арбитражных судов в защите экономической конкуренции, изучение которого будет способствовать развитию правосудия и судебной системы в нашей стране.

Литература

1. Сибогатулина Г.М. Понятие и содержание конституционного права на занятие экономической деятельностью в Российской Федерации. // Безопасность бизнеса. – №5. – 2021. – С.3-7.
2. Сухоруков А.С. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации. / Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. –26с.
3. Белых С.В. конституционно-правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации. // Конкурентное право. – №1. –2022. – С.2-12.
4. Красс В.И. Конституционное право личности на предпринимательскую деятельность в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 211с.

тронный ресурс].–Официальный портал правовой информации.–URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220015> (Дата обращения 01.10.2023).

¹ Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 30.03.2023 «по делу о проверке конституционности части 8 статьи 11 и пункта 1 части 1 статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ «Специализированный Застройщик «Кошелев-проект Самара» и «Кошелев-проект» // [Электронный ресурс].–Официальный портал правовой информации.–URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310001> (Дата обращения 01.10.2023).

² Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17.04.2023 «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф.Шатило» // [Электронный ресурс].–Официальный портал правовой информации.–URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304210001> (Дата обращения 01.10.2023).

³ Тенишев А.П., Хазиев Ш.Н. О взаимосвязи конституционных положений о защите конкуренции и конституционных норм о правах граждан // Пробелы в российском законодательстве. 2022. –№5. –С. 228-235.

5. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. // М.: Норма, Инфра-М. –2021. –527с.

6. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России. // М.: Норма, Инфра-М. – 2021. –272с.

7. Бондарь Н.С. Правосудие: ориентация на Конституцию. М.: Норма, Инфра-М. –2022. – 224с.

8. Храмушин В. В. Арбитражные суды в механизме защиты конституционных прав субъектов предпринимательской деятельности // Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов., 2017. –22с.

9. Гаджиев Г.А. Конституционная экономика // М.: Юстицинформ — 2010. — 255с.

10. Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста, с точки зрения юридической капитализации. // Журнал российского права. – №1. –2020. –С.16-28.

11. Тенишев А.П., Хазиев Ш.Н. О взаимосвязи конституционных положений о защите конкуренции и конституционных норм о правах граждан // Пробелы в российском законодательстве. 2022. – №5. –С. 228-235.

Constitutionalization of the protection of economic competition.

Kuznetsov D.A.

St. Petersburg State University of Economics

This paper examines the problems of constitutionalism in the protection of economic competition, the study of the doctrine of constitutional law and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the protection of competition. The author of the study concludes that it is necessary to continue the process of constitutionalization of the legal regulation of economic competition, the need to pay more attention to specialists in the field of constitutional law on the problems of protecting economic competition and the development of provisions on the constitutional rights of citizens and entrepreneurs in this area.

Keywords: The Constitution, competition, economic competition, the Constitutional Court of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court.

References

1. Sibogatulina G.M. The concept and content of the constitutional right to engage in economic activity in the Russian Federation. // Business security. – No. 5. – 2021. – P.3-7.
2. Sukhorukov A.S. Constitutional and legal regulation of competition in the Russian Federation. / Author's abstract. diss... cand. legal Sci. Ekaterinburg, 2010. –26 p.
3. Belykh S.V. constitutional and legal regulation of competition in the Russian Federation. // Competition law. – No. 1. –2022. – P.2-12.
4. Kruss V.I. Constitutional right of an individual to entrepreneurial activity in the Russian Federation. dis. ...cand. legal Sci. M., 1997. P. 211 p.
5. Bondar N.S. Judicial constitutionalism: doctrine and practice. // М.: Норма, Инфра-М. –2021. –527с.
6. Bondar N.S. Economic constitutionalism of Russia. // М.: Норма, Инфра-М. – 2021. –272 p.
7. Bondar N.S. Justice: orientation to the Constitution. М.: Норма, Инфра-М. –2022. –224с.
8. Khramushin V.V. Arbitration courts in the mechanism for protecting the constitutional rights of business entities // Abstract of thesis. ...cand. legal Sci. – Saratov, 2017. –22 p.
9. Gadzhiev G.A. Constitutional economics // М.: Justitsinform - 2010. - 255 p.
10. Gadzhiev G.A. New constitutional values: the concept of sustainable economic growth from the point of view of legal capitalization. // Journal of Russian Law. – No. 1. – 2020. –P.16-28.
11. Tenishev A.P., Khaziev Sh.N. On the relationship between constitutional provisions on the protection of competition and constitutional norms on the rights of citizens // Gaps in Russian legislation. 2022. – No. 5. -WITH. 228-235.

Защита данных и приватности в цифровую эпоху

Титов Алексей Сергеевич

специалист с квалификацией юрист, Московский Университет МВД России имени В.Я. Кикотя, sled.titov@mail.ru

Статья изучает вопросы защиты данных и приватности с точки зрения современных технологических и правовых проблем, освещается вопрос идентификации и защиты персональных данных, в том числе ФИО, адреса, контактные данные, и другую информацию, которая позволяет установить личность человека. Автор рассматривает приватность как защиту неразглашения личной информации без согласия субъекта и отмечает роль информационной безопасности для обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации.

Освещены как международные, так и российские нормативные акты, влияющие на защиту данных и приватности, такие как GDPR и Федеральный закон "О персональных данных", приводятся примеры последних крупных кибератак, и делается упор на современные проблемы (изменение законодательства под новые технологии – искусственный интеллект и блокчейн).

В заключении статьи автор пишет о том, что защита данных становится всё более сложной задачей из-за растущей угрозы кибератак и утечек данных, в связи с этим требуется постоянное совершенствование методов киберзащиты.

Ключевые слова: персональные данные, приватность, информационная безопасность, GDPR, Федеральный закон "О персональных данных", кибератаки, блокчейн, международные нормативные акты, защита данных.

В современной правовой практике понятие "персональные данные" говорит о любой информации прямо или косвенно связанную с физическим лицом, которое можно идентифицировать, к таким данным относятся, например, ФИО, дата и место рождения, паспортные данные, адреса проживания и пребывания, контактные телефоны, и иные сведения, позволяющие установить личность человека, интересно, что под персональные данные попадают даже такие вопросы, как номера банковских счетов или идентификационный номер налогоплательщика.

Приватность, в свою очередь, защищает право индивидуумов на неразглашение информации о личной жизни без их согласия, сюда входит не только физическая изоляция от вмешательства, но и право контролировать распространение информации, которая касается частной жизни человека, то есть приватность тесно связана с концепцией информационной безопасности, которая предусматривает защиту любых данных от несанкционированного доступа, использования, раскрытия или уничтожения.

Информационная безопасность же — это комплекс мер, направленных на обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации, данные меры включают технические средства защиты, процедурные правила, правовые и организационные меры, обеспечивающие защиту данных от случайных или умышленных угроз, так, информационная безопасность затрагивает коммерческую, финансовую, медицинскую информацию, и данные, связанные с национальной безопасностью.

Существует множество международных и российских нормативных актов, которые направлены на защиту данных и приватности, но в числе основных выделим:

1. Мадридская декларация о неприкосновенности личной жизни (2009 год), в которой призывается к установлению общемировых стандартов в данной области.

2. Руководящие принципы ОЭСР (1980 год) и последующие дополнения, направленные на унификацию подходов к защите приватности и трансграничным потокам данных.

3. Европейская директива о защите данных 95/46/ЕС (1995 год) и Общий регламент по защите данных (GDPR, 2018 год), которые устанавливают обязательные требования к защите данных в ЕС, в том числе требования к обработке данных системами искусственного интеллекта.

4. Федеральный закон "О персональных данных" № 152-ФЗ (2006 год) – основные требования к обработке персональных данных.

5. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" № 149-ФЗ (2006 год), который определяет общие принципы обработки информации.

6. Указы Президента и постановления Правительства, регламентирующие особенности обработки и защиты данных в различных секторах, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях и государственных учреждениях [3].

Выделим также тот факт, что международные акты, такие как Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятые другими странами, могут быть ратифицированы Россией и стать частью национального законодательства с целью расширения рамок международного правового поля для российских субъектов и операторов персональных данных.

Как уже было упомянуто ранее, в России регуляция обработки персональных данных осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных», который был принят в 2006 году, данный закон устанавливает правила обработки, хранения, использования и распространения персональных данных и требует соблюдения конфиденциальности и защищенности данных на всех этапах их обработки [1]. Со временем законодательство было дополнено поправками, которые уточняют нормы обработки данных, например, требование о хранении данных российских граждан на территории России.

На международном уровне GDPR устанавливает строгие требования к защите персональных данных, правила об их обработке, передаче и хранении, так, регламент обязывает компании обеспечивать законность, справедливость и прозрачность обработки данных, минимизацию данных, точность, ограничение хранения, целостность и конфиденциальность; также GDPR предписывает компаниям уведомлять о любых нарушениях в обработке данных в течение 72 часов после их обнаружения [7].

В обоих случаях, российском и европейском, законодательство направлено на усиление контроля за обработкой персональных данных и

повышение ответственности организаций, работающих с такими данными, но с другой стороны, российские нормы больше делают упор на обязательной локализации данных и расширенном контроле государства, а GDPR на права субъектов данных и трансграничной передаче информации. Само направление развития законодательства в области защиты данных продолжают эволюционировать с учетом новых технологических и социальных вызовов, например, в последние годы особое внимание уделяется следующим принципам:

— Страны по всему миру работают над внедрением и модификацией законодательства о защите данных, которые часто связаны с приспособлением к новым технологическим реалиям, таким как искусственный интеллект и большие данные.

— Интернационализация, например, GDPR, который стал эталоном для многих стран, стремящихся усилить защиту личной информации своих граждан.

— В связи с бурным развитием технологий искусственного интеллекта многие страны начали внедрять законодательные акты, направленные на регулирование данной сферы, Европейский акт об искусственном интеллекте (AI Act) — один из примеров такого рода инициатив, который предусматривает новые правила, руководства и запреты, касающиеся разработки и применения ИИ в ЕС.

— Новые законодательные инициативы, такие как Digital Charter Implementation Act в Канаде и изменения в законодательстве Австралии для обеспечения приватности в цифровую эпоху, и которые направлены на укрепление контроля над доступом и использованием личной информации в частном секторе.

Сейчас современные технологии шифрования используют различные методы для защиты данных от несанкционированного доступа, например, симметричное шифрование, которое основано на использовании одного и того же ключа для шифрования и расшифровки данных, пример такого шифрования — AES (Advanced Encryption Standard), который обеспечивает высокую стойкость к атакам и используется в широком диапазоне приложений, от защиты данных в сети Интернет до хранения информации на локальных устройствах.

Применяется также асимметричное шифрование, которое в свою очередь, использует пару ключей — публичный и приватный — публичный ключ может быть свободно распространен для шифрования данных, в то время как приватный ключ используется для их расшиф-

ровки и должен оставаться в секрете у получателя, по сравнению с симметричным шифрованием данный метод более медленный, но обеспечивает более удобный обмен ключами без необходимости их защиты, например, алгоритм RSA, который применяется для защиты онлайн-транзакций и обмена данными между устройствами [2].

Дополнительно, существуют специализированные методы шифрования:

– Шифрование эллиптической кривой (ECC) – использует алгоритмы на основе эллиптических кривых, обеспечивающие высокую стойкость при меньшем размере ключа по сравнению с RSA.

– Гибридное шифрование сочетает преимущества симметричного и асимметричного методов и обеспечивает продуктивность симметричного шифрования при безопасной передаче ключей с помощью асимметричного шифрования.

Для защиты личной информации (приватности) при сохранении функциональности данных для анализа и исследований применяется метод анонимизации данных, который заключается в удалении или изменении такой информации, которая может быть использована для идентификации конкретного лица, ведь данный процесс делает идентификацию лица невозможной, не только непосредственно, но и косвенно, с помощью агрегации данных или детального анализа. Примеры анонимизации: удаление личных идентификаторов, замена их на артефакты или разбиение данных на менее точные категории.

С другой стороны, применяется псевдонимизация (процесс замены идентифицирующей информации на псевдонимы или уникальные идентификаторы, которые не раскрывают личность пользователя, но позволяют связывать различные данные с одним и тем же субъектом данных без раскрытия его личности), в процессе которого псевдонимы создаются таким образом, чтобы их было сложно связать с оригинальными данными без использования дополнительной защищенной информации, такой как ключи шифрования, что делает псевдонимизацию обратимым процессом, в отличие от анонимизации, которая является необратимой [4].

С точки зрения безопасности данных в облачных технологиях, то здесь речь идет о защите данных, обеспечении целостности и доступности информации, защите от разнообразных киберугроз, соблюдении законодательных и регулятивных требований относительно данных. Применяются различные технологические

и процедурные меры, такие как шифрование данных, аутентификация пользователей, межсетевые экраны, системы обнаружения и предотвращения вторжений, мониторинг и реагирование на инциденты, но в то же время облачные технологии имеют свои уязвимости. Среди наиболее распространенных угроз — утечки данных, которые происходят из-за несанкционированного доступа, взлома учетных записей, ошибок в конфигурации системы или недостаточной аутентификации и управления доступом, далее опасность представляют DDoS-атаки, которые делают облачные сервисы недоступными для пользователей.

Хакеры используют различные методы для доступа к данным, в том числе социальную инженерию, фишинг, вредоносное ПО и SQL-инъекции, например, атаки на базы данных, где похитители данных используют компрометацию учетных данных, уязвимости в приложениях и ошибки конфигурации системы для доступа к ценной информации.

На самом деле, нарушения данных могут иметь серьезные последствия как для компаний, так и для отдельных лиц, поэтому для компаний прямые расходы, связанные с нарушением данных касаются и затрат на обнаружение, локализацию и реагирование на инцидент, например, такие как привлечение внешних экспертов по кибербезопасности, проведение форензических исследований и уведомление пострадавших сторон. Косвенные расходы могут быть еще более ощутимыми и трудно поддающимися оценке, поскольку здесь речь идет о долгосрочных финансовых последствиях нарушения данных (потеря доходов из-за ухода клиентов, повреждение репутации и уменьшение конкурентного преимущества), далее для компаний может возникнуть проблема с увеличенными расходами на страхование кибербезопасности, постоянный мониторинг и устранение последствий, инвестиции в новые технологии безопасности и программы обучения.

Для физических лиц последствия нарушений данных могут стать катастрофическими, так как личная информация, раскрытая в ходе нарушений, приводит к краже личности и финансовому мошенничеству, например, нарушение данных в реестре рождений Онтарио привело к тому, что медицинские данные миллионов людей стали доступны неавторизованным лицам [8].

Более того, юридические последствия, несоблюдение законов о защите данных, таких как GDPR в Европе или CCPA в Калифорнии приводят к крупным штрафам, например, согласно GDPR, компании могут быть оштрафованы на

сумму до 4% от их глобального годового оборота или 20 миллионов евро, что обойдется им в несколько раз дороже, если они не обеспечат адекватную защиту данных.

Так, в 2023 году наблюдался рост количества и масштабов кибератак и утечек данных, которые были вызваны как развитием методов атак, так и усилиями по их предотвращению, например, в октябре 2023 года одним из самых крупных инцидентов стала утечка данных Индийского совета медицинских исследований, когда из базы данных COVID-тестирования были украдены личные данные 815 миллионов жителей Индии и были выставлены на продажу в теневом интернете, а компания 23andMe столкнулась с атакой, в результате которой были скомпрометированы данные около 20 миллионов пользователей [6].

Среди других крупных инцидентов упомянем атаки на такие компании, как GoDaddy и MGM Resorts – GoDaddy столкнулась с многолетней утечкой, в ходе которой злоумышленники получили доступ к исходному коду и установили на серверах вредоносное ПО; MGM Resorts пострадала от массовой атаки программы-вымогателя, которая затронула их IT-системы, веб-сайты, системы онлайн-бронирования и казино [5], также была зафиксирована атака на сервисные устройства Barracuda, где хакеры использовали уязвимость zero-day для установки вредоносного ПО.

Сейчас наиболее актуальным способом обеспечения приватности является использование технологии блокчейн, которая предлагает повышенную безопасность за счет своих главных особенностей [9]:

1) Децентрализации – управление идентификацией и данными распределяется среди множества узлов, уменьшая риск централизованных данных нарушений (дает пользователям больший контроль над своими персональными данными).

2) Криптографической безопасности – блокчейн использует сложные алгоритмы шифрования, которые защищают данные, делая их доступными только для авторизованных пользователей, и даже если данные перехватываются, без соответствующего ключа их невозможно расшифровать.

3) Неизменности данных – однажды внесенные в блокчейн записи не могут быть изменены без согласия всех участников сети, так обеспечивается их подлинность и защита от мошенничества.

Еще одним инновационным подходом в области приватности, использующим блокчейн является самоуправляемая идентификация

(Self-Sovereign Identity, SSI), которая позволяет пользователям самостоятельно управлять своими идентификационными данными без необходимости посредников, то есть пользователи могут предоставлять доступ к своим данным по своему усмотрению, тем самым улучшается управление приватностью и уменьшается риск утечки данных.

Далее, блокчейн предоставляет платформу для создания и применения умных контрактов, которые способны автоматически выполнять, контролировать или документировать юридически значимые события и действия в соответствии с условиями контракта, то есть обеспечивает дополнительный уровень безопасности и прозрачности. Хотя инновации в области блокчейна и самоуправляемой идентификации являются качественными способами защиты приватности, но их использование сопровождается строгим соблюдением норм данных и регуляторных требований.

Подводя итог, отметим, что уровень угрозы кибербезопасности остается высоким, и многие атаки продолжают использовать сложные методы для достижения своих целей, поэтому борьба с ними становится особенно трудной и требует постоянного совершенствования методов киберзащиты.

Литература

1. Федеральный закон "О персональных данных" от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ (последняя редакция).

2. Кузьминых Е.С., Ильина С.П., Маслова М.А. Анализ непробиваемых алгоритмов шифрования [Электронный ресурс] // Научный результат. Информационные технологии. – 2024. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-neprobivaemyh-algoritmov-shifrovaniya> (дата обращения: 10.04.2024).

3. Нормативные правовые акты в области персональных данных [Электронный ресурс] // Официальный интернет-ресурс Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. – 2023. – Режим доступа: <https://77.rkn.gov.ru/law/p4735/>

4. Чумбуридзе Я.А., Какорина О.А. Изучение технологий, повышающих конфиденциальность [Электронный ресурс] // NBI-technologies. – 2023. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-tehnologiy-povyshayuschih-konfidentsialnost> (дата обращения: 12.04.2024).

5. Abrams, Lawrence. The biggest cybersecurity and cyberattack stories of 2023 //

BleepingComputer. – 2024. – URL: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/the-biggest-cybersecurity-and-cyberattack-stories-of-2023/>

6. Ford, Neil. List of data breaches and cyber attacks in 2023 – 8,214,886,660 records breached // IT Governance UK Blog. – 2024. – URL: <https://www.itgovernance.co.uk/blog/list-of-data-breaches-and-cyber-attacks-in-2023>

7. Lipova E.A. Russian data protection officer vs European data protection officer - no difference in the legal requirements? True or false [Электронный ресурс] // Вестник магистратуры. – 2022. – №12-1 (135). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russian-data-protection-officer-vs-european-data-protection-officer-no-difference-in-the-legal-requirements-true-or-false> (дата обращения: 11.04.2024).

8. Rana, Uday. Ontario's BORN birth registry breach sees data 'taken' from 3.4 million // Global News. – URL: <https://tech.co/news/data-breaches-updated-list>

9. Tamplin, True. How does blockchain protect privacy? // Finance Strategists. – 2023. – URL: <https://www.financestrategists.com/wealth-management/blockchain/how-does-blockchain-protect-privacy/>

Data protection and privacy in the digital age

Titov A.S.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

The article studies issues of data protection and privacy from the point of view of modern technological and legal problems, highlights the issue of identification and protection of personal data, including full name, address, contact information, and other information that allows you to identify a person. The author considers privacy as the protection of non-disclosure of personal information without the consent of the subject and notes the role of information security to ensure the confidentiality, integrity and availability of information.

Both international and Russian regulations affecting data protection and privacy, such as GDPR and the Federal Law on Personal Data, are covered, examples of recent major cyber attacks are given, and emphasis is placed on modern problems (changes in legislation to accommodate new technologies - artificial intelligence and blockchain).

At the conclusion of the article, the author writes that data protection is becoming an increasingly difficult task due to the growing threat of cyber attacks and data leaks, and therefore, constant improvement of cyber protection methods is required.

Keywords: personal data, privacy, information security, GDPR, Federal Law "On Personal Data", cyber attacks, blockchain, international regulations, data protection.

References

1. Kuzminykh E.S., Ilyina S.P., Maslova M.A. Analysis of impenetrable encryption algorithms [Electronic resource] // Scientific result. Information Technology. – 2024. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-neprobivaemyh-algoritmov-shifrovaniya> (date of access: 04/10/2024).
2. Regulatory legal acts in the field of personal data [Electronic resource] // Official Internet resource of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications. – 2023. – Access mode: <https://77.rkn.gov.ru/law/p4735/>
3. Federal Law "On Personal Data" dated July 27, 2006 N 152-FZ (latest edition).
4. Chumburidze Ya.A., Kakorina O.A. Study of technologies that increase confidentiality [Electronic resource] // NBI-technologies. – 2023. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-tehnologiy-povyshayuschih-konfidentsialnost> (date of access: 04/12/2024).
5. Abrams, Lawrence. The biggest cybersecurity and cyberattack stories of 2023 // BleepingComputer. – 2024. – URL: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/the-biggest-cybersecurity-and-cyberattack-stories-of-2023/>
6. Ford, Neil. List of data breaches and cyber attacks in 2023 – 8,214,886,660 records breached // IT Governance UK Blog. – 2024. – URL: <https://www.itgovernance.co.uk/blog/list-of-data-breaches-and-cyber-attacks-in-2023>
7. Lipova E.A. Russian data protection officer vs European data protection officer - no difference in the legal requirements? True or false [Electronic resource] // Bulletin of magistracy. – 2022. – No. 12-1 (135). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russian-data-protection-officer-vs-european-data-protection-officer-no-difference-in-the-legal-requirements-true-or-false> (date of access: 04/11/2024).
8. Rana, Uday. Ontario's BORN birth registry breach sees data 'taken' from 3.4 million // Global News. – URL: <https://tech.co/news/data-breaches-updated-list>
9. Tamplin, True. How does blockchain protect privacy? // Finance Strategists. – 2023. – URL: <https://www.financestrategists.com/wealth-management/blockchain/how-does-blockchain-protect-privacy/>

Правовое регулирование применения полицией мер административного принуждения в деятельности по охране общественного порядка

Крупин Владимир Александрович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, krunova1975@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты существующей в Российской Федерации системы правового регулирования применения органами полиции мер административного принуждения в связи с реализацией полномочий по охране общественного порядка; выделен ряд изъятий, присущих такой системе, и сделаны выводы о необходимости её совершенствования путем осуществления трансформации комплекса соответствующих правовых норм и их объединения в рамках единого нормативно-правового акта. В этой связи автором также рассмотрены разновидности средств и правовых инструментов, используемых органами правопорядка в рамках административного законодательства в целях обеспечения общественного порядка, выделены особенности, характерные для мер административно-правового принуждения и дифференцирующие такие меры от всего множества средств принуждения, используемых органами исполнительной власти. На основании критического анализа существующих в отечественной юридической науке подходов к определению содержания категории «общественный порядок» предложено её авторское определение.

Ключевые слова: административное принуждение, общественный порядок, общественная безопасность, полиция, система мер административно-правового принуждения, государственное принуждение.

Введение.

Решение задачи обеспечения общественного порядка и законности на территории Российской Федерации предполагает применение комплекса разнородных организационно-правовых инструментов, оказывающих различное воздействие на все стороны соответствующих правоотношений. При этом избрание конкретных разновидностей таких инструментов, которые могут быть дифференцированы на такие разновидности как принуждение и убеждение, обуславливается ролью и местом участников публично-правовых отношений в организации управления, стоящих перед ними задач, а также тем, являются ли те или иные проявления их деятельности правомерными или противоправными.

Полиция в Российской Федерации является наиболее универсальным органом исполнительной власти, осуществляющим правоохранительную деятельность, и в этой связи в ходе таковой реализует комплекс методов стимулирования и принуждения, направленных на обеспечение исполнения законодательно установленных ограничений и запретов физическими и юридическими лицами. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что центральное место в деятельности органов полиции, имеющей своей целью противодействие совершению уголовно-наказуемых деяний и административных правонарушений, занимает система мер государственного принуждения.

Одновременно с этим необходимо указать на то, что правовое регулирование системы мер государственного принуждения не является совершенным, поскольку не в полной мере отражает концептуальные выводы о содержании феномена административного принуждения, о сущности и составе норм, регламентирующих конкретные механизмы такого принуждения, а также имеющие место основания и процедуры их реализации. Данное обстоятельство в некотором роде может быть объяснено тем, что в необходимой степени ясное представление о мерах административного принуждения, не являющихся административными наказаниями, в теории административного процесса отсутствует. Что, в свою очередь, приводит к нетривиальности вопросов, связанных с форми-

рованием предложений, направленных на совершенствование комплекса соответствующих правовых норм, а значит - свидетельствует об актуальности отмеченной проблематики.

Анализ литературных источников.

Проблемы дефиниции и классификации, а также правового регулирования мер административного принуждения уже длительное время активно обсуждаются отечественными юристами и учеными.

Так, уже в конце XIX в. и начала XX в. различные аспекты проблематики полицейского принуждения рассматривались А.М. Клише-ром, В.В. Ивановским, И.Е. Андреевским, С.С. Студенкиным, А.И. Елистратовым.

В современное время указанные проблемы исследовались Ю.М. Козловым, А.А. Кармолицким, Д.Н. Бахрах, И.А. Галаган, С.Ф. Милюковым, В.М. Горшеневым, И.А. Склчоровым, Н.В. Макарейко, А.В. Малько, М.В. Никифоровым, Ю.И. Стариковым, В.Г. Розенфельдом и многими другими.

Специализированные аспекты реализации мер административного принуждения в деятельности органов полиции стали предметом трудов А.П. Шергина, В.А. Тюрина, А.В. Карагодина, В.Д. Ардашкина, Б.Т. Базылева, М.И. Еропкина, А.П. Ключниченко, В.С. Новикова и проч.

Методология.

Совокупность использованных в настоящей работе методов и инструментов основана на применении такого фундаментального подхода к оценке социально-правовых реалий, как диалектико-материалистической теории познания. В ходе проведения исследования автором применялся ряд общенаучных методов: синтез и анализ, дедукция и индукция, абстрагирование и системный метод, а также такие частные методы, используемые в юридических исследованиях, как сравнительно-правовой и формально-юридический подходы.

Нормативное основание данного исследования включает в себя Конституцию РФ; её административное и административно-процессуальное законодательство, а также отдельные ведомственные нормативные акты, регламентирующие правоприменение в рассматриваемой области.

Теоретической базой работы выступили научные труды перечисленных выше ученых и специалистов в области права.

Основная часть.

Представляется очевидным, что административно-правовое принуждение, выступая в

качестве одного из важных и неотъемлемых элементов существующего в рамках отечественной правовой системы института государственного принуждения, несет на себе отпечаток основных признаков, присущих таковому. Вместе с тем, рассматриваемая категория имеет и ряд свойственных только ей особенностей, ключевые из которых приведены на рисунке 1.

Данный тип принуждения, представляя собой один из видов правового принуждения, заключается в применении субъектами исполнительной (а в ряде случаев – и судебной) власти установленных административно-правовыми нормами мер в связи с теми или иными неправомерными действиями. Важно отметить, что административно-правовое принуждение является одним из важнейших элементов охраны общественного правопорядка, а также профилактики административных правонарушений.

Особенности системы мер административного принуждения	
	1. Меры административно-правового принуждения, как правило, применяются в связи с антиобщественными деяниями, квалифицируемыми как административные правонарушения
	2. Реализация мер административно-правового принуждения осуществляется в рамках внеслужебного (линейного и организационного) подчинения
	3. Применение таких мер относится к компетенции весьма разнообразных субъектов, осуществляющих административную юрисдикцию
	4. В качестве объектов административного воздействия могут выступать как физические лица, так и коллективные субъекты
	5. Административно-правовое принуждение регулируется административно-правовыми нормами, закрепляющими виды мер принуждения, порядок и основания их применения

Рисунок 1 – Характерные особенности мер административно-правового принуждения (источник – составлено автором на основании [4],[10])

Механизмы административно-правового принуждения включают в себя достаточно разнообразный спектр средств и инструментов, использование которых имеет своей целью прекращает противоправных действий, предотвращение наступления вредных последствий таких действий либо возмещенного причиненного ими ущерба (рисунок 2). При определенных обстоятельствах такие средства и правовые инструменты могут применяться к субъектам, совершившим незначительные правонарушения впервые. В таком случае указанные инструменты, представляя собой важное звено системы профилактики противоправного поведения, способны существенно снизить вероятность будущего совершения правонарушений.

Рисунок 2 – Система мер административно-правового принуждения

Следует отметить, что деятельность, направленная на охрану общественного порядка, была и в настоящее время остается одним из ключевых и наиболее активно дискутируемых в рамках административно-правовой науки вопросов. Указанное обстоятельство в значительной степени обусловлено не только первостепенной важностью такой деятельности для нормального функционирования системы социального управления и существования демократического гражданского общества, как такового, но и осуществлением систематического реформирования данной сферы применительно к органам местного самоуправления и внутренних дел, необходимого для совершенствования соответствующих правовых механизмов и обеспечения их адекватности непрерывно трансформирующимся социально-правовым реалиям.

При этом под правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в отношении охраны общественного порядка подпадают лишь общественные отношения, находящиеся в границах правовой рамки, а избрание конкретного метода регулирования общественных

отношений и, соответственно, воздействия на участников таких отношений в каждой конкретной жизненной ситуации обуславливается характером противоправности их поведения и совокупностью действующих в каждый конкретный момент времени относимых к таким отношениям правовых норм.

Важно указать, что, не смотря на то, что в отечественной системе законодательных нормативных правовых актов отсутствует определение категории «общественный порядок», уголовным Кодексом РФ и Кодексом об административных правонарушениях РФ предусмотрены наказания за преступления и правонарушения, посягающие на общественный порядок. Некоторые из существующих в рамках научного дискурса определений данной категории отражены на рисунке 3.

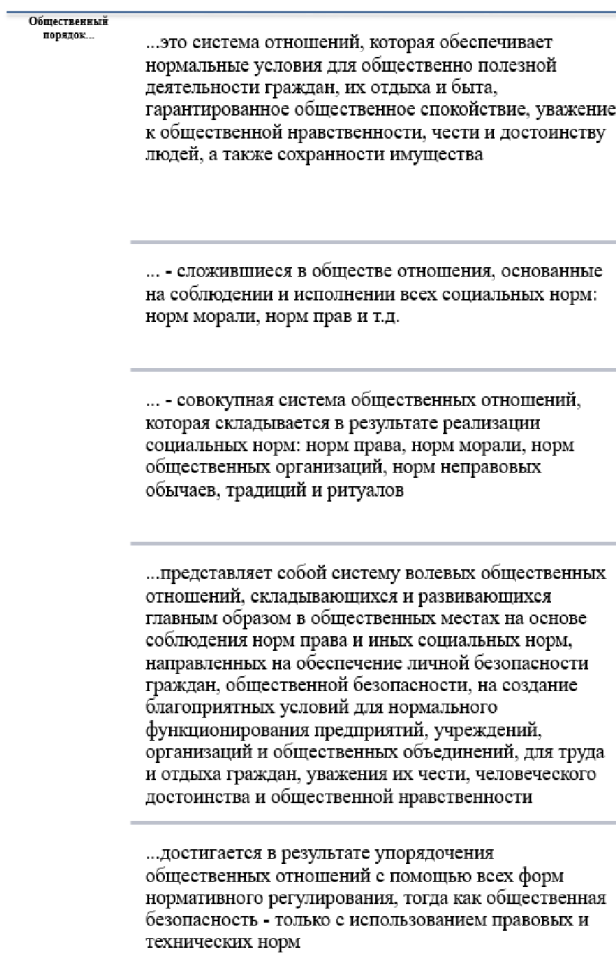

Рисунок 3 – Определения категории «общественный порядок» (источник – составлено автором на основании [7],[6],[8],[9],[5])

Синтетический подход к приведенным выше определениям дефиниции «общественный порядок» позволяет констатировать, что назначением обеспечения общественного порядка является охрана жизни, здоровья, чести и достоинства, имущества, а также иных охраняемых

законом интересов человека, и кроме того – формирование комплекса условий, способствующих стабильному функционированию государственных, частных и общественных предприятий и организаций.

Говоря об организации правового регулирования охраны общественного порядка, в целом, и применения органами полиции мер административного принуждения в ходе соответствующей деятельности, в частности, следует отметить, что законодательство, действующее на территории РФ всецело отвечает целям и задачам обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка.

Так, Уголовный Кодекс РФ называет охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в качестве одной из своих задач, наряду с охраной более общих, но неотделимых от них ценностей: «прав и свобод человека и гражданина, собственности, конституционного строя и окружающей среды» [2].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в совершенно аналогичном УК РФ порядке, декларирует, что задачами соответствующего ему раздела законодательства РФ являются: «защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений» [1].

Закон о полиции прямо указывает обязанности полиции по охране общественного порядка, в ст. 1 установлено, что «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [3].

Следует подчеркнуть, что осуществление правоохранительной деятельности органами государственной власти предполагает вид деятельности государства, реализуемый специальными правоохранительными органами для охраны и защиты прав применением юридических мер, т. е. на законодательном уровне предусмотрено, что при осуществлении правоохранительной деятельности могут быть в ка-

кой-то мере ограничены права и свободы правоохраняемых субъектов. Причем главной целью правоохранительной деятельности являются пресечение правонарушений, розыск и привлечение к ответственности правонарушителей.

Правовая основа деятельности, осуществляемой полицией в РФ в сфере охраны общественного порядка и применения в ходе такой деятельности мер административного принуждения составлена как федеральными нормативными правовыми актами, так и законами субъектов Российской Федерации. При этом многими исследователями отмечается, что региональное регулирование некоторой доли публичных отношений в данной области способствует обретению полицией дополнительных возможностей к решению соответствующих задач, в частности, их раздела, связанного с обеспечением административного законодательства субъектов Российской Федерации.

Одновременно с тем, сегодня совершенствование законодательного обеспечения рассматриваемой области деятельности органов внутренних дел Российской Федерации представляется необходимым. Одним из важнейших направлений приложения усилий в указанной сфере, по нашему мнению, должна стать разработка и принятие единого законодательного акта, способного на системной основе сформировать правовую базу использования полицией в деятельности по охране общественного порядка мер административного пресечения. Вывод о необходимости появления такого акта связан с тем, что в настоящее время соответствующие правовые нормы не обладают сколь-либо системным характером и, по сути, рассредоточены в целом ряде нормативно-правовых актов, зачастую относящихся к практически непересекающимся аспектам национального правового поля РФ.

Практическая реализация отмеченных действий, направленных на совершенствование системы правового регулирования применения полицией мер административного принуждения в деятельности по охране общественного порядка и общественной безопасности, может осуществляться различными путями, одним из которых может стать формирование единого правового акта, регулирующего данную сферу правоприменения и на синтетической основе объединившего в себе все нормы, посвященные административному принуждению. Таким актом, например, может стать новая специальная глава в КоАП РФ либо отдельный федеральный закон об административно принуждении.

Выводы.

Подводя итоги изложенного следует указать на то, что административно-правовое принуждение, являясь одним из ключевых компонентов существующего в рамках правовой системы Российской Федерации института государственного принуждения, обладает основными качествами, присущими последнему, но вместе с тем имеет и ряд уникальных качеств, позволяющих дифференцировать его из всего множества законодательно определенных требований и процедур, направленных на обеспечения различных аспектов общественного порядка и общественной безопасности. Указанное обстоятельство, а также факт отсутствия в отечественном законодательстве единого нормативного правового акта, регулирующего данную сферу деятельности органов полиции, служат необходимости разработки и принятия такого акта.

Заключение.

Необходимо отметить, что современное состояние разделов законодательства, регламентирующих административное принуждение и применение органами полиции его средств для обеспечения общественного порядка, в значительной степени обусловлено имевшими место в последние десятилетия организационно-структурными изменениями в системе исполнительной власти. При этом указанные изменения далеко не всегда являются достаточно обоснованными с научных позиций. В этой связи в последующей практике реформирования законодательного обеспечения рассмотренной в настоящей работе отрасли права предлагается ограничить применение подхода, предполагающего широкое использование практики отраслевого и статутного законодательства и порождающего необходимость изменения целого ряда законодательных актов при организационно-структурной трансформации органов исполнительной власти.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Статья 1.2. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 22.03.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.03.2024).
3. Федеральный закон «О полиции». [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 22.03.2024).

4. Братановский С. Н. «Административное право. Общая часть: Учебник» — М.: «Директ-Медиа», 2013. 254 с.
5. Гранин А.Ф. Теоретические вопросы социалистической законности в деятельности органов внутренних дел: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. - Киев, 1975.
6. Григонис Э.П. Теория государства и права. СПб.: Питер, 2002
7. Ключниченко А.П. О понятии социалистического общественного порядка. - Киев: ВШ МВД СССР, 1970.
8. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1990.
9. Хомяков И.Д. Проблемы понятия охраны общественного порядка как формы реализации правоохранительной функции государства // Вестник Вятского государственного университета. - 2012. - № 4. - Т.5. - С. 146-150.
10. Щербакова К. В. Понятие и виды мер административного принуждения / К. В. Щербакова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 33 (167). — С. 38-41.

Legal regulation of the use of administrative coercion measures by the police in activities to protect public order

Krupin V.A.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the theoretical and applied aspects of the existing system of legal regulation in the Russian Federation of the use of administrative coercion measures by police authorities in connection with the exercise of powers to protect public order; identifies a number of flaws inherent in such a system, and concludes that it needs to be improved by transforming the complex of relevant legal norms and combining them within a single regulatory framework. In this regard, the author also examines the varieties of means and legal instruments used by law enforcement agencies within the framework of administrative legislation in order to ensure public order, highlights the features characteristic of administrative and legal coercion measures and differentiating such measures from the entire set of means of coercion used by executive authorities. Based on a critical analysis of existing approaches in Russian legal science to determining the content of the category "public order", its author's definition is proposed.

Keywords: administrative coercion, public order, public safety, police, a system of administrative and legal coercion measures, state coercion.

References

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Article 1.2. [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of application: 03/22/2024).
2. The Criminal Code of the Russian Federation. [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of application: 03/22/2024).

3. Federal Law "On Police". [electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (date of access: 03/22/2024).
4. Bratanovsky S. N. "Administrative law. General part: Textbook" — M.: "Direct-Media", 2013. 254 p.
5. Granin A.F. Theoretical issues of socialist legality in the activities of internal affairs bodies: abstract. Dissertation by Dr. Yurid. sciences'. - Kiev, 1975.
6. Grigonis E.P. Theory of state and law. St. Petersburg: Peter, 2002
7. Klyushnichenko A.P. On the concept of socialist public order. - Kiev: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1970.
8. Khropanyuk V.N. Theory of State and law. M., 1990.
9. Khomyakov I.D. Problems of the concept of public order protection as a form of implementation of the law enforcement function of the state // Bulletin of Vyatka State University. - 2012. - No. 4. - Vol.5. - pp. 146-150.
10. Shcherbakova K. V. The concept and types of administrative coercion measures / K. V. Shcherbakova. — Text : direct // Young scientist. — 2017. — № 33 (167). — Pp. 38-41.

Суверенизация как одна из современных проблем института признания государств

Голушков Святослав Васильевич

аспирант Самарского государственного экономического университета, goluschkoff.swiatoslaw@yandex.ru

В данной работе автором рассматривается принцип самоопределения на историческом промежутке начиная с момента окончания Первой мировой войны до наших дней. В рамках проводимого исследования отмечается, что отсутствует единое определение принципа самоопределения, а также механизмы его реализации. В связи с существующей неопределённостью принцип самоопределения не только начинает ассоциироваться исключительно с сецессии, что с возросшими тенденциями к суверенизации, несёт значительные риски разрушения многонациональных государств, но также начинает восприниматься как инструмент воздействия заинтересованных государств. Анализируется критика применения сецессии и принципа самоопределения, на основании чего делаются выводы о необходимости переосмысления принципа самоопределения, поиска альтернативных способов его применения, которые позволят в перспективе обеспечить защищенность прав национальных меньшинств, при этом не допуская по возможности разрушения полиэтнических государств.

Ключевые слова: международное право, юриспруденция, признание государства, суверенизация, сецессия, самоопределение, территориальная целостность, ремедиальная сецессия.

Как отмечается многими исследователями принцип самоопределения находит свое применение на завершающих этапах Первой мировой войны, ввиду разрушения европейских империи, и появления целого ряда новых молодых государств, однако помимо актов советского правительств, он не получает какого-либо иного закрепления.

Уже только во времена разработки устава ООН, вопрос закрепления принципа самоопределения, поднимается вновь, по инициативе Советского Союза. На конференции в Сан-Франциско в 1945 году, данная инициатива, не получила единогласного одобрения. Объяснялось это тем, что, закрепление принципа самоопределения как механизма скорейшего достижения полной независимости государствами, по мнению многих представителей западных стран, приведет к своего рода расчленению государств и поощрению сепаратизма. Такую осторожную позицию заняли не только державы имеющие колониальные владения, но также и не колониальные государства. Объясняя позицию Советского Союза, министр иностранных дел В.М. Молотов заявлял, что мировое сообщество должно прежде всего позаботиться о том, чтобы все страны, находящиеся в зависимом положении, получили возможность как можно скорее встать на путь национальной независимости [1, 72].

Всё же в результате долгих переговоров был найден компромиссный вариант, который предусматривал закрепление самоопределения в статье 1, в которой обозначались цели организации и в статье 55 Устава ООН, в которой подчёркивалось уважение принципа самоопределения.

Однако следует заметить, что текст устава не называет, что подразумевается под термином самоопределение народов, а также не устанавливает то, как он реализуется. Некоторые ученые даже высказывают позицию, что закрепление принципа самоопределения носило чисто формальный характер, поскольку статьи, в которых упомянут данный принцип, содержат исключительно общие положения, и по своей сути не охватывают в полной мере принцип самоопределения как таковой.

Можно сказать, что Устав ООН, отражает крайне осторожный подход к данному принципу

со стороны Франции и Великобритании – самых крупных колониальных империи того периода.

В дальнейшем самоопределение, опять по инициативе Советского Союза, получает закрепление в двух Международных пактах, которые были посвящены гражданским и политическим правам и экономическим, социальным и культурным правам [2, 62]. В настоящее время данные пакты носят, по сути, всеобъемлющий и универсальный характер. Хотя данные пакты и укрепили позиции самоопределения, у многих государств данный принцип вызывал серьезные опасения.

Ведомые опасностью утраты части своей территории, многие государства поддерживали всестороннее ограничение применения принципа самоопределения, по их мнению, в статьях указанных Пактов самоопределение применимо только к народам, находящимся под иностранным господством, а не к суверенным или независимым государствам.

Также представителями многих государств, высказывалось мнение о необходимости разработки общих стандартов, направленных на достижение единообразия в вопросах применения принципа на самоопределение.

В качестве одного из таких стандартов учеными называется Декларацию 1960 года, посвященную вопросам предоставления независимости колониальным территориям и народам, находящимся под колониальным гнетом. В тексте данной декларации прямо провозглашалось, что окончательной целью самоопределения наций и народов является обретение независимости [3].

Тем самым можно сказать, что самоопределение, стало ассоциироваться вплоть до настоящего времени с сецессией, то есть подразумевается, что самоопределение будет осуществляться посредством отделения от материнского государства [4, 52].

Единого определения сецессии не существует, и ученые-правоведы интерпретируют сецессию по-разному. Так преимущественно западными учеными юристами утверждается, что вопрос о сецессии возникает в те моменты, когда значительная часть населения, проживающая на конкретно определенной территории, являющейся частью государства, выражает своё непосредственное желание словом или делом стать самостоятельным суверенным государством или же войти в состав другого государства и стать соответственно частью его. Однако следует обратить внимание, что такое понимание не до конца отражает всю суть сецессии, поскольку упускает один значимый фактор, а именно отсутствие одобрения со

стороны родительского государства в вопросах предоставления отделяющемуся образованию независимости или присоединения к другому государству.

В целях более полного понимания сецессии следует отличать её от:

1. Разделения, в виду того, оно осуществляется мирно, либо по согласованию, как это было в случае с Чехословакией.

2. Распада, в данном случае родительское государство, окончательно перестает существовать, в то время как на его территории возникает ряд новых государств, наглядным пример здесь выступают Советский Союз и Югославия.

3. Передача полномочий, подразумевает согласие материнского государства на постепенный выход из состава государства.

4. Аннексия, процесс подрезывающий, что отделившееся образование не становится новым государством, а сразу интегрируется в состав другого уже существующего государства.

Следует учитывать, что если рассматривать сецессию в плане проведения деколонизации, то подавляющее число государств, были едины в своей позиции и поддерживали независимость бывших колониальных областей, и с течением времени по мере того, как они получали свою независимость, они получали и свое признание.

Однако если говорить о сецессии в не колониальных регионах, позиция государств, за исключением некоторых случаев, исходит, прежде всего, из сохранения территориальной целостности исходного государства.

Принцип территориальной целостности запрещает государствам применять силу против других государств или вмешиваться в их дела. Следовательно, он запрещает другим государствам нарушать территориальную целостность государства, но прямо не говорит о запрете меньшинствам, проживающим в этом государстве, отделяться.

Ввиду этого некоторыми учеными отделение рассматривается как сугубо внутренний акт и, следовательно, должно подпадать под действие национального законодательства.

В таком случае признание такого нового государства, образовавшегося путем отделения от материнского государства, можно будет рассматривать как непосредственное вмешательство в дела государства, относящиеся исключительно к его внутренним, и как следствие нарушение принципа территориальной целостности государства и невмешательства в его внутренние дела [5, 468].

Тем не менее как отмечалось выше, существуют исключительные случаи, когда страны в вопросах признания нового государства, могут пренебречь как суверенитетом, так и территориальной целостностью материнского государства.

В западной правовой науке, сформировалась даже целая доктрина, под названием *remedial secession* (ремедиальная или исправительная сецессия), или как её можно назвать «отделение как средство защиты» [6, 143].

Remedial secession, подразумевает создание нового независимого государства путем отторжения неотъемлемой части территории у существующего государства, осуществляемое постоянно проживающим населением этой части территории, либо без согласия родительского государства, либо без внутреннего конституционного разрешения, но в качестве последнего средства правовой защиты от серьезных последствий, которые были причинены негуманными действиями властей родительского государства [7, 7].

Впервые термин *remedial secession* был введен в обиход Ли К. Буххейтом, по его мнению, отделение следует рассматривать как инструмент освобождения угнетенного сообщества от государства, которое совершает массовые и грубые нарушения прав человека [8, 223].

С точки зрения данной доктрины считается, что если государство на постоянно основе угнетающее какое-либо национальное меньшинство, то в таком случае она утрачивает право управлять данным меньшинством. И в таком случае создание и последующее признание нового государства, можно рассматривать как восстановление права, нарушенного родительским государством.

Несмотря на те высокоморальные основания, которые закладывались в доктрину *remedial secession*, применение её на практике крайне спорным и играет только на руку заинтересованным государствам, что подтверждает пример, ранее упомянутого, признания Косово. Где одним из главных аргументов со стороны признающих западных государств было совершение военных преступлений силами Югославии в отношении косовских албанцев, в то время как факты совершения преступлений в отношении сербского меньшинства и по сути геноцида в данном регионе не брались в расчет [9, 113].

Исходя из того, что сложившаяся тенденция к суверенизации в международном поле, несет в себе значительную угрозу и может выступать как средство манипуляции и принуждения от-

дельных государств, у некоторых ученых сложилась позиция о необходимости ограничения права народов на самоопределение, по их мнению концепция, дающая народам право на самоопределение, является крайне неоднозначной и даже опасной, ввиду того, что изначально была основана на политике так называемых двойных стандартов, что, по их мнению, только на оборот способствует эскалации напряженности и препятствует мирному разрешению конфликта, тем самым причиняя вред как государству, так и народу, который изъявил желание воспользоваться правом на самоопределение [10, 107-108].

Как можно было уже увидеть ранее, ряд государств уже высказывался в пользу, того, что самоопределение — это право наций и народов, находящихся в колониальной зависимости, тем не менее, можно констатировать, что самоопределение уже давно вышло за пределы инструмента деколонизации.

В связи со сложившейся ситуацией, целым рядом исследователей даже предлагает переосмыслить право на самоопределение, в пользу культурного самоопределения, предполагающего разработку механизмов, направленных на привлечение этнических и национальных групп к активной работе с органами государственной власти, разработке государственных программ направленных на интеграцию национальных меньшинств [11, 35], а также повышения уровня репрезентации меньшинств в региональных и государственных законодательных органах власти, даже путем введения отдельных квот для их представителей.

На основании вышеизложенного, принимая во внимание критику закрепленного принципа самоопределения и потенциальные риски, которые несёт суверенизация, нельзя не сделать вывод о необходимости переориентации принципа самоопределения и прекращения его ассоциации исключительно с процедурой сецессии. Следует уточнить, что сделанные выводы не говорят о наложении полного запрета на сецессию, либо какого иного ограничения принципа самоопределения, однако указывают на необходимость реализации принципа самоопределения в тех рамках, которые позволят не допустить, либо минимизировать возможность разрушения полиэтнических государств.

Литература

1. Тункин Г.И. Теория международного права // М.: Международные отношения. 1970. С. 511. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie3728.html> (дата обращения: 19.04.2024).

2. Логвинова И.В. Международные пакты о правах человека 1966 г. В контексте развития общепризнанных прав и свобод личности // *Международное право и международные организации*. 2017. № 1. С. 56-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-pakty-o-pravah-cheloveka-1966-g-v-kontekste-razvitiya-obshepriznannyh-prav-i-svobod-lichnosti/viewer> (дата обращения: 19.04.2024).

3. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Нью-Йорк. 1960. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 19.04.2024).

4. Маркелова А.А. Сецессия как политический феномен. // *Социум и власть*. 2017. № 3. С. 52-56. URL: https://www.researchgate.net/publication/327160135_Secessia_kak_politiceskij_fenomen (дата обращения: 19.04.2024).

5. Лайтман В.И. Принцип невмешательства во внутренние дела государств в международном праве // *Юридическая техника*. 2020. № 14. С. 467-470. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-nevmeshatelstva-vo-vnutrennie-dela-gosudarstv-v-mezhdunarodnom-prave/viewer> (дата обращения: 19.04.2024).

6. Алексанян С.Р. К вопросу о теории ремидиальной сецессии в современном международном праве // *Moscow Journal of International Law*. 2017. № 4. С. 141-150. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/viewFile/233/172> (дата обращения: 19.04.2024).

7. van den Driest. S.F. Remedial Secession: A right to external self-determination as a remedy to serious injustices? // *Tilburg University*. 2013. P. 404. URL: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/5737690/Driest_Remedial_10_04_2013_emb_tot_10_04_2015.pdf (дата обращения: 19.04.2024).

8. Buchheit L.C. Secession: The Legitimacy of Self-Determination // *New Haven and London: Yale University Press*. 1978. P. 260. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Secession-%3A-The-Legitimacy-of-Self-Determination-Buchheit/154f7daaa15a01139c97a6d609d628aabc3d8ed2> (дата обращения: 19.04.2024).

9. Курылев К.П., Шабловский В.С. Косовский конфликт (1999–2020): текущее состояние и пути его разрешения // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 3. С. 112-127. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/13807> (дата обращения: 20.04.2024).

10. Pomerance M. Self-Determination in Law and Practice: The New Doctrine in the United Nations // *London: Martinus Nijhoff Publishers*. 1982. P. 154. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/selfdetermination-in-law-and-practice-the-new-doctrine-in-the-united-nations-by-michla-pomerance-the-hague-boston-london-martinus-nijhoff-publishers-1982-pp-xi-154-index-df190-3950/9A744C581E27944F53305DFF930FCABC> (дата обращения: 20.04.2024).

11. Папян В.Ю. Проблемы, противоречия и перспективы национально-культурного самоопределения в контексте региональных отношений // *Известия высших учебных заведений*. 2008. № 2. С. 35-36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivorechiya-i-perspektivy-natsionalno-kulturnogo-samoopredeleniya-v-kontekste-regionalnyh-otnosheniy> (дата обращения: 20.04.2024).

Sovereignization as one of the modern problems of the institution of recognition of states **Golushkov S.V.**

Samara State University of Economics

In this work, the author examines the principle of self-determination in the historical period from the end of the First World War to the present day. As part of the research, it is noted that there is no single definition of the principle of self-determination, as well as mechanisms for its implementation. Due to the existing uncertainty, the principle of self-determination is not only beginning to be associated exclusively with secession, which, with increased trends towards sovereignization, carries significant risks of destruction of multinational states, but also begins to be perceived as an instrument of influence by interested States. The article analyzes the criticism of the application of secession and the principle of self-determination, on the basis of which conclusions are drawn about the need to rethink the principle of self-determination, search for alternative ways of its application, which will in the future ensure the protection of the rights of national minorities, while preventing, if possible, the destruction of multiethnic states.

Keywords: international law, jurisprudence, recognition of the state, sovereignization, secession, self-determination, territorial integrity, remedial secession.

References

1. Tunkin G.I. Theory of international law // *M.: International relations*. 1970. P. 511. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie3728.html> (access date: 04/19/2024).
2. Logvinova I.V. International Covenants on Human Rights of 1966. In the context of the development of generally recognized rights and freedoms of the individual // *International law and international organizations*. 2017. No. 1. P. 56-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-pakty-o-pravah-cheloveka-1966-g-v-kontekste-razvitiya-obshepriznannyh-prav-i-svobod-lichnosti/viewer> (access date: 04/19/2024).

3. Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples. NY. 1960. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (access date: 04/19/2024).
4. Markelova A.A. Secession as a political phenomenon. // Society and power. 2017. No. 3. P. 52-56. URL: https://www.researchgate.net/publication/327160135_Secessia_kak_politiceskij_fenomen (access date: 04/19/2024).
5. Laitman V.I. The principle of non-interference in the internal affairs of states in international law // Legal technology. 2020. No. 14. pp. 467-470. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-nevmeshatelstva-vo-vnutrennie-dela-gosudarstv-v-mezhdunarodnom-prave/viewer> (date of access: 04/19/2024).
6. Aleksanyan S.R. On the issue of the theory of remedial secession in modern international law // Moscow Journal of International Law. 2017. No. 4. P. 141-150. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/viewFile/233/172> (access date: 04/19/2024).
7. van den Driest. S.F. Remedial Secession: A right to external self-determination as a remedy to serious injustices? // Tilburg University. 2013. P. 404. URL: https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/5737690/Driest_Remedial_10_04_2013_emb_tot_10_04_2015.pdf (access date: 04/19/2024).
8. Buchheit L.C. Secession: The Legitimacy of Self-Determination // New Haven and London: Yale University Press. 1978. P. 260. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Secession%3A-The-Legitimacy-of-Self-Determination-Buchheit/154f7daaa15a01139c97a6d609d628aacb3d8ed2> (access date: 04/19/2024).
9. Kurylev K.P., Shablovsky V.S. Kosovo conflict (1999–2020): current state and ways to resolve it // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2020. No. 3. pp. 112-127. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/13807> (date of access: 04/20/2024).
10. Pomerance M. Self-Determination in Law and Practice: The New Doctrine in the United Nations // London: Martinus Nijhoff Publishers. 1982. P. 154. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/selfdetermination-in-law-and-practice-the-new-doctrine-in-the-united-nations-by-michla-pomerance-the-hague-boston-london-martinus-nijhoff-publishers-1982-pp-xi-154-index-dfl90-3950/9A744C581E27944F53305DFF930FCABC> (accessed: 20.04. 2024).
11. Papyan V.Yu. Problems, contradictions and prospects of national-cultural self-determination in the context of regional relations // News of higher educational institutions. 2008. No. 2. P. 35-36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivorechiya-i-perspektivy-natsionalno-kulturnogo-samoopredeleniya-v-kontekste-regionalnyh-otnosheniy> (date of access: 04/20/2024).

Правовое регулирование деятельности инвестиционных компаний в системе регулирования стабильности финансового рынка Европейского Союза

Сулимова Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент, доцент базовой кафедры управления инновационной и промышленной политикой, РЭУ имени Г.В. Плеханова, Sulimova.EA@rea.ru

Аннотация. В статье представлены функции и процессы, протекающие на финансовых рынках. Представлены формы взаимодействия субъектов финансового рынка. Представлен перечень субъектов финансового рынка (инвесторы, кредиторы, брокеры, эмитенты, центральные банки и регуляторы, инвестиционные и хедж-фонды, трейдеры). Сделан вывод о том, что международное регулирование становится критически важным по мере глобализации финансовых рынков. Представлена история международно-правового регулирования: опыт Европейского Союза. Описан текущий статус системы регулирования деятельности инвестиционных компаний в Европе.

Ключевые слова: европейский союз, регулирование, инвестиционная компания, финансовый рынок, инвестиции, правовое регулирование

Введение

Современный этап цивилизационного развития невозможно представить без обращения денежных средств, привлечения заемного капитала, реализации платёжных и валютных транзакций, функционирования институтов инвестирования и страхования рисков. Эффективность работы игроков финансового рынка является важнейшим элементом и условием макроэкономического развития государств [1, с. 107].

Состояние финансового рынка во многом определяет не только макроэкономическую динамику, но и развитие производства, социальной сферы, повышение качества жизни населения. При этом финансовые рынки подвержены влиянию различных современных тенденций и факторов, которые могут быть как положительными, стимулирующими, так и оказывать деструктивное воздействие.

Важнейшим компонентом финансового рынка выступают инвестиционные компании. Регулирование их деятельности детерминирует уровень финансовой стабильности страны и в ряде случаев – глобальную финансовую стабильность [3]. Именно нормативный правовой массив фиксирует стандарты и требования для защиты интересов инвесторов, устанавливает четкие требования по управлению рисками для инвестиционных компаний, определяет требуемый уровень финансовой прозрачности. Эффективное регулирование способствует стабильности финансовых рынков путем предотвращения манипуляций, возникновения рисков и других неблагоприятных явлений.

Методология исследования

В исследовании был проведен обзор научных статей, монографий, законодательных актов, отчетов и других источников. Исходя из тематики исследования были выбраны методы: анализ и синтез данных, классификация и систематизация, сопоставительный анализ, исторический метод. Анализ собранных данных с использованием выбранных методов исследования позволил сформулировать выводы относительно влияния правового регулирования инвестиционных компаний на финансовую стабильность страны.

Ключевые субъекты финансового рынка

Финансовый рынок представляет собой отрасль экономики, в рамках которой осуществляются операции заимствования и купли-продажи финансовых активов. Финансовый рынок играет важную роль в экономике, обеспечивая эффективное распределение капитала, снижение рисков и создание возможностей для инвестирования и финансирования. Он также является ключевым элементом механизма реализации монетарной политики и регулирования экономики.

Финансовые рынки выступают в качестве индикаторов и одновременно – регуляторов экономики. Чем эффективнее функционируют финансовые рынки, тем быстрее развивается экономика, т.к. ее механизмы приводятся в движение потоками капитала, циркулирующего на финансовом рынке.

В состав финансового рынка входит несколько компонентов:

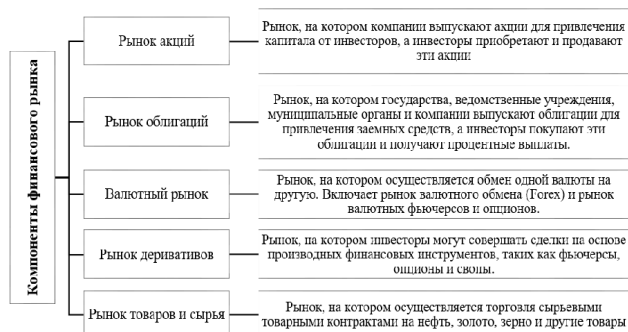

Рисунок 1 – Компоненты финансового рынка
Примечание: источник – собственная разработка

Сегменты финансового рынка могут функционировать в различных формах. К примеру, в рамках деятельности организованных рынков (бирж) сделки совершаются посредством строго регламентированной инфраструктуры с системой клиринга и взаимных расчетов через централизованный депозитарий. Кроме того, существуют такие формы функционирования финансового рынка, как корпоративные соглашения (межбанковский рынок); розничные взаимоотношения (банк – клиент) [8].

На финансовом рынке действуют различные субъекты, играющие выделенные им роли в обмене финансовыми активами и определении их ценностей (Таблица 1).

Как видно из Таблицы 1, одним из субъектов финансовых рынков выступают регуляторы. Следует отметить, что регулирование финансовых услуг, в особенности в инвестиционной

деятельности, приобретает все большее значение. Инвестиционный сектор представляет собой одно из ключевых направлений, обеспечивающих стабильное развитие других отраслей экономики.

Таблица 1
Субъекты финансового рынка

Тип субъектов	Характеристика деятельности
Инвесторы	Лица или организации, которые вкладывают деньги в финансовые активы с целью получения прибыли или роста капитала. Инвесторы могут быть индивидуальными или институциональными – пенсионные фонды, инвестиционные фонды, страховые компании и т. д.
Кредиторы	Лица или организации, предоставляющие кредиты или займы другим участникам рынка. Кредиторами могут выступать частные лица, банки, финансовые институты и т. д.
Брокеры	Промежуточные посредники, которые обеспечивают выполнение сделок между инвесторами и эмитентами финансовых инструментов. Брокеры предоставляют доступ к рынку, оказывают консультационные услуги по инвестициям и обеспечивают исполнение сделок.
Эмитенты	Компании, правительственные органы или другие организации, выпускающие финансовые инструменты для привлечения капитала. Эмитенты могут выпускать акции, облигации, депозитные сертификаты и другие ценные бумаги.
Центральные банки и регуляторы	Органы, ответственные за мониторинг и регулирование финансовых рынков. Центральные банки устанавливают денежную политику и контролируют денежное предложение, в то время как регуляторы накладывают правила и стандарты на участников рынка для обеспечения стабильности финансовой системы и защиты инвесторов.
Инвестфонды и хеджфонды	Организации, которые собирают средства от инвесторов и инвестируют их в широкий спектр финансовых активов в соответствии со стратегией инвестирования.
Трейдера	Лица или организации, которые специализируются на краткосрочной покупке и продаже финансовых активов с целью получения прибыли от изменения цен.

Примечание: источник – собственная разработка

По мере углубления интеграционных процессов и стирания границ между финансовыми рынками разных стран становится очевидно: государства больше не могут существовать изолированного, поэтому особенно важным является международно-правовое регулирование оказания финансовых услуг.

История международно-правового регулирования: опыт Европейского Союза

История международно-правового регулирования началась достаточно давно. Одним из первых документов в данной сфере стал Устав МВФ, утвержденный в 1944 г. Можно также отметить Статьи соглашения Международного Валютного Фонда от 1944 г., Конвенцию об учреждении Европейской ассоциации свободной торговли, Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств-

участников СБСЕ, Соглашение об учреждении Европейского банка реконструкции и развития. Тем не менее, долгое время единственным универсальным документом, регулирующим сферу финансовых услуг, являлся Устав МВФ.

Особый интерес с точки зрения международно-правового регулирования вызывает опыт Европейского Союза, ведомства которого смогли достигнуть довольно высокого уровня детализации в регулировании финансовых услуг. Европейский Союз как таковой возник как результат сложных международных отношений и эволюционного развития этого мирового экономического центра [6].

Ключевым этапом истории регулирования финансового сектора Европейского Союза можно считать План действий в сфере финансовых услуг (1999 г.). План предусматривал разработку общей для стран Союза нормативно-правовой базы и отразил единую политику Европы в сфере финансовых услуг.

Как показало дальнейшее развитие событий, европейская рыночная инфраструктура оказалась не готова к проблемам, которые повлек за собой мировой финансовый кризис 2007-2009 гг. Кризис привел к экономической рецессии всех стран Европейского Союза, повлиял на увеличение доли безработных объемов внешнего долга государств-членов. Финансовые рынки оказались на грани коллапса. С целью преодоления деструктивных последствий глобального кризиса в 2010 г. Еврокомиссия подготовила масштабную реформу по изменению подходов к регулированию европейских финансовых рынков.

Одним из главных факторов, повлиявших на развитие кризиса, стали злоупотребления, допущенные инвестиционными компаниями. В данной связи Еврокомиссия предусмотрела создание надзорного органа в инвестиционном секторе – Европейский орган по ценным бумагам и рынкам (2011 г.). Приоритетным направлением деятельности ЕОЦБР стала разработка проектов нормативно-правовых актов в финансовой сфере. ЕОЦБР обеспечивает стабильность на финансовых рынках, беспрепятственное заключение сделок и защиту от кризисных ситуаций. Конечной целью данного ведомства стала защита общественных интересов для обеспечения средне- и долгосрочной стабильности и эффективности финансовой системы [4, с. 105].

Текущий статус системы регулирования деятельности инвестиционных компаний в Европе

На сегодняшний день правовой массив Европейского Союза описывает детализированный и достаточно эффективный правовой режим в отношении инвестиционных компаний [7, с. 178]. Система регулирования деятельности инвестиционных компаний, сформированная в Европейском Союзе, имеет трехуровневую структуру (Рисунок 2):

Рисунок 2 – Структура регулирования деятельности инвестиционных компаний в Европейском Союзе

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [2, с. 37]

Следует отметить, что европейское законодательство фактически имеет интеграционный характер, и к нему относятся правовые акты первичного и вторичного уровней. Национальное законодательство регулирует лишь те вопросы, которые не урегулированы на вышеуказанных уровнях. Основным актом первичного законодательства Европейского Союза в сфере экономических взаимоотношений государств-участников ЕС выступает Соглашение о создании Европейского Экономического Сообщества 1957 г. с последующими дополнениями и изменениями.

Деятельность инвестиционных компаний может оказать значительное влияние на стабильность финансовой системы Евросоюза. Так, к примеру, инвестиционные компании инвестируют в широкий спектр финансовых инструментов. Неправильное управление рисками, неадекватное распределение капитала и недостаточные механизмы контроля могут привести к системным рискам, которые могут распространиться на финансовую систему в целом. Инвестиционные компании играют ключевую роль в обеспечении ликвидности на финансовых рынках [5]. Неспособность этих компаний обеспечить достаточный уровень ликвидности может вызвать финансовые трудности и распространиться на других участников рынка, создавая нестабильность. Также следует сказать,

что инвестиционные компании оказывают влияние на динамику цикличности и волатильности финансовых рынков посредством реализации своих инвестиционных стратегий. Крупные продажи или покупки активов со стороны этих компаний могут усилить рыночные колебания и привести к нестабильности.

Для обеспечения стабильности финансовой системы Евросоюза необходимо эффективное регулирование и надзор за деятельностью инвестиционных компаний, а также соблюдение ими высоких стандартов корпоративного управления, риск-менеджмента и прозрачности. Безусловно, надежный механизм правового регулирования является важнейшим условием для продолжительного успешного развития рынка инвестиционных услуг ЕС. Обобщив НПА в рассматриваемой нами сфере, можно прийти к выводу о том, что право ЕС устанавливает следующие ключевые принципы инвестиционной деятельности: (1) наличие единого регулируемого рынка инвестиционных услуг; (2) система авторизации, позволяющей предоставлять инвестиционные услуги на основании разрешений («единых паспортов»); (3) предоставление высокого уровня защиты прав и интересов инвесторов, в т.ч. гарантии компенсаций и вкладов инвесторов; (4) предоставление инвесторам ключевой информации о инвестиционном фонде [6].

Обратимся к рассмотрению конкретных механизмов регулирования деятельности инвестиционных компаний. В рамках Европейского союза инвестиционные компании подпадают под нормы, устанавливаемые Директивой о рынках финансовых инструментов (MiFID) и Директивой об альтернативных инвестиционных фондах (AIFMD).

Директива о рынках финансовых инструментов регулирует предоставление инвестиционных услуг и деятельность инвестиционных фирм в рамках ЕС. Она устанавливает стандарты для защиты инвесторов, обеспечивает прозрачность рынка и регулирует механизмы конкуренции между инвестиционными компаниями. MiFID II (Markets in Financial Instruments Directive II [10]), принятая впоследствии, ввела дополнительные требования – расширенная отчетность о сделках и более строгие правила в области исполнения сделок.

Директива об альтернативных инвестиционных фондах (AIFMD, Directive 2011/61/EU on Alternative Investment Fund Managers [11]) регулирует деятельность альтернативных инвестиционных фондов и их управляющих. Данная Директива была принята в целях обеспечения

стабильности и прозрачности функционирования альтернативного инвестиционного сектора, включая хедж-фонды, частные капиталовложения и проч. Помимо Директивы о рынках финансовых инструментов (MiFID) и Директивы об альтернативных инвестиционных фондах (AIFMD), инвестиционные компании в рамках Европейского союза (ЕС) также подпадают под другие правовые акты, которые регулируют их деятельность.

Регламент о требованиях к капиталу (CRR, 575/2013 – EN – Capital Requirements Regulation [13]) устанавливает требования к достаточности капитала и ликвидности для финансовых учреждений, включая инвестиционные компании. Данный документ, кроме того, регулирует капиталовложения и риски, с которыми сталкиваются инвестиционные компании в ходе своей деятельности.

Регламент о рейтинговых агентствах (CRA, Regulation No 1060/2009 on credit rating agencies [14]) регулирует деятельность рейтинговых агентств, которые оценивают кредитоспособность компаний и финансовых инструментов. Инвестиционные компании опираются на данные рейтинговых агентств при принятии инвестиционных решений.

Регламент о рыночной инфраструктуре (EMIR, Regulation (EU) No 648/2012 on OTC derivatives, central counterparties and trade repositories [15]) регулирует деятельность инфраструктурных учреждений, контрагентов и торговых платформ, которые обеспечивают функционирование финансовых рынков.

Директива о раскрытии информации (Transparency Directive, Directive 2004/109/EC on the harmonisation of transparency requirements in relation to information about issuers whose securities are admitted to trading on a regulated market and amending Directive 2001/34/EC [12]) устанавливает требования к раскрытию информации о ценных бумагах, которые торгуются на регулируемых рынках в ЕС [9, с. 90].

Таким образом, инвестиционные компании, действующие в пределах ЕС, обязаны соблюдать требования данных директив и регламентов – требования к лицензированию, отчетности, защите инвесторов, управлению рисками и другим аспектам операционной деятельности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Эффективность работы игроков финансового рынка является важнейшим элементом и

условием макроэкономического развития государств. Деятельность инвестиционных компаний может оказать значительное влияние на стабильность финансовой системы Евросоюза. Для обеспечения стабильности финансовой системы Евросоюза необходимо эффективное регулирование и надзор за деятельностью инвестиционных компаний, а также соблюдение ими высоких стандартов корпоративного управления, риск-менеджмента и прозрачности

- Основные НПА в рассматриваемой нами сфере: Директива о рынках финансовых инструментов (MiFIDII), Директива об альтернативных инвестиционных фондах (AIFMD), Регламент о требованиях к капиталу (CRR), Регламент о рейтинговых агентствах (CRA), Регламент о рыночной инфраструктуре (EMIR), Директива о раскрытии информации (Transparency Directive).

Литература

1. Блажевич, О. Г. Особенности развития финансового рынка в условиях цифровизации / О. Г. Блажевич, Н. С. Сафонова // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2021. – №1 (54). – С. 106-124.

2. Бутурлин, И. В. Построение комплексной системы регулирования рынка ценных бумаг в Европейском Союзе / И. В. Бутурлин // Вопросы экономики и права. – 2019. – № 135. – С. 37-44.

3. Касьянов, Р. А. Финансовое право Европейского союза / Р. А. Касьянов // Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека, учебник для студентов вузов. – М., 2011. – С. 672.

4. Кригер, А. М. Роль Европейского органа по ценным бумагам и рынкам в регулировании рынка внебиржевых производных финансовых инструментов / А. М. Кригер // Российский журнал правовых исследований. – 2017 – № 3 (12) – С. 105-111.

5. Линников, А. С. Некоторые аспекты правового регулирования банковской деятельности в Европейском Союзе / А.С. Линников // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.edu.ru/publikatsii/stati-po-pravuv-evropejskogo-soyuza/nekotorye-aspekty-pravovogo-regulirovaniya-bankovskoj-deyatelnosti-v-evropejskom-soyuze-a-s-linnikov/>. – Дата доступа: 09.04.2024.

6. Некрасов, А. И. Правовое регулирование финансовых услуг в Европейском Союзе : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.10 / А. И. Некрасов; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. – Москва, 2012. – 232 с.:

7. Пожилова, Н. А. Правовое регулирование деятельности инвестиционных фондов в Европейском Союзе и в Российской Федерации / Н. А. Пожилова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №2. – С. 176-181.

8. Финансовый рынок // Словарь финансовых и банковских терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://finuslugi.ru/glossariy/finansovyj_rynok. – Дата доступа: 09.04.2024.

9. Царёв, И. Н. Правовые основы поддержания стабильности европейских финансовых рынков: новации законодательства Европейского Союза в области противодействия злоупотреблениям на финансовых рынках / И. Н. Царев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – №1. – С. 88-90.

10. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU (recast) Text with EEA relevance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0065>. – Дата доступа: 09.04.2024.

11. Directive 2011/61/EU of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 on Alternative Investment Fund Managers and amending Directives 2003/41/EC and 2009/65/EC and Regulations (EC) No 1060/2009 and (EU) No 1095/2010 Text with EEA relevance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32011L0061>. – Дата доступа: 09.04.2024.

12. Directive 2004/109/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 2004 on the harmonisation of transparency requirements in relation to information about issuers whose securities are admitted to trading on a regulated market and amending Directive 2001/34/EC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:390:0038:0057:EN:PDF#:~:text=This%20Directive%20establishes%20requirements%20in,operating%20within%20a%20Member%20State>. – Дата доступа: 09.04.2024.

13. Regulation (EU) No 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and investment firms and amending Regulation (EU) No 648/2012 Text with EEA relevance // European Union Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013R0575. – Дата доступа: 09.04.2024.

14. Regulation (EC) No 1060/2009 of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on credit rating agencies (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32009R1060>. – Дата доступа: 09.04.2024.

15. Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on OTC derivatives, central counterparties and trade repositories Text with EEA relevance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/648/oj>. – Дата доступа: 09.04.2024

Legal regulation of the activities of investment companies in the system for regulating stability of the financial market of the european union

Sulimova E.A.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

The article presents the functions and processes occurring in financial markets. The forms of interaction between financial market subjects are presented. A list of financial market subjects is presented (investors, lenders, brokers, issuers, central banks and regulators, investment and hedge funds, traders). It is concluded that international regulation is becoming critically important with the increasing globalization of financial markets. The history of international legal regulation is presented: the experience of the European Union. The current status of the system for regulating the activities of investment companies in Europe is described.

Keywords: european union, regulation, investment company, financial market, investments, legal regulation

References

1. Blazhevich, O. G. Features of the development of the financial market in the conditions of digitalization / O. G. Blazhevich, N. S. Safonova // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. – 2021. – No. 1 (54). – pp. 106-124.
2. Buturlin, I. V. Construction of a comprehensive system for regulating the securities market in the European Union / I. V. Buturlin // Questions of Economics and Law. – 2019. – No. 135. – P. 37-44.
3. Kasyanov, R. A. Financial law of the European Union / R. A. Kasyanov // European law. Law of the European Union and legal support for the protection of human rights, a textbook for university students. – M., 2011. – P. 672.
4. Krieger, A. M. The role of the European Securities and Markets Authority in regulating the market for over-the-counter derivative financial instruments / A. M. Krieger // Russian Journal of Legal Research. – 2017 – No. 3 (12) – P. 105-111.
5. Linnikov, A.S. Some aspects of legal regulation of banking activities in the European Union / A.S. Linnikov // Department of Integration and European Law of Moscow State Law Academy [Electronic resource]. – Access mode: <https://eulaw.edu.ru/publikatsii/stati-po-pravuv-evropejskogo-soyuza/nekotorye-aspekty-pravovogo-regulirovaniya-bankovskoj-deyatelnosti-v-evropejskom-soyuze-a-s-linnikov/>. – Access date: 04/09/2024.
6. Nekrasov, A. I. Legal regulation of financial services in the European Union: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.10 / A. I. Nekrasov; [Place of defense: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. – Moscow, 2012. – 232 p.:
7. Pozhilova, N. A. Legal regulation of the activities of investment funds in the European Union and the Russian Federation / N. A. Pozhilova // Current problems of Russian law. – 2019. – No. 2. – pp. 176-181.
8. Financial market // Dictionary of financial and banking terms [Electronic resource]. – Access mode: https://finuslugi.ru/glossariy/finansovyj_rynok. – Access date: 04/09/2024.
9. Tsarev, I. N. Legal framework for maintaining the stability of European financial markets: innovations in the legislation of the European Union in the field of combating abuse in financial markets / I. N. Tsarev // Problems of economics and legal practice. – 2015. – No. 1. – pp. 88-90.
10. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU (recast) Text with EEA relevance [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0065>. – Access date: 04/09/2024.
11. Directive 2011/61/EU of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 on Alternative Investment Fund Managers and amending Directives 2003/41/EC and 2009/65/EC and Regulations (EC) No 1060/2009 and (EU) No 1095/2010 Text with EEA relevance [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32011L0061>. – Access date: 04/09/2024.
12. Directive 2004/109/EC of the European Parliament and of the Council of 15 December 2004 on the harmonization of transparency requirements in relation to information about issuers whose securities are admitted to trading on a regulated market and amending Directive 2001/34/EC [Electronic resource]. – Access mode: [https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:390:0038:0057:EN:PDF#:~:text=This%20Directive%20establishes%20requirements%20in,operating%20within%20a%20Member%20State](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2004:390:0038:0057:EN:PDF#:~:text=This%20Directive%20establishes%20requirements%20in,operating%20within%20a%20Member%20State.). – Access date: 04/09/2024.
13. Regulation (EU) No 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and investment firms and amending Regulation (EU) No 648/2012 Text with EEA relevance // European Union Law [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013R0575>. – Access date: 04/09/2024.
14. Regulation (EC) No 1060/2009 of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on credit rating agencies (Text with EEA relevance) [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32009R1060>. – Access date: 04/09/2024.
15. Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on OTC derivatives, central counterparties and trade repositories Text with EEA relevance [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2012/648/oj>. – Access date: 04/09/2024

Предпосылки радикализации заключенных в местах лишения свободы на территории Российской Федерации и в зарубежных странах

Давлетгараев Юрис Нафкатович

аспирант кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, yu12ris@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная в настоящее время проблема возникновения идеологии радикализма, которая может перерасти в проявление экстремизма или терроризма среди осужденных в местах лишения свободы. Важно отметить, что радикализация заключенных может привести к серьезным последствиям, как внутри учреждений, так и за их пределами. Поэтому необходимо разработать эффективные подходы к предотвращению и устранению радикализации в исправительных учреждениях. Для этого необходимо провести теоретический анализ результатов исследований отечественных и зарубежных специалистов, посвященных проблеме радикализации заключенных. Такой обзор позволит выявить общие тенденции и особенности процесса радикализации, а также определить наиболее эффективные подходы к ее предотвращению.

Автором анализируются труды ученых в сфере пенитенциарной науки, а также выявляются внутренние и внешние предпосылки возникновения идеологии радикализма среди осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации, США и стран Европейского Союза. В статье предлагаются программы и пути решения для минимизации распространения радикальных течений среди осужденных в местах лишения свободы. Предлагаются конкретные действия, направленные на дерадикализацию осужденных в местах лишения свободы.

Ключевые слова: идеология, радикализм, экстремизм, терроризм, осужденные, пенитенциарные учреждения.

В настоящее время в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации и в исправительных учреждениях зарубежных стран присутствует негативная тенденция распространения радикальных идеологий среди заключенных осужденных к отбыванию наказания в местах лишения свободы. Такая радикальная идеология, заключающаяся в поддержании терроризма и экстремизма, является одним из актуальных направлений для изучения национальной и зарубежной пенитенциарной наукой и криминологией. Это означает тот факт, что на сегодняшний день обозначенная проблема процесса радикализации личности осужденного к отбыванию наказания в местах лишения свободы является весьма актуальной.

Отметим, что радикализм — это явление, которое часто ассоциируется с крайними и неприемлемыми взглядами и идеями. Оно обычно проявляется в социально-политической сфере жизни и предполагает стремление к резким и радикальным изменениям в обществе [3]. Такие люди, как правило, настроены на полное преобразование существующей ситуации и не готовы идти на компромиссы. Часто радикальные идеи возникают в периоды кризиса и нестабильности, когда общество сталкивается с тяжелыми историческими событиями и нуждается в перемене. Однако, не всегда радикализм приводит к позитивным результатам, и часто может привести к конфликтам и разрушениям.

Радикальные идеи могут быть выражены в конкретной идеологии, но они не имеют сильного воздействия на существующие процессы в обществе. При этом, когда начинается призыв к действиям насильственного характера направленных на искажение и уничтожение основ установленного в определенный период социального, политического или иного строя, то это является предпосылкой экстремизма. Это выражается в конкретных действиях, направленных на нарушение общественной безопасности и порядка [4].

Самая крайняя форма экстремизма - терроризм. Он является силовым методом достижения целей экстремистов и часто приводит к гибели людей, разрушению объектов инфра-

структуры и другим общественно опасным последствиям. По словам Кузьминой Е. К. и Латыповой Э. Ю, «на практике встречаются ситуации, когда в числе конечных целей экстремистами ставится свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации» [5]. Терроризм основывается на запугивании органов власти и нарушении общественной безопасности. Как отмечает Н. Н. Окутина, «в настоящее время террористическая деятельность во многом характеризуется повышением уровня ее организованности» [8].

Активное возникновение «тюремных джамаатов» и проведение процедуры привлечения и внедрения в преступную ячейку новых участников радикальной идеологии было зафиксировано в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации, Европы, Азии, США, а также во многих других государствах мирового сообщества.

Исследователи в области пенитенциарной науки, а также в области наук уголовного права и криминологии, в своих трудах рассмотрели обозначенные выше проблемы возникновения и распространения идеологии радикализма среди осужденных. К примеру, ученые П. В. Агапов [1], В. В. Меркурьев [1] и П. Н. Казберов [3] в своих работах рассматривали возникновение данной идеологии в рамках исправительных учреждений, которые находятся на территории Российской Федерации. Д.А. Нечитайло [7] в своих работах осветил проблему радикализма в исправительных учреждениях США и отдельных государств Европейского Союза.

Необходимо отметить, что отечественные и зарубежные эксперты обращают внимание на то, что исправительные учреждения играют важную роль в популяризации идей радикального характера. Основной темой проведенных исследований стал вопрос о том, что наилучшим способом дерадикализации личности осужденных в местах лишения свободы станет своевременное предотвращение последствий внедрения идеологии радикализма среди заключенных, а также пресечение проявления негативных настроений заключенных, перерастающих в экстремизм и терроризм.

Однако, среди наиболее часто упоминаемых причин можно выделить социально-экономические факторы, негативный опыт взаимодействия с правоохранительными органами, религиозные и национальные убеждения, а также влияние интернета и социальных сетей.

Важно отметить, что радикализация заключенных может привести к серьезным последствиям, как внутри учреждений, так и за их пределами. Поэтому необходимо разработать эффективные подходы к предотвращению и устранению радикализации в исправительных учреждениях. Для этого необходимо провести теоретический анализ результатов исследований отечественных и зарубежных специалистов, посвященных проблеме радикализации заключенных. Такой обзор позволит выявить общие тенденции и особенности процесса радикализации, а также определить наиболее эффективные подходы к ее предотвращению.

Большинство специалистов согласны с тем, что именно тюремная среда является благоприятной для распространения радикальных идей. Благодаря опыту ученых со всего мира удалось выявить типичные предпосылки зарождения радикальных настроений среди заключенных. Для удобства изучения их можно разделить как на внутренние, которые непосредственно связаны с пенитенциарными учреждениями, так и на внешние, которые напрямую не зависят от специфики работы пенитенциарных заведений.

К примеру, одной из внешних предпосылок продвижения идеологии религиозного радикализма в исправительных учреждениях Российской Федерации и зарубежных стран является увеличение количества осужденных, которые придерживаются идеологии радикального ислама. Данный фактор непосредственно связан с активной миграцией различных конфессиональных групп, национальных и этнических сообществ. Такой тип миграции внедряет в устоявшийся устрой преступного общества новые установки в мировоззрении осужденных.

Во — вторых, это может быть недостаточная работа среди заключенных по пропаганде толерантности и уважения к различным религиям и культурам. В пенитенциарных учреждениях часто отсутствует эффективная программа по просвещению и пропаганде толерантности и уважения к различным религиям и культурам. Это может привести к формированию негативного отношения к другим религиям и культурам, а также к усилению радикальных взглядов среди заключенных.

В — третьих, важным фактором в распространении радикального ислама среди заключенных является недостаточная работа по их реабилитации и ресоциализации. Отсутствие перспектив на будущее и недостаток возможностей для возвращения в общество могут привести к поиску идентичности и поддержки в радикальных исламских группировках.

В — четвертых, негативное влияние социальных сетей и интернета. Современные технологии позволяют радикальным исламским группировкам активно использовать социальные сети и интернет для пропаганды своих идей и привлечения новых сторонников. Заключённые, находящиеся в изоляции от общества, могут стать легкой мишенью для такой пропаганды и поддаться влиянию радикальных исламских идей.

В целом, активное внедрение радикальной религиозной идеологии в рамках исправительных учреждений Российской Федерации, стран ЕС и США является сложной проблемой, которая требует комплексного подхода и совместных усилий со стороны государства, общества и религиозных организаций. Необходимо проводить эффективную работу по пропаганде толерантности.

Проанализировав данные о преступности в Российской Федерации и в зарубежных странах за последние несколько лет [8], автор отмечает тот факт, что зачастую преступления, носящие экстремистский и террористический характер были совершены радикальными исламистами желающими изменить существующие устои государств и создать на их территориях свои порядки. Данный фактор связан с простотой и доступностью религиозного радикализма, в том числе и среди заключённых, находящихся в пенитенциарных учреждениях.

В процессе исследования данного вопроса зарубежные и отечественные учёные сошлись во мнении, что идеология религиозного радикализма по большей части откликается тем, кто в настоящий момент является недовольным обстановкой и государственными устоями, окружающими такого индивида [10. с 3].

В большинстве случаев заключённые имеют лишь начальное образование, при этом, необходимо отметить, что уровень религиозного образования и воспитания заключённых в стенах пенитенциарных учреждений в некоторых странах является низким.

Совпадение ценностных конструкций радикал-исламистов с "определениями" преступной среды выявляется в их пренебрежении к правоохранительным органам и правительству в целом, отвержении демократических ценностей и принципов. Это также влечёт к объединению организованных криминальных формирований с радикальными бандами, включая экстремистские.

Согласие осуществления преступлений против неверных благодаря искажённым трактовкам мировоззренческих догм ислама является

актуальной проблемой. Процедуры с отрывками Корана и Сунны, извлечение фраз из контекста и радикальная трактовка оригинальной концепции разрешают создавать специфические взгляды на общественно-политические, социокультурные и религиозные события. Это ведет к помощи и партнёрству с радикальными коалициями и самооправданию осуществления преступных деяний против неверных.

Игнорирование признанных межгосударственных и национальных норм и стандартов различия радикализации заключённых характеризуется серьезной проблемой, которая осложняет их самоидентификацию и содействует восполнению рядов экстремистов. Для большинства индивидов нахождение в тюрьмах заключённых-мусульман уже само по себе рассматривается опасностью экстремизации в стенах исправительных учреждений. Для остальных эти механизмы соединены с радикализацией заключённых. Например, с их вербовкой в исламистские группировки. В некоторых случаях, в пенитенциарных учреждениях не случается заблаговременной идентификации террористов. Зачастую персонал тюрьмы не акцентирует надлежащего внимания на отметины на теле заключённого, которые определённо удостоверяют о его склонности к радикализму и вступлении в ряды экстремистских коалиций.

Это может привести к тому, что заключённые, которые уже прошли процесс инициации, могут продолжать свою деятельность внутри тюрьмы и даже после освобождения. Необходимо разработать единые критерии для идентификации радикализации заключённых и обучить персонал тюрьмы распознавать признаки экстремизма, чтобы предотвратить распространение этой опасной идеологии внутри мест лишения свободы.

Субъективными предпосылками радикализации заключённых, по нашему мнению, является малоэффективная организация отдыха и исправительной деятельности. В настоящее время вопрос полноценной занятости осуждённых, которые отбывают срок в местах лишения свободы, является злободневным как для зарубежных стран, так и для России.

Профессор Н. Н. Дерюга отмечает, что «большинство заключённых вынуждены проводить свое время в праздности во время отбывания наказания. Это серьезный феномен, который не может не вызывать тревогу и опасения. Исторически было доказано, что безделье может привести к социальным конфликтам, как на свободе, так и в условиях заключения» [2].

Проблема общественно продуктивной занятости осужденных затрагивает множество факторов, включая социальные, психоэмоциональные и другие категории. Без устранения этих проблем сложно говорить о приоритете исправления осужденных и их стремлении к вольной жизни.

Актуальной проблемой в сфере исполнения наказания также является факт применения пыток и методов, унижающих достоинство личности заключённых. Из года в год количество негативных инцидентов по отношению к заключённым происходящих в пенитенциарных заведениях России и зарубежных стран возрастает.

Зачастую в некоторых странах нет процедуры привлечения священнослужителей для оказания помощи осужденным в процессе исполнения наказания. При этом, недостаточно контролируемым процессом остается факт инициации обрядов, которые могут негативно сказаться на сознании личности, отбывающей наказания в пенитенциарных учреждениях различных государств, а также внедрению и активному распространению идеологии радикализма.

Таким образом, важно сказать о том, что для того, чтобы минимизировать проявление идеологии радикализма среди осужденных в местах лишения свободы необходимо законодательно закрепить возможность инициации религиозных обрядов квалифицированными специалистами в данной области, которые будут осуществлять данную деятельность на постоянной, а не на временной основе. Такая мера поможет искоренить проблему пыток и насилия в отношении заключённых, а также обеспечить исполнение наказания в полной мере.

Следующей мерой борьбы с радикализмом станет изучение опыта в данной области в зарубежных странах. Исходя из этого возможно выявить и внедрить в национальную систему актуальные и эффективные методы дерадикализации. Полученные результаты будут иметь приоритетное значение в УИС РФ.

Также это обеспечит стабильность и безопасность внутри и за пределами пенитенциарных учреждений, повысит эффективность их работы.

Литература

1. Агапов П. В., Меркурьев В. В. Проблемы пресечения и предупреждения экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России // Право и безопасность. 2014. № 2 (47). С. 47–52.

2. Дерюга Н. Н. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы: дис. ... докт. юрид. наук. Хабаровск, 2003. 476 с. 3.

3. Казберов П. Н. Проблемные аспекты безопасности функционирования уголовно-исполнительной системы в связи с распространением политического и религиозного экстремизма // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 159–164.

4. Капинус О. С. Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму и терроризму: состояние и проблемы // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С. 5–13.

5. Кузьмина Е. К., Латыпова Э. Ю. Уголовно-правовой контроль террористической деятельности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. – №. 4. – С. 56–58.

6. Меркурьев В. В. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы : монография. М.: Проспект, 2023. 680 с.

7. Нечитайло Д.А. Радикальный исламизм в тюрьмах // Иран.ру URL: https://www.iran.ru/news/analytics/43607/Radikalnyy_islamizm_v_tyurmah (дата обращения: 05.03.2024).

8. Показатели преступности России // Генеральная Прокуратура РФ URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 05.03.2024).

9. Противодействие терроризму: учебное пособие для вузов/ Н. Н. Окутина. — Москва: Издательство Юрайт, 2024.— 178 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17865-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С.12 — URL: <https://urait.ru/bcode/533864/p.12> (дата обращения: 03.03.2024).

10. Хайбулаев З. Х. Ваххабизм в исламе: истоки и современность: дис. ... канд. философ. наук. Махачкала, 2001. 146 с.

Prerequisites for the radicalization of prisoners in places of detention in the territory of the Russian Federation and in foreign countries

Davletgarayev Yu.N.

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov
The article examines the currently relevant problem of the emergence of the ideology of radicalism, which can develop into a manifestation of extremism or terrorism among convicts in places of deprivation of liberty. It is important to note that the radicalization of prisoners can lead to serious consequences, both inside and outside institutions. Therefore, it is necessary to develop effective approaches to the prevention and elimination of radicalization in correctional institutions. To do this, it is necessary to conduct a theoretical analysis of the results of research by domestic and foreign experts on the problem of radicalization of prisoners. Such a review will help identify general trends and features of the radicalization process, as well as identify the most effective approaches to its prevention.

The author analyzes the works of scientists in the field of penitentiary science, as well as identifies the internal and external prerequisites for the emergence of the ideology of radicalism among convicts in penitentiary institutions of the Russian Federation, the United States and the European Union. The article suggests programs and solutions to minimize the spread of radical movements among convicts in places of deprivation of liberty. Specific actions aimed at deradicalization of convicts in places of deprivation of liberty are proposed.

Keywords: ideology, radicalism, extremism, terrorism, convicts, penitentiary institutions.

References

1. Agapov P. V., Merkuriev V. V. Problems of suppression and prevention of extremist activity in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Law and Security. 2014. No. 2 (47). pp. 47-52.
2. Deryuga N. N. Organizational and legal problems of employment of convicts held in places of deprivation of liberty: dis. ... doct. Jurid. sciences. Khabarovsk, 2003. 476 p. 3.
3. Kazberov P. N. Problematic aspects of the safety of the functioning of the penal enforcement system in connection with the spread of political and religious extremism // Legal science: history and modernity. 2015. No. 8. pp. 159-164.
4. Kapinus O. S. Activities of the Prosecutor's Office to counter extremism and terrorism: status and problems // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2017. No. 3 (59). pp. 5-13.
5. Kuzmina E. K., Latypova E. Y. Criminal law control of terrorist activities // National security and strategic planning. - 2015. - No. 4. - pp. 56-58.
6. Merkuriev V. V. The fight against terrorism: new challenges and threats: monograph. M.: Prospekt, 2023. 680 p.
7. Nechitailo D.A. Radical Islamism in prisons // Iran. <url> URL: https://www.iran.ru/news/analytics/43607/Radikalnyy_islamizm_v_tyurmah (date of reference: 03/05/2024).
8. Crime indicators in Russia // The Prosecutor General's Office of the Russian Federation URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (date of application: 05.03.2024).
9. Countering terrorism: a textbook for universities/ N. N. Okutina. — Moscow: Yurait Publishing House, 2024. — 178 p. — (Higher education). — ISBN 978-5-534-17865-4. — Text: electronic // Yurayt Educational platform [website], p. 12 — URL: <https://urait.ru/bcode/533864/p.12> (date of reference: 03.03.2024).
10. Khaibulaev Z. H. Wahhabism in Islam: origins and modernity: dis. ... candidate of Philosophical Sciences. Makhachkala, 2001. 146 p.

Криминология и уголовное право в обеспечении национальной безопасности

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ, tp0507@ya.ru

Безопасность государственная – состояние незыблемости, прочности политических и экономических основ государства и общества, неприкосновенности его границ. До начала 90-х гг. такое понимание было господствующим в теории и на практике.¹

Характерной чертой современного периода общественных отношений проблемы криминогенной составляющей, когда моральные ценности обесцениваются, эпидемия разложения влияет на все стороны жизни гражданского общества существования государства. Открывшиеся возможности технического прогресса порождают и увеличивают преступность, и вокруг этого нешуточные страсти и спекуляции, тенденциозные ее оценки без учета мнения ученых и практиков. Цели и механизмы идущего преобразования уголовного законодательства решаются отменой, изменениями и дополнениями уголовно-правовых мер по трем направлениям – реструктурирование, оптимизация и усовершенствование системы уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: социально-экономические и политические процессы, правонарушения, криминологическая обстановка, национальная безопасность, уголовное законодательство.

Происходящие у нас в последнее время социально-экономические и политические процессы негативно влияют на сферу охраны общественного порядка и организации борьбы с преступностью. Эффективность мероприятий, направленных на борьбу с правонарушениями без изучения ее причин, разработки мер по предупреждению невозможны без систематического анализа реальной социально-правовой и криминологической обстановки в стране.²

Реструктурирование предусматривает, с одной стороны, изменение или исключение устаревших норм, а с другой – внесение новых, соответствующих современным потребностям обеспечения национальной безопасности. Если цели реструктурирования уголовного законодательства в известной мере очевидны, то механизм их достижения заслуживает криминологического исследования. Стал привычным упрек законодателей в том, что они научились формулировать, что надо делать, но дальше не всегда представляют, как достичь обозначенных целей, то есть механизм действия закона. Адекватно реагировать на криминологическую обстановку, из-за появления новых механизмов в экономической преступности без разработки новых форм борьбы с ней, разработки научных подходов к проблеме с точки зрения современных условий, низким уровнем технической оснащенности, наличия специальных мер обуславливающих изменение причин и условий - правоохранительные органы ведут борьбу на поверхностном уровне и не справляются. Карта преступности стала активно использоваться и в политических целях, вмешательством в их деятельность, что не только мешает, но и способствует ей. Например, преждевременное обнародование оперативных данных, противоречит презумпции невиновности, способствует раскрытию конфиденциальных сведений, предупреждению правонарушителей о необходимости сокрытия следов преступления.³

Исследование теории и практики позволяет остановиться на том, что правоохранительные

¹ Изд-во НОРМА-ИНФРА*М; Москва, 2000 г. С. 66

² Россия опустилась на 113-е место в рейтинге верховенства права. // 23 октября 2023 г. <https://pravo.ru/news/249513/>.

³ Взятки, ссоры и покровительство: громкие судебские истории 2023 года. // 23 января 2024 г. <https://pravo.ru/story/250539/>.

органы на протяжении веков были и в настоящее время остаются необходимым элементом государственного механизма национальной безопасности, отвечающем потребностям общества. Констатация факта роста преступности и каким же образом воздействовать на нее и какие цели ставить при ее преодолении обязывает ответить на эти вопросы. И прежде чем ответить, как нам представляется, необходимо выяснить через принятому в криминологии делению мер воздействия на преступность - общие и специальные меры социального предупреждения, что обеспечит понимание эффективности предупредительных мер.

Необходимо отметить, что сегодня совокупность факторов, с которыми соотносятся меры общего социального предупреждения, крайне благоприятна для роста преступности. И при таком положении применительно к будущему возможно говорить только о сокращении темпов роста преступности и ее возможной стабилизации, а в ближайшее время рассчитывать только на специальные меры социального предупреждения.⁴

Потребности общества в правоохранительных органах имеют объективный характер, хотя недостаточно учитываются законодателем, либо приносятся в жертву политическим интересам, хотя направления деятельности определяются политическими, экономическими, социальными условиями жизнедеятельности общества - (состояние правопорядка, законности, должностной и общественной дисциплины, взаимоотношения центра и субъектов РФ, тенденции законодательного регулирования и т.п.). Концепция организации и деятельности правоохранительных органов учитывает особенности общественного развития и реальные возможности экономических отношений, а в государственно-правовой сфере - период соответствующих правовой системы и механизма обеспечения законности и правопорядка. Криминологические же данные являются важным фактором, влияющим на процесс уголовного законодательства и дают возможность выявлять пробелы в уголовном законодательстве, вносить те или иные изменения в существующие нормы в связи с появлением новых общественно опасных явлений. В связи с этим они должны отслеживаться постоянно при совершенствовании действующего законодательства из-за «новых» криминологических явлений, требующих восполнения пробелов в законе. Например, осуществляя свои надзорные

полномочия, прокуратура выявляет и опротестовывает ежегодно десятки тысяч незаконных правовых актов органов областного и муниципального уровня. Осуществляя правозащитную деятельность, т.к. суды рассматривают дела о правонарушениях только на основании надлежаще оформленных и поступивших к ним в установленных законом порядке материалов и качественно отличается от контроля за соблюдением законов со стороны представительной и исполнительной власти.⁵

В этой связи нам хотелось бы высказаться на происходящие реформы законодательства, связанные с изменениями в социально-экономическом строе, некоторым объяснением законодательной эволюции взглядов на торговый и коммерческий бизнес, часто вовлеченный в теневую экономику и активно оказывает влияние на такой фактор, как политика. Не устраняя пробелы и избыточность, бессистемность, нарушение правил законодательной техники целесообразность противопоставляется законности, а не требованиям участников общественных отношений. На практике приходится констатировать что действительность в обеспечении законности и обоснованности правовой защиты граждан, а также судебных актов далеко не безупречны в значительной степени из-за качества кодифицированного акта - отсутствие системности.

Не опираясь на криминологические исследования, которые дают материал для совершенствования действующего законодательства не только в части факторов, влияющих на криминализацию и декриминализацию правонарушений. На содержание уголовного законодательства прежде всего оказывают влияние явления социального, экономического, социально-психологического характера, а также системно-правовые явления, предполагающие соответствие уголовного законодательства с конституционным, административным, гражданским, трудовым и иным отраслевым законодательством. Под влиянием этих факторов происходят изменения в формировании источников уголовного права, дифференциация уголовной ответственности, формирование новых видов наказания.

В обозначенной постановке темы рассмотрим некоторые стороны законодательной деятельности, обстоятельства, принадлежащие многообразным сферам общественных отношений, затрагивающие функции конвенционального развития уголовного законодательства,

⁴ Финразведка предотвратила вывод в теневой сектор 320 млрд руб. // 30 ноября 2023 г. <https://pravo.ru/news/250167/>.

⁵ Генпрокуратура проследит за бизнесом и налоговиками. //15 ноября 2023 г. <https://pravo.ru/news/249866/>.

процессов, которые остановить невозможно, но минимизировать необходимо. Заслуживают внимания вопросы выявления новых форм преступного поведения и их последствий, которые превращаются в опасную угрозу для национальной безопасности.⁶

Научное совершенствование уголовного законодательства в среднесрочной перспективе представляется в криминологическом исследовании нетяжких преступлений, их категоризации, расширения системы мер уголовно-правового характера, противоположных лишению свободы, укрепление норм о деятельном раскаянии, устранению пробелов, избыточности, нарушений правил законодательной техники. Соответствует необходимости и своевременности введения категории «уголовный проступок», и не такое уж нововведение, если вспомнить Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое содержало нормы о преступлениях и уголовных проступках. Противоборство с преступностью исключает возможность истолкование как некоего наблюдения извне.⁷

Особое сожаление обуславливает игнорирование законодателем научных основ кодификации уголовного законодательства и вариантов взаимодействия научных работников с практической составляющей законопроектной работы, что не повышает эффективность практической деятельности без научной основы, касающейся борьбы с преступностью.

В обоснование выше сказанного, отметим что содержанием процесса правотворчества значится конкретная дефиниция между правомерным и противоправным поведением. Вопрос о критериях и факторах, учитываемых в этом процессе, является многоплановым, хотя названная проблема является общей для всех без исключения отраслей права, а ее разработки происходят более чем неравномерно и применительно к разным отраслям права с различной степенью интенсивности. В настоящее время, более всего продвигается изучение объективных процессов и факторов правотворческой деятельности в области уголовного права. Объясняется это прежде всего тем, что тщательная проработка институтов и норм уголовного законодательства имеет значение для гарантий неприкосновенности личности и защиты государственных интересов, где основ-

ное - определение границ криминализации (декриминализации) и разработка конкретного перечня деяний, признаваемых преступными и уголовно-наказуемыми.

В сегодняшней ситуации нужны не лишние реального содержания объявить войну преступности (с ней никогда не было мира), принять жесткие меры (преступления и преступники бывают разные, и во многих случаях принцип справедливости как раз исключает жесткие меры), а стратегия и тактика на основе реальных целей и с учетом реальных возможностей. Перекалывание вины за рост преступности на правоохранительные органы ошибочно, т.к. из примерно 240 социальных факторов, влияющих на преступность, правоохранительные органы контролируют не более 50 факторов, и даже при этом этот контроль значительно сдерживает тенденции в динамике преступности.⁸

Для принятия решения о причислении того или иного противоправного поступка к преступному и наказуемому, в обязательном порядке необходимо особо выделить конкретные возникшие конфликты и действительно ли существует потребность (необходимость) в законодательном запрещении подобных поступков, а также допустимо ли это запрещение в рамках существующей социально-экономической формации и правовой системы и выполнимо ли оно с практической точки зрения, учитывая при этом целесообразно ли запрещение с учетом совокупности всех иных социальных, политических, психологических обстоятельств. Современная проблема соотношения уголовного законодательства в уголовной политике национальной безопасности не понимается как оптимальное сокращение в норме о целях наказания восстановление социальной справедливости и гуманизма, наказание преимущественно нацелено восстановить причиненный ущерб, социальный материальный, моральный.

Механизмы уголовно-правовой охраны обеспечения национальной безопасности, т.е. средства и способы достижения целей требуют криминологического анализа современного состояния преступности для решения задач уголовного права, уголовно-правовых принципов для обеспечения стабильности законодательства.

Рассмотрим эти факторы подробнее, необходимость в запрете. Для основания появления

⁶ Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000 г – 400 с.

⁷ Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. Российская криминологическая ассоциация. 2001 г. – 576 с.

⁸ Преступность, национальная безопасность, бизнес. М., Российская криминологическая ассоциация, 2012 г. – 650 с.

необходимости в законодательном запрещении действия определенного вида является его общественная опасность, под которой чаще всего понимается степень вреда, причиненного этим действием государственным общественным или личным интересам. Но в то же время размер непосредственного вреда еще не является однозначным основанием для запрета того или иного поступка. Такие деяния особенно проявляются в технической сфере, так как многие из них представляют элементы деятельности, в целом жизненно важной для общества (управление самолетами, кораблями, использование атомной или электрической энергии и т.п.). И как следствие, что для признания необходимости запрета необходимо учитывать и другие обстоятельства, а к ним относится достаточно высокий показатель распространенности данного рода явлений. Опасность и распространенность деяния находятся в тесной связи. Запрет деяния оправдан, если при относительно небольшой опасности деяние достаточно распространено, и наоборот, если редко встречающееся деяние обладает достаточно высокой степенью общественной опасности. Важным показателем потребности в запрете является также невозможность реализовать запрет данного деяния гражданско-правовыми, организационными, воспитательными средствами. Уголовно-правовой запрет, необходимо особо выделить - рассматривать как субсидиарный и необходимо применять лишь в качестве последнего метода.

Известно, что действующий УК РФ за время своего существования изменился в каждой второй-третьей норме, количество новаций в ряде статей не поддается «подсчету». Как правило, к «косметическому» изменению норм обращаются в силу тактических, политических, конъюнктурных представлений. Практически все принимаемые законодателем нормы начинаются словами «об усилении уголовной ответственности» и содержат нормы, направленные на расширение применения тяжести наказания, системность кодекса естественно разрушается, эффективность его применения снижается, а мнения ученых во внимание не всегда принимается.⁹

Допустимость запрета. Даже если запрет поступка в общественных интересах предлагается необходимым, это меньше чем нужно для его реализации в законе. Целесообразно проанализировать допустимость такого решения с политической, экономической, нравственной и

правовой точек зрения. Не рассматривая все эти аспекты по существу, обратим внимание лишь на юридический аспект, который предполагает допустимость запрета с учетом: конституции страны, действующей системы законодательства, международных соглашений, общественных норм и принципов права. Представляется не бесполезен и исторический экскурс – когда принята норма, каковы были мотивы законодателя, обоснованность принятия. Известны авторы научно обоснованных предложений института условного осуждения с обязательным привлечением к труду и отсрочкой исполнения приговора, но не известны авторы института замены уголовного наказания административной ответственностью, с расплывчатым понятием то ли преступления, то ли проступка.¹⁰

При решении практической значимости запрета надлежит обсудить технологическую возможность конструирования правовой нормы и в достаточной степени информировать об этом гражданское общество. Исследовать возможность обнаружения, регистрации правонарушения и розыска правонарушителя, оценить возможность эффективного расследования дела, судебного или административного, его рассмотрения, оценить возможность предупреждения рецидива. По отношению к практике необходимо указать на два фактора запрета - само по себе нарушение правовых норм далеко не во всех случаях может быть обнаружено юридическими методами, обнаружение и расследование некоторых видов правонарушений, хотя в принципе и возможно, но политически или экономически невыгодно. Бесспорно, степень вреда, причиняемого теми или иными поступками, и расходы на борьбу с ними могут быть несопоставимы по значимости. Например, когда вред причиняется личности гражданина или политическим, экономическим, социальным и иным важным интересам общества. В этих случаях затраты на расследование не должны быть препятствием для криминализации деяния. Но может быть и иная ситуация: очевидная сопоставимость вреда и расходов, и тогда это соотношение требуется учитывать. Запрет должен основываться не только на добросовестном социальном и криминологическом анализе состояния общественного развития, но и на прогностической оценке его в будущем. Несомненно, уголовно-правовой прогноз за-

⁹ ФПА: Госдума медлит со смягчением наказаний за экономические преступления. 14.01.2024 г. // <https://pravo.ru/news/250961/>.

¹⁰ Последствия неверного толкования диспозиции, предусмотренной ст. 163 УК. // 16.01.2024 г. <https://pravo.ru/story/250964/>.

труднителен, но вполне реален, если базируется на криминологическом, экономическом и социальном прогнозах.¹¹

Целесообразность запрета. В случае, когда законодатель получил положительный ответ на вопросы о полезности запрета: его политической, экономической, нравственной, юридической необходимости и практической возможности проведения такого решения в практику, то остается рассмотреть конечный фактор – определить «риски» запрета с учетом социальных факторов и обстоятельств, число таких факторов не пересчитываешь и кроме того, они не одинаковы для разных категорий дел. К ним необходимо отнести возможные и второстепенные последствия запрета, например такие как свертывание производственно-технической и социальной активности, уход квалифицированных специалистов из данной сферы производства и т.д. Предполагаемая социально-психологическая реакция граждан, хозяйствующих субъектов, экономическая оценка системы мероприятий, которые связаны с предстоящим запрещением деяния и дальнейшие перспективы борьбы с данными деяниями как в социальном, так и в правовом аспектах.

Потребность в дискуссии о проблемах преступности и контроля над ней всегда определяется происходящими переменами, возникающими в социально-политической ситуации соответствующих типов индивидуального и группового поведения при изменении структуры преступности. Необходимость обновления общественного и научного сознания обязывающим предпринять специальные усилия для осознания происходящих процессов требует от специалистов в области уголовного права, криминологии и смежных дисциплин выработки соответствующих подходов и понятийного аппарата, освоения иной информационной базы для осознания социально-экономической реальности. При этом необходимо зафиксировать в науке необходимость исследования преступности в ситуации социального перелома для разграничения правового и противоправного, социально полезного и вредного для решения уголовно-правовых и криминологических проблем.¹²

Подводя итог сказанному, резюмируя и обобщаем требования - потребность в запрещении поступка (размер вреда, распространенность, невозможность предотвратить другими

средствами); допустимость запрета (политическая, экономическая, нравственная, правовая (внутренняя), международная); практическая возможность реализации запрета (побочные последствия, психологическая реакция населения, экономическая оценка, перспективы (результаты); суммарная оценка целесообразности запрета - решения принимаемое законодателем с учетом всех выше перечисленных (и, возможно, иных) факторов и обстоятельств, возможен быть таким: а) юридическая ответственность за деяние эффективна, когда непосредственно связана с выявлением закономерностей динамики системы права; б) отказаться от запрета когда методологическую значимость характеристики динамики системы права имеет анализ взаимодействия частного и публичного как межотраслевые образования, выражающие различные по своему содержанию интересы общества; в) отложить решение вопроса до изменения тех или иных факторов, в том числе и конъюнктурными причинами, влекущими несогласование отраслей права.

Кодификация нашего законодательства для обеспечения национальной безопасности выражается в реструктурировании, оптимизации и усовершенствовании системы уголовно-правовых норм, путем нормотворчества где одним из средств достижения целей выступает научная обоснованность, т.е. материализация достижений теории криминологии и уголовного права, путем плодотворного сотрудничества науки и практики.¹³

Если принятие каждого из этих решений будет выработываться на основе криминологических исследований и оценки вышеназванных факторов, требующих проведения научных исследований, с использованием международного опыта применения закона в аналогичных ситуациях, вопросы национальной безопасности от преступности будут решены в части унификации законодательства. Рассматривая широкий круг вопросов уголовной политики, состояния и перспектив законодательства и практики его применения - исходим из того, что правовые запреты вводятся с осторожностью и в ограниченных пределах.

Механизм устойчивости уголовного законодательства должен сопровождаться в парадигме не изменения институтов и норм, эффективность которых подтверждена временем.

¹¹ Курс на гуманизацию: Пленум ВС разъяснил, как смягчать наказание через перекалфикацию. // 16.05.2018 г. // <https://pravo.ru/news/202842/>.

¹² Криминологические проблемы становления правовой системы России. – Ростов-на-Дону. ИУБиП. 2000 г. – 123 с.

¹³ Пленум ВС объяснит, как применять отсрочку отбывания наказания. 21.11.2023г. <https://pravo.ru/story/249961/>.

Конъюнктурная, тактическая ломка ранее действовавших норм, приводит к нарушению системы уголовного законодательства и внесения терминологической многозначности, что естественным образом влияет на обеспечении национальной безопасности не в лучшую сторону.¹⁴

Литература

1. Взятки, ссоры и покровительство: громкие судебские истории 2023 года. // 23 января 2024 г. <https://pravo.ru/story/250539/>.
2. Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000 г – 400 с.
3. Генпрокуратура проследит за бизнесом и налоговиками. //15 ноября 2023 г. <https://pravo.ru/news/249866/>.
4. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. Российская криминологическая ассоциация. 2001 г. – 576 с.
5. Изд-во НОРМА-ИНФРА*М; Москва, 2000 г. С. 66
6. Криминологические проблемы становления правовой системы России. – Ростов-на-Дону. ИУБиП. 2000 г. – 123 с.
7. Курс на гуманизацию: Пленум ВС разъяснил, как смягчать наказание через перекавалификацию. // 16.05.2018 г. // <https://pravo.ru/news/202842/>.
8. Обновленные правила ареста. 25.01.2024 г. <https://pravo.ru/story/250076/>.
9. Пленум ВС объяснит, как применять отсрочку отбывания наказания. 21.11.2023г. <https://pravo.ru/story/249961/>.
10. Последствия неверного толкования диспозиции, предусмотренной ст. 163 УК. // 16.01.2024 г. <https://pravo.ru/story/250964/>.
11. Преступность, национальная безопасность, бизнес. М., Российская криминологическая ассоциация, 2012 г. – 650 с.
12. Россия опустилась на 113-е место в рейтинге верховенства права. // 23 октября 2023 г. <https://pravo.ru/news/249513/>.
13. Финразведка предотвратила вывод в теневой сектор 320 млрд руб. // 30 ноября 2023 г. <https://pravo.ru/news/250167/>.
14. ФПА: Госдума медлит со смягчением наказаний за экономические преступления. 14.01.2024 г. // <https://pravo.ru/news/250961/>.

Criminology and criminal law in ensuring national security

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

Ural State Law University

State security is a state of inviolability, the strength of the political and economic foundations of the state and society, the inviolability of its borders. Until the early 90s, this understanding was dominant in theory and in practice. A characteristic feature of the modern period of public relations is the problem of the criminogenic component, when moral values are devalued, the epidemic of decomposition affects all aspects of the life of civil society and the existence of the state. The opportunities of technological progress that have opened up generate and increase crime, and around this there are serious passions and speculations, tendentious assessments of it without taking into account the opinions of scientists and practitioners. The goals and mechanisms of the ongoing transformation of criminal legislation are solved by the abolition, amendments and additions of criminal law measures in three directions - restructuring, optimization and improvement of the system of criminal law norms.

Keywords: socio-economic and political processes, offenses, criminological situation, national security, criminal legislation.

References

1. Bribes, quarrels and patronage: high-profile judicial stories of 2023. // January 23, 2024 <https://pravo.ru/story/250539/>.
2. Power: criminological and legal problems. Russian Criminological Association. M., 2000 – 400 p.
3. The Prosecutor General's Office will monitor business and tax authorities. //November 15, 2023 <https://pravo.ru/news/249866/>.
4. Patterns of crime, combat strategy and law. Russian Criminological Association. 2001 – 576 p.
5. Publishing house NORM-INFRA*М; Moscow, 2000, p. 66
6. Criminological problems of the formation of the Russian legal system. – Rostov-on-Don. IUBiP. 2000 – 123 p.
7. Course towards humanization: The Plenum of the Supreme Court explained how to mitigate punishment through retraining. // 05.16.2018 // <https://pravo.ru/news/202842/>.
8. Updated arrest rules. 01/25/2024 <https://pravo.ru/story/250076/>.
9. The Plenum of the Supreme Court will explain how to apply a deferment of serving a sentence. November 21, 2023 <https://pravo.ru/story/249961/>.
10. Consequences of incorrect interpretation of the disposition provided for in Art. 163 of the Criminal Code. // 01/16/2024 <https://pravo.ru/story/250964/>.
11. Crime, national security, business. M., Russian Criminological Association, 2012 – 650 p.
12. Russia dropped to 113th place in the rule of law ranking. // October 23, 2023 <https://pravo.ru/news/249513/>.
13. Financial intelligence prevented the transfer of 320 billion rubles to the shadow sector. // November 30, 2023 <https://pravo.ru/news/250167/>.
14. FPA: The State Duma is slow to mitigate penalties for economic crimes. 01/14/2024 // <https://pravo.ru/news/250961/>.

¹⁴ Обновленные правила ареста. 25.01.2024 г. <https://pravo.ru/story/250076/>.

Профилактика преступного насилия в образовательных организациях

Подорожний Павел Константинович

аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии, Саратовская государственная юридическая академия, tmorr92@rambler.ru

В статье исследуется проблематика профилактики преступного насилия в образовательных организациях Российской Федерации. Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена участвовавшими случаями совершения преступлений в отношении обучающихся и преподавателей, которые, по своей тяжести и жестокости, обществом нередко сравниваются с террористическим актом. Особо внимание государственной власти к решению указанной проблематики вызвало необходимость среди теоретиков и практиков в выработке концептуально новых подходов к формированию правомерного поведения несовершеннолетних, которые являются основными субъектами совершения преступлений. Автором приводятся принципы по решению вопроса девиантности поведения обучающихся, раскрывается особенность каждого из них, а также выделяется роль родителей и педагогических работников в указанной деятельности, который, при позитивном отклике у несовершеннолетних, позволит существенным образом снизить факты совершения противоправных деяний в образовательных организациях.

Ключевые слова: профилактика, преступное насилие, педагогические работники, родители, правомерное поведение, принципы.

Участившиеся инциденты противоправных деяний в отношении обучающихся и преподавательского состава в школах, техникумах, колледжах и высших учебных заведениях поставили на повестку дня вопросы безопасности образовательных организаций в Российской Федерации, а также необходимость своевременной профилактики девиантных проявлений среди указанной категории лиц.

Следует отметить, что актуальность этого вопроса обусловлена особой жестокостью совершаемых противозаконных действий, которая характеризуется большим количеством жертв и демонстративным совершением преступлений, что, зачастую, в обществе сравнивается с совершением различного рода террористических актов.

Своевременное установление и ликвидация причин, которые являются движущим фактором совершения подобного рода преступлений, является одной из приоритетных задач государственной власти, которая разрешение указанной проблематики поставила перед практической и теоретической юриспруденцией, а также криминологией, как главенствующей науке в вопросах особенности личности преступников.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в качестве системы социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [2]. Указанные социальные, правовые и педагогические меры являются ключевыми при разрешении вопроса о профилактических воздействиях на несовершеннолетних, формирования у них правомерного поведения и исключения фактов совершения ими противоправных деяний.

Воспитательное воздействие указанных мер следует рассматривать как определенную форму педагогического и воспитательного влияния на личность, которые различаются конкретными методами применения и последствиями их использования. Выделяя правовые меры, следует отметить, что они подкреплены обязательными для соблюдения и исполнения нормами права, а, в свою очередь, педагогические определяются непосредственным воздействием, убеждением и внушением, применяемыми в отношении лица. Вместе с тем, результативность педагогических мер напрямую зависит от надлежащего правового регулирования отношений между людьми.

Профилактика преступного насилия в образовательных организациях содержит в себе две взаимосвязанные особенности – внешнюю и внутреннюю:

- внешняя характеризуется необходимостью решения вопроса пропускного режима в учреждение который должен осуществляться специально подготовленными сотрудниками, имеющими навыки владения огнестрельным оружием и оснащенными техническими средствами, позволяющими пресечь и предотвратить противоправные деяния;

- внутренняя характеризуется необходимостью выработки определенной манеры поведения, что подразумевает под собой решение задачи по формированию поведенческих ориентиров правомерного поведения и их реализации в процессе обучения.

Следует отметить, что формированием преступного поведения никто, как правило, специально не занимается, но следует признать, что в насильственных преступлениях, совершаемых обучающимися, существует доля вины педагогов и родителей, которые отвечают за воспитание, т.е. за формирование мотивации поведения, как определяющего элемента структуры механизма преступного поведения [3].

Федеральный закон № 273 от 28.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает, что воспитание является основополагающей частью обучения. Однако анализом практической реализации указанного принципа установлено, что в процессе образования воспитанию внимание уделяется по остаточному принципу, отдавая предпочтение непосредственному обучению подростка. Негативным последствием указанного недостатка является запоздалое реагирование на девиантное поведение обучающегося.

При этом, формирование правопослушной мотивации, как и противоправной, не происходит единомоментно, а является длительным

процессом. Таким образом, с учетом того, что несовершеннолетний в процессе обучения проводит довольно большой отрезок своего времени, где формируются задатки его мотивации, на педагогов возложена важная миссия по его воспитанию с целью обеспечения надлежащего поведения в обществе и исключению фактов девиантных проявлений.

Для достижения указанного, необходимо выработать общепонятные для несовершеннолетнего принципы, придерживаясь которых, он сможет в полной мере влиться в социум.

Предлагаются следующие принципы:

- принцип адекватности – обязательное реагирование на любые проявления девиантного поведения обучающегося с целью своевременной превенции и выработки у него навыков поведения в обществе;

- принцип единства – общее воздействие коллектива образовательной организации на обучающегося, взаимодействие с родителями которые в первую очередь знают характерные особенности своего ребенка.

Приоритет семейного воспитания предусмотрен в Семейном кодексе Российской Федерации [1].

Таким образом, взаимодействие родителей и педагогов, которые обладают необходимыми знаниями и навыками, позволит не допустить совершение обучающимся противоправных действий и устранить саму причину волевого проявления девиантности у подростка.

- принцип активного вовлечения - вовлечение обучающегося в работу различных секций и кружков с целью заполнения пустоты его свободного времени.

Главной целью указанного принципа является заполнение несовершеннолетнего позитивными эмоциями, чтобы негативное воздействие не имело на него разрушающего эффекта.

Краеугольным камнем в реализации всех указанных принципов в своей совокупности является в настоящее время отсутствие количественных показателей оценки поведения обучающегося с целью своевременного внесения корректировок в процесс воспитания. Это опять подтверждает необходимость общей работы всего педагогического состава образовательной организации с целью обеспечения своевременной реакции на любые негативные проявления поведения обучающегося.

Таким образом, обеспечение правомерной мотивации поведения обучающегося в первую очередь может быть достигнуто путем тесного взаимодействия родителей и педагогических работников. Пустив этот процесс на «самотек»,

в итоге российское общество столкнется с повальными фактами девиантных проявлений в образовательных организациях, каждый из которых будет будоражить российскую действительность, а также подтверждать существенные недостатки, которые в настоящее время имеют место быть в системе образования.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31.07.2023). URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/, (дата обращения 02.05.2024).

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 25.12.2023) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/, (дата обращения 02.05.2024).

3. Фурманов И.А., Метлицкий И.Е. «Криминальная психология. Хрестоматия» [Электронный ресурс]: пособие / сост.: И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. – Минск: БГУ, 2018, с.с.72-76. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/210474/1/Furmanov_Metlitskii.pdf, (дата обращения 02.05.2024).

Prevention of criminal violence in educational organizations

Podorozhny P.K.

Saratov State Law Academy

The article examines the problems of the prevention of criminal violence in educational institutions of the Russian Federation. The relevance of the issue under consideration is due to the increased incidence of crimes against students and teachers, which, in their severity and cruelty, are often compared by society to a terrorist act. The special attention of the state authorities to solving this problem has caused the need among theorists and practitioners to develop conceptually new approaches to the formation of lawful behavior of minors, who are the main subjects of committing crimes. The author provides principles for solving the issue of deviant behavior of students, reveals the peculiarity of each of them, and also highlights the role of parents and teaching staff in this activity, which, with a positive response from minors, will significantly reduce the facts of committing illegal acts in educational organizations.

Keywords: prevention, criminal violence, teaching staff, parents, lawful behavior, principles.

References

1. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/, (date accessed 05/02/2024).
2. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (as amended on December 25, 2023) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/, (access date 05/02/2024).
3. Furmanov I.A., Metlitsky I.E. "Criminal psychology. Reader" [Electronic resource]: manual / comp.: I. A. Furmanov, I. E. Metlitsky. – Minsk: BSU, 2018, pp. 72-76. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/210474/1/Furmanov_Metlitskii.pdf, (access date 05/02/2024).

Основные тенденции в эволюции уголовного права Франции в новое и новейшее время

Повалий Светлана Ивановна

старший преподаватель, кафедра юриспруденции, Мелитопольский государственный университет, veta832832@mail.ru

В статье представлен анализ развития системы уголовного права Франции в периоды Нового и Новейшего времени. Обозначены основные черты законодательных систем на каждом из этапов. Описаны сущностные черты Уголовных Кодексов 1791 г., 1810 г., Конституции 1958 г., Уголовного Кодекса 1992 г. Сделан вывод о наличии трех условных этапов в становлении уголовного законодательства: (1) период до буржуазных революций; (2) период буржуазного переустройства уголовного законодательства; (3) современный период, которому свойственна гуманизация уголовного законодательства и регламентация новых сфер правоотношений и введение наказаний за новые виды преступлений.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный кодекс, буржуазная революция, франция, уголовно-правовая система.

Уже со Средневековья французское законодательство начало приобретать свои современные очертания. Формирование национального законодательного массива было обусловлено обретением независимости королевства Франции. В XVI – XVII вв. западноевропейские страны вступили в сложный процесс формирования буржуазных отношений, вспыхивали многочисленные восстания в городах и крестьянские бунты на периферии. Существующая система феодального права не могла более удовлетворять новые потребности и запросы общества [3, с. 14]. Одни страны Европы стали принимать точечные нормативные акты, направленные на временную нейтрализацию общественных настроений, другие же приступили ко глобальным кодификационным мероприятиям по переработки всей системы уголовного законодательства. Одной из таких стран стала Франция.

Основной чертой уголовного права данного периода была жесткая система наказаний, включая смертную казнь, телесные наказания и конфискацию имущества. Де юре суды рассматривали уголовные дела в соответствии с применимыми законами и обычаями, но де факто судебные процессы часто имели формальный характер и не всегда обеспечивали применение справедливой меры наказания для обвиняемых. В течение XVII в. уголовное законодательство Франции начало трансформацию, вызванную различными социальными и политическими факторами. В частности, укрепление абсолютной монархии и централизация власти, произошедшие в период правления короля Людовика XIV, сказались на укреплении монархического контроля над судебной системой и принятии новых законов и указов.

В конце XVIII – начале XIX вв. уголовное право в странах Западной Европы вступило в новый этап своей эволюции. Ключевой тенденцией развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства на данном этапе стала гуманизация – смягчение и либерализация уголовного права. Франция, можно сказать, стала лидером в развитии системы уголовного законодательства, и ее опыт впоследствии был перенят многими европейскими и другими странами.

Переход к новому этапу в развитии уголовного права реализовывался на базе фундаментального постулата классической школы уголовного права, представители которой единственным источником права и правосудия считали уголовный закон. Доминирующим принципом классической школы уголовного права считается принцип «нет преступления, нет наказания без указания в законе» (*nullum crimen, nulla poena sine lege*), пришедший на смену принципу «наказания в этом королевстве назначаются по усмотрению» (*les peins sont arbitraires dans ce royaume*) [6, с. 5].

Уголовное право и судопроизводство, которые функционировали во Франции в дореволюционную эпоху (речь идет о цикле Буржуазных революций 1789-1799 гг.), общественный деятель М. Лепелетье де-Сан-Фаржо описывает как «бесформенный хаос наших старых учреждений», где «почти на каждом шагу оскорблялась нравственность и человечность» [цит. по 6, с. 11]. Подозрение в совершении преступления зачастую являлось достаточным основанием для назначения наказания.

Можно также сказать, что уголовное право Франции до конца XVIII в. представляло собой совокупность несвязных положений, принятых в различные эпохи, под влиянием потребностей конкретного исторического периода. Бессистемность уголовно-правовой системы усугублялась вышеописанной жестокостью наказаний и произволом органов суда.

С целью отразить актуальную социально-политическую динамику французского общества и нейтрализовать проблемные аспекты, имевшиеся в уголовном праве дореволюционного этапа, в 1791 г. был принят Уголовный кодекс (*Code pénal de 1791*).

Уголовный Кодекс 1791 г. отражал многие гуманистические идеи эпохи Просвещения, ставил акцент на соблюдении законности и ограничил степень уголовных репрессий. Принятие данного кодифицированного акта привело к резкому снижению случаев применения смертной казни; было, кроме того, отменено пожизненное лишение свободы, исключены членовредительские наказания, а некоторые преступления – в особенности религиозные – были декриминализованы. С целью сокращения злоупотреблений со стороны обвинения и суда законодательные нормы были предельно детализированы – так, чтобы доля судейского усмотрения сократилась до минимума.

Период Французской революции характеризуется популяризацией и развитием концепции естественного права, признаки которой можно

усмотреть во всех актах, относящихся к уголовному праву на данном этапе. Можно также отметить, что французское уголовное законодательство периода буржуазной революции вообрало в себя политико-правовые учения Руссо, Монтескье, Робеспьера, Марата и иных выдающихся философов.

Важным источником уголовного закона данного этапа можно считать также Декларацию прав и свобод человек и гражданина, принятую 26 августа 1789 г. (*Déclaration des droits de l'Homme et du citoyen de 1789*). Декларацию принято считать важнейшим памятником эпохи Великой французской буржуазной революции, который, помимо прочего, заложил фундаментальные основы формирования важнейших законодательных принципов в период кардинального переустройства французского общества.

В Декларации было впервые сформулировано понятие преступления и описаны его материально-содержательные свойства. Деянием, которое можно классифицировать как правонарушение или преступление, можно считать лишь то, которое имеет очевидно вредоносный характер в отношении общества. Следовательно, закон может запрещать лишь те деяния, которые представляют общественную опасность [3, с. 14]. По мнению Ш. Л. де Монтескье, закон вправе карать только внешние действия, признанные преступными, но не мысли и не намерения.

Некоторые положения, отраженные в Декларации 1789 г., оказали влияние на развитие французской конституционной системы и системы уголовного права. В перечень системообразующих постулатов принято, к примеру, включать ст. 6: «Законодательные установления едины для всех», ст. 7: «Никто не может подлежать обвинению, аресту, заключению под стражу кроме обозначенных законодательно случаев», ст. 9: «Лицо предполагается невиновным, пока не будет иметься законодательного признания обратного» и некоторые другие положения указанного правового акта [7, с. 139].

Процесс кодификации французского уголовного права продолжился во времена правления Наполеона Бонапарта (1804-1815 гг.). На данном этапе были созданы, помимо прочего, гражданский, торговый, гражданско-процессуальный, уголовный, уголовно-процессуальный кодексы. Следует отметить, что Гражданский кодекс Франции (т.н. «Кодекс Наполеона»), принятый в 1804 г., оказал колоссальное влияние на европейское континентальное право и

стал образцом для формирования гражданского права во многих странах и других континентах.

Важную роль в кодификации имел также и Уголовный кодекс от 1810 г. (*Code pénal impérial*). Даже современные специалисты-правоведы говорят о том, что Уголовный Кодекс от 1810 г. является образцом высокого уровня качества кодификации. Его ключевой особенностью является предельная детализация видов правонарушений, преступлений, наказаний, субъектов и т. п. [10].

Структурно Уголовный Кодекс 1810 г. включает в себя 4 части. В первой книге, именуемой «О наказаниях уголовных и исправительных» раскрывается сущность и содержание уголовных наказаний. Наказания дифференцировались по трем категориям: «мучительные» (депортация, смерть, каторга, смиренный дом) и «позорящие» (нахождение у позорного столба, лишение гражданских прав, изгнание), «исправительные» (тюремное заключение, временное лишение некоторых политических, гражданских или семейных прав, штраф). Вторая книга «О лицах наказуемых, освобожденных от ответственности или ответственных за преступления или проступки» раскрывалась сущность категорий «соучастие», «недонесение» и устанавливался возраст наступления уголовной ответственности (с 16 лет) [1]. В рамках третьей части «О преступлениях, преступниках и их наказаниях» были представлены положения, которые в современном контексте можно понимать как особая часть Уголовного Кодекса. Кодекс, помимо прочего, предусматривал учет смягчающих обстоятельств при назначении наказания. В четвертой книге «Полицейские нарушения и наказания» раскрыт порядок наложения административных взысканий [3, с. 15].

Бесспорно, Уголовный Кодекс 1810 г. стал наиболее совершенным актом уголовного права в Западной Европе. Многие подходы, принципы, механизмы и категории, которые были введены Кодексом 1810 г., заимствованы законодателями Испании (УК 1822 г.), Бразилии (УК 1830 г.), Швейцарии (УК 1853 г.), Бельгии (УК 1867 г.) и других стран. По мнению специалистов, косвенные принципы заимствования правовых конструкций из французского Кодекса 1810 г. можно усмотреть также и в отечественном Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Система французского уголовного права стала одной из первых, в рамках которой был зафиксирован принцип равенства всех граждан перед уголовным законом и равной

уголовной ответственности для всех граждан, вне зависимости от происхождения и социального статуса. Мера ответственности зависела исключительно от характера и тяжести совершенного преступления.

Уголовный Кодекс 1810 г. был пересмотрен в 1832 г. Новая редакция Кодекса предусматривала ряд наказаний, альтернативных лишению свободы, что в целом свидетельствует об очередной попытке либерализации уголовного права в стране. Наказанием могло быть, к примеру, возвращение предметов, компенсация вреда или издержек [4, с. 50].

В последующем развитие уголовного права во Франции протекало под влиянием двух противоположных по своей сути тенденций: следования неоклассическому подходу к правовой системе и следования концепции «новой социальной защиты» [2, с. 97]. Согласно первому из обозначенных подходов, наказание является собой закономерную и пропорциональную общественную реакцию на совершение преступного деяния, направленную на достижение целей воздаяния и устрашения. В рамках второго из подходов постулируется иная приоритетная цель уголовной системы: исправление и ресоциализация преступника.

В первой половине XX в. кардинальных изменений в системе уголовного права, сопоставимых с буржуазной перестройкой права и общества в целом, не наблюдалось. Правительства, которые приходили ко власти в период Третьей республики, были достаточно неустойчивыми, и реализация ощутимых уголовно-правовых реформ сталкивалась со множеством политических барьеров. Изменения, произошедшие в Уголовном кодексе в первой половине XX в., затрагивали лишь частные аспекты (обман во время проведения государственных экзаменов и конкурсов, злоупотребления в казино, проституция, разрушение памятников исторического значения и т. д.).

Во второй половине XX в. правовая система Франции пополнилась множеством отраслевых кодексов, в содержание которых включались и уголовно-правовые установления. Так, к примеру, выделим Кодекс военной юстиции, устанавливающий уголовную ответственность за воинские преступления, Таможенный кодекс, Налоговый кодекс, Ордонанс Временного правительства «О преследовании военных преступников» от 28 августа 1944 г., декреты правительства [7, с. 139].

В 1958 г. была принята Конституция Франции, в содержание которой были включены положения Декларации прав и свобод человека и

гражданина от 1789 г. Правовая система Франции, в частности, ст. 55 Конституции, зафиксировала положение о приоритете международно-правовых норм над национальными, что в реальной практике привело к невозможности законодательного применения некоторых положений французского уголовного законодательства.

В конце 50-х и середине 70-х гг. XX в. были пересмотрены институты как Общей, так и Особенной части УК Франции 1810 г. В частности, изменены составы преступлений против государства и общественного порядка; введен ряд дополнительных наказаний (лишение прав, конфискация автомобиля и пр.). В 1980-е гг. расширилась сфера условного осуждения.

Следует отметить, что Уголовный Кодекс, принятый в 1810 г. и отредактированный в 1832 г., был постепенно модернизирован на протяжении следующего столетия. В частности, законодатель предпринял попытки дальнейшей гуманизации уголовного наказания, были декриминализованы деяния, связанные с социальным неравенством женщин. В 1981 г. во Франции была отменена смертная казнь. Существенно расширена практика применения наказаний, не связанных с лишением свободы (ограничение свободы, исправительные работы, штрафы).

Новый Уголовный Кодекс был выработан в 1992 г. (вступил в силу в 1994 г.). Среди новелл можно выделить введение уголовной ответственности юридических лиц [5, с. 975]. Структура нового Уголовного Кодекса существенно отличается от структуры предыдущего. Общая часть содержится в книге первой; Особенная часть – в 2-6 книгах; в книгу седьмую включены нормы-положения, применяемые на заморских территориях. Многие положения Общей части УК Франции 1992 г. сфокусированы на описании института преступления, тогда как в Уголовном Кодексе 1810 г. акцент ставился на институте наказания.

По мере появления новых видов преступной деятельности и новых деструктивных тенденций глобального общества (терроризм, киберпреступность, наркотрафик и проч.) законодатель Франции весьма тщательно прорабатывал соответствующие сегменты уголовно-правовой системы. Франция, по мнению правоведов, обладает весьма эффективным законодательством в области борьбы с наркопреступностью. Осуществляя противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, французский законодатель в приоритет возводит аспекты, связанные с про-

филактикой и предупреждением наркопреступлений, с реабилитацией наркозависимых лиц [7, с. 140].

Важной чертой нового Уголовного Кодекса Франции стала индивидуализация наказаний и расширение спектра ситуаций, в которых действует т. н. режим полусвободы [9]. Уголовно-правовая система Франции с 1992 г. по настоящее время развивается под влиянием современных демократических и либеральных идей, сохраняя при этом некоторые черты и традиции буржуазного уголовного законодательства [8, с. 139]. Система уголовного законодательства Франции строится на принципах приоритета охраны личности; использования норм-компромиссов с освобождением лица, совершившего преступление, от наказания либо со значительным его смягчением [7, с. 138]. При этом наблюдается перманентное ужесточение уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений против собственности и государства.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Анализ эволюционных изменений уголовно-правовой системы Франции в Новое и Новейшее время позволяет сделать вывод о наличии трех условных этапов в становлении уголовного законодательства: (1) **период до буржуазных революций**, во время которого: а) действовали отдельные законы для представителей различных сословий; б) сохранялась высокая роль монарха в законотворческом процессе и в судопроизводстве; в) поддерживались весьма тяжелые виды наказаний, назначаемые даже в условиях подозрения на совершение преступного деяния; (2) **период буржуазного переустройства уголовного законодательства**, для которого свойственны следующие черты: а) целостный пересмотр существующей уголовной системы; б) обеспечение равенства закона для представителей всех сословий; в) первые попытки гуманизации уголовно-правовой системы; г) детализация видов преступлений и наказаний за их совершение; (3) **современный период**: а) дальнейшая гуманизация уголовного законодательства; б) регламентация новых сфер правоотношений и введение наказаний за новые виды преступлений.

Литература

1. Андреева, И. А. Ювенальная юстиция Франции: история и современность / И. А. Андреева // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – №4 (68). – С. 25-36.
2. Андрианова, С. И. Характеристика наказания в зарубежных странах / С. И. Андрианова

// Вестник магистратуры. – 2019. – №8-1 (95). – С. 96-97.

3. Епифанова, Е. В. Понятие о преступлении в западноевропейском уголовном праве / Е. В. Епифанова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2007. – №1. – С. 13-17.

4. Иваняков, Р. И. Становление наказаний, альтернативных лишению свободы, во Франции в XIX веке / Р. И. Иваняков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – №4. – С. 50-51.

5. Рассказов, Л. П. Формирование нормативного элемента правовых систем Германии и Франции и влияние этого процесса на другие страны Европы / Л. П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – №105. – С. 964-980.

6. Решетников, Ф. М. Уголовное право буржуазных стран: «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление: Учеб. Пособие, 2-е изд. / Ф. М. Решетников. – М.: Изд-во УДН, 1985. – С.5-12.

7. Сизова, В. Н. Формирование, развитие и современное состояние системы особенной части уголовного законодательства УК Франции / В. Н. Сизова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – №1 (89). – С. 137-145.

8. Скачкова, Н. П. Об исторической преемственности уголовного законодательства на различных этапах развития французской государственности / Н. П. Скачкова // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию уголовно-исполнительной системы и 105-летию кинологической службы, Пермь, 15–16 мая 2014 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2014. – С. 138-140.

9. Уголовный кодекс Франции : : Принят в 1992 г. : Вступил в силу с 1 марта 1994 г. : // Науч. редактирование Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; Пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2002 г. – 648 с.

10. Французский уголовный кодекс 1810 года. С изменениями и дополнениями по 1 июня 1940 г. / пер. Лапшиной; под ред и со вступ ст. М.М. Исаева. – М., 1947. – С. 9-10, 50-51.

Trends in the evolution of criminal law of France in new and contemporary times

Povaliy S.I.
Melitopol State University

The article presents an analysis of the development of the French criminal law system in the periods of New and Contemporary times. The main features of legislative systems at each stage are outlined. The essential features of the Criminal Codes of 1791, 1810, the Constitution of 1958, and the Criminal Code of 1992 are described. It is concluded that there are three conditional stages in the development of criminal legislation: (1) the period before the bourgeois revolutions; (2) the period of bourgeois reorganization of criminal legislation; (3) the modern period, which is characterized by the humanization of criminal legislation and the regulation of new areas of legal relations and the introduction of punishments for new types of crimes.

Keywords: criminal law, criminal code, bourgeois revolution, france, criminal legal system.

References

1. Andreeva, I. A. Juvenile justice in France: history and modernity / I. A. Andreeva // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4 (68). – pp. 25-36.
2. Andrianova, S. I. Characteristics of punishment in foreign countries / S. I. Andrianova // Bulletin of magistracy. – 2019. – No. 8-1 (95). – pp. 96-97.
3. Epifanova, E. V. The concept of crime in Western European criminal law / E. V. Epifanova // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. – 2007. – No. 1. – pp. 13-17.
4. Ivanyakov, R. I. The formation of punishments alternative to imprisonment in France in the 19th century / R. I. Ivanyakov // Education. The science. Scientific personnel. – 2020. – No. 4. – P. 50-51.
5. Rasskazov, L.P. Formation of the normative element of the legal systems of Germany and France and the influence of this process on other European countries / L.P. Rasskazov // Scientific journal of KubSAU. – 2015. – No. 105. – pp. 964-980.
6. Reshetnikov, F. M. Criminal law of bourgeois countries: "Classical" school and anthropological and sociological direction: Textbook. Manual, 2nd ed. / F. M. Reshetnikov. – M.: Publishing house UDN, 1985. – P.5-12.
7. Sizova, V. N. Formation, development and current state of the system of the special part of the criminal legislation of the Criminal Code of France / V. N. Sizova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 1 (89). – pp. 137-145.
8. Skachkova, N. P. On the historical continuity of criminal legislation at various stages of development of French statehood / N. P. Skachkova // Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 135th anniversary of the penal system and the 105th anniversary of the canine service, Perm, May 15–16, 2014. – Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2014. – P. 138-140.
9. Criminal Code of France:: Adopted in 1992: Came into force on March 1, 1994: // Scientific. editing by L.V. Golovko, N.E. Krylova; Per. from fr. and preface NOT. Krylova. – St. Petersburg: Legal. Center Press, 2002 – 648 p.
10. French criminal code of 1810. With changes and additions until June 1, 1940 / trans. Lapshina; edited and with introduction by Art. MM. Isaeva. – M., 1947. – P. 9-10, 50-51.

Систематизация преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц (рейдерства)

Дорошенко Даниил Валерьевич

соискатель кафедры уголовного права, УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, daniil.doroshenko.97@mail.ru

В научной статье проведён анализ доктринальных, законотворческих и правоприменительных аспектов систематизации преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц (рейдерства).

Проведён критический разбор представленных в науке позиций, на основе чего разработана авторская классификация преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц (рейдерства).

Выдвинуто предложение о целесообразности дополнения составов вспомогательных по отношению к рейдерству преступлений квалифицирующим признаком, указывающим на цель совершения преступления.

Ключевые слова: рейдерство, рейдерский захват, систематизация, объект преступления, способ совершения преступления, цель преступления.

Ясность в вопросах систематизации преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц (рейдерства), имеет существенное значение как в доктринальном, так в законотворческом и правоприменительном отношениях.

Результативное уголовно-правовое противодействие совершению рейдерских захватов предполагает необходимость выявления, а также чёткого и однозначного описания в уголовном законе всех общественно опасных деяний, направленных на незаконное установление контроля над деятельностью и активами юридического лица. Вне системного научного познания рейдерских посягательств невозможна их точная криминализация, учитывающая все перепады и вариации степени и характера общественной опасности деяния в зависимости от наличия того или иного признака. Консенсус в доктрине уголовного права по базовым вопросам понимания специфики и круга преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц, служит условием не только их эффективной криминализации, но и залогом предотвращения ошибок при их уголовно-правовой квалификации.

К сожалению, можно констатировать, что в научной литературе не только отсутствует единодушие по обозначенным вопросам, но и, в целом, они остаются без должного внимания, которое бы учитывало современные тенденции эволюции рейдерской преступности. Перманентно видоизменяются не только способы совершения рейдерства, но и обновляются сферы интересов злоумышленников. Объектом криминального интереса рейдеров всё чаще становятся коммерческие организации, владеющие цифровыми активами. Связанная с этим специфика, наряду с прочим, должна быть своевременно рационализирована на научном и отражена на законодательном уровнях.

Учитывая изложенные общие замечания, следует обратиться к представленным в научных публикациях точкам зрения.

Так, А.В. Воеводкин исходит из того что, рейдерство посягает на отношения по управлению корпорацией, которые подразделяются «на

частноправовые отношения, т.е. на отношения по управлению корпорацией, и посягательства на публично-правовые отношения, т.е. на отношения по поводу порядка ведения Единого государственного реестра юридических лиц, учета прав на ценные бумаги, права инвесторов» [1, с. 109]. К преступлениям, посягающим на отношения первой группы, автор относит деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 185.4 и ст. 185.5 УК РФ. Преступления второй группы учёный ограничивает деяниями, предусмотренными ст. 170.1 УК РФ.

Думается, что данный подход несёт в себе немалое противоречие. А именно, отношения по управлению корпорацией, в видении А.В. Воеводкина, охватывают частноправовые отношения, которые автор именуется отношениями по управлению корпорацией, а также публично-правовые отношения. То есть, иными словами, отношения по управлению корпорацией исчерпываются частноправовыми отношениями, что можно предположить из идентичного наименования подсистемы и системы.

Также не вполне ясно, почему автор оставил без внимания ч. 3 ст. 185.2 УК РФ, хотя предусмотренное в ней деяние криминализовано «антирейдерским» Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ¹⁵, наряду с деяниями, предусмотренными ст. 170.1, 185.5 и 285.3 УК РФ.

П.А. Григорьев, выделяя в обособленную группу уголовные запреты в сфере государственной регистрации гражданских прав, признаёт, что «фальсификации сведений, которые содержатся в ЕГРН и ЕГРЮЛ, приводят не только к искажению информации, доступной неограниченному кругу лиц, и не только вводят в заблуждение участников рынка относительно экономических сведений, но и посягают на корпоративные права и право собственности как таковое» [3, с. 64]. К названным учёный относит уголовно-правовые запреты, предусмотренные статьями 170, 170.1, 170.2, 173.1, 173.2, 285.3 УК РФ.

Соглашаясь с автором относительно общности предусмотренных уголовно-правовыми нормами данных статей посягательств, следует отметить, что они явно не исчерпывают всего многообразия способов криминального передела собственности. Учитывая, что подвергающиеся рейдерской атаке предприятия нередко имеют организационно-правовую форму акционерного общества, совершаемые в отношении них посягательства подпадают

под ч. 3 ст. 185.2 и ст. 185.5 УК РФ. В научной литературе подчёркивается взаимосвязь рейдерства и корпоративного шантажа посредством злоупотребления акционерными правами. Такая неблагоприятная практика именуется гринмейлом. Так, по оценке, Г.А. Дёмина, «неудачный рейдерский проект, запущенный такого рода фирмами, часто переходит в гринмейл. И, напротив, удачный гринмейл порой перерастает в явный захват бизнеса» [4, с. 104].

На взгляд С.Д. Степанова, «в зависимости от метода, применённого при рейдерской атаке, преступников могут осудить и проводить расследование более чем по 10 статьям (ст. 179 УК РФ, ст. 170 УК РФ, ст. 170.1 УК РФ, ст. 173.1 и 173.2 УК РФ, ст. 183 УК РФ, ст. 185.5 УК РФ, ст. 186 УК РФ, ст. 196 УК РФ, ст. 197 УК РФ, ст. 299 УК РФ, ст. 303 УК РФ, ст. 327 УК РФ). В судебной практике самая распространённая – ст. 159 УК РФ» [8, с. 29]. Причём далее автор, кроме того, называет деяния, предусмотренные статьями 185.2, 185.3, 185.4 УК РФ [см.: 8, с. 43-44].

Приведённая трактовка рейдерства представляется чрезмерно широкой. Правоприменительная практика свидетельствует об огромном многообразии применяемых рейдерами средств и способов. Поэтому, использование при систематизации преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц, лишь такого критерия, как способ совершения преступления неизбежно ведёт к неоправданному расширению числа рейдерских посягательств и их смешению с иными составами преступлений.

В основу систематизации преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц, должна быть положена дефиниция рейдерства, отражающая все значимые в уголовно-правовом отношении нюансы юридической сущности данного криминального явления. Представляется целесообразным исходить из следующего понимания: рейдерские захваты – это совершаемые ненасильственными способами преступления, выраженные в нарушении легальных правил осуществления экономической деятельности и преследующие цель незаконного установления контроля над деятельностью и активами юридического лица. При решении вопроса об отнесении того или иного посягательства к числу рейдерских преступлений необходимо принимать во внимание ряд присущих рейдерству признаков:

¹⁵ См.: Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Фе-

дерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2010. № 27. Ст. 3431.

– объект преступления, в качестве которого выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности, складывающиеся в связи с корпоративным слиянием и поглощением, а также сменой руководства юридических лиц и собственников их имущественных комплексов;

– ненасильственный способ совершения преступления;

– бланкетный способ описания диспозиций рейдерских статей уголовного закона, предполагающий нарушение виновным правил и требований, установленных иноотраслевым законодательством;

– цель, состоящая в незаконном установлении контроля над деятельностью и активами юридического лица.

Это основные признаки, отражающие уголовно-правовую сущность анализируемого криминального явления. Кроме того, при систематизации преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц, следует учитывать факультативные признаки рейдерства, характеризующие скорее его криминологическую сущность, но, тем не менее, имеющие значение и при решении вопроса об отнесении того или иного посягательства к числу рейдерских:

– каскадный характер рейдерской атаки, сочетающий как легальные, так и уголовно, и административно наказуемые способы воздействия на захватываемое предприятие;

– сочетание нескольких преступлений, объединённых целью направленности на одно и тот же выступающее предметом криминального интереса предприятие;

– групповой и организованный характер рейдерских преступлений;

– маскировка преступной деятельности посредством мнимых гражданско-правовых сделок и использования подставных лиц, скрывающих истинных бенефициаров криминального захвата предприятия и его активов.

Представленное понимание юридической сущности и признаков рейдерства даёт основания для классификации направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц преступлений на две группы:

– собственно рейдерские преступления, для которых свойственны все имманентные рейдерству признаки (объект, способ и цель совершения преступления);

– вспомогательные (сопутствующие) рейдерству преступления, обслуживающие цель незаконного установления контроля над деятельностью и активами юридического лица.

К собственно рейдерским преступлениям необходимо относить посягательства, предусмотренные ст. 170, ст. 170.1, ч. 3 ст. 185.2, ст. 185.4, ст. 185.5 УК РФ.

В зависимости от способа достижения цели собственно рейдерских преступлений, они могут быть подразделены на совершаемые:

– посредством фальсификации документов и реестров, закрепляющих право осуществления контроля над деятельностью и активами юридического лица (ст.ст. 170.1, 185, 185.2 УК РФ);

– посредством воспрепятствования корпоративному управлению (ст.ст. 185.4, 185.5 УК РФ).

По образному выражению О.С. Вороновой, «мастерство рейдера в случае с фальсификацией сведений в ЕГРЮЛ состоит именно в том, чтобы провести данную криминальную схему с минимальной публичностью, что не предусматривает силовых акций» [2, с. 120].

Как вспомогательные (сопутствующие) рейдерству преступления могут рассматриваться посягательства, предусмотренные ст. 119, ст. 163, ст. 167, ст. 173.1, ст. 173.2, ст. 179, ст. 183, ст. 186, ст. 185.3, ст. 196, ст. 197, ст. 285.3, ст. 286, ст. 299, ст. 327, ст. 330 УК РФ.

Вспомогательные (сопутствующие) рейдерству преступления, в свою очередь, целесообразно подразделять на следующие группы:

– направленные на подготовку рейдерской атаки (ст. 183, ст. 186 УК РФ);

– направленные на содействие достижению рейдерской цели посредством использования нелегальных способов осуществления экономической деятельности (ст. 185.3, ст. 196, ст. 197 УК РФ);

– направленные на содействие достижению рейдерской цели коррупционными средствами (ст. 285.3, ст. 286, ст. 299 УК РФ);

– направленные на содействие достижению рейдерской цели посредством нарушения установленного порядка управления (ст. 327, ч. 1 ст. 330 УК РФ);

– направленные на содействие достижению рейдерской цели посредством использования насильственных способов совершения преступления (ст. 119, ст. 163, ст. 167, ст. 179, ч. 2 ст. 330 УК РФ);

– направленные на маскировку преступной деятельности (ст. 173.1, ст. 173.2 УК РФ).

Перечисленные посягательства обслуживают общую цель незаконного захвата имущественных комплексов юридических лиц. Так, в частности, Ф.Г. Шахкелдов и С.Д. Степанов справедливо обращают внимание на то, что на

этапе подготовки к рейдерскому захвату злоумышленники осуществляют сбор сведений об интересующем их предприятии, его собственниках и менеджменте. При этом, нередко, рейдерами и содействующими им лицами совершаются посягательства, подпадающие под статью 183 УК РФ [см.: 9, с. 103].

Собственно рейдерские преступления, как было сказано, представляют собой ненасильственные посягательства на складывающиеся в сфере экономической деятельности общественные отношения. Однако, в подавляющем большинстве случаев, рейдеры используют силовое прикрытие своих противоправных действий: в частности, привлекают околориминальные частные охранные предприятия для установления физического контроля над заводоуправлением, блокирования доступа легитимных собственников и руководства предприятия на его территорию и т.п. При этом, подчеркнём, сам по себе силовой захват предприятия не может привести к установлению юридического контроля над его активами и управлением. Именно поэтому, различного рода силовые акции, сопровождающие рейдерскую атаку, следует рассматривать в качестве вспомогательных рейдерству преступлений.

В.М. Кочедыковой высказано мнение, согласно которому «рейдерский захват сопровождается обязательным присутствием силовой поддержки, чаще всего это бывшие сотрудники силовых структур» [7, с. 61]. Данная позиция видится весьма категоричной. Силовую поддержку рейдерского захвата вряд ли следует рассматривать в качестве его неотъемлемого элемента. Так, в условиях бурного развития инновационной экономики объектами рейдерства могут становиться предприятия, владеющие дорогостоящими цифровыми активами, но у которых, при этом, нет производственных площадей, заводоуправления или же значительного штата сотрудников.

Не исключены также различного рода насильственные посягательства на собственников и руководство захватываемого предприятия с целью их устрашения и принуждения к тому или иному желаемому рейдерами поведению. Исходя из обстоятельств конкретного дела, вспомогательные (сопутствующие) рейдерству насильственные преступления подлежат квалификации по ст. 119, ст. 163, ст. 167, ст. 179, ч. 2 ст. 330 УК РФ.

Одним из применяемых рейдерами инструментов завладения чужим бизнесом является незаконное уголовное преследование его собственников. В подобных случаях, как пишет, в частности, М.Г. Жилкин, «предпринимателей

под угрозой уголовного преследования вынуждают включать близких к коррупционерам лиц в органы управления коммерческих организаций и предприятий» [5, с. 52]. Для таких случаев законодатель предусмотрел ч. 3 ст. 299 УК РФ, которая применима, наряду с прочим, к незаконному возбуждению уголовного дела в рейдерских целях.

Значимая характеристика уголовно-правовых норм, по которым квалифицируются вспомогательные (сопутствующие) рейдерству преступления, состоит в том, что они рассчитаны, прежде всего, на противодействие не связанным с рейдерством посягательствам. Совершение же соответствующих деяний в рейдерских целях ставит под угрозу дополнительный объект – общественные отношения в сфере экономической деятельности, складывающиеся в связи с корпоративным слиянием и поглощением, а также сменой руководства юридических лиц и собственников их имущественных комплексов. Тем самым, общественная опасность таких деяний повышается, что верно отразил законодатель в ч. 3 ст. 299 УК РФ. Однако, в иных посвящённых вспомогательным по отношению к рейдерству преступлениям статьях уголовного закона названный перепад степени и характера общественной опасности не учтён.

В этой связи, следует поднять вопрос о целесообразности дополнения составов вспомогательных по отношению к рейдерству преступлений квалифицирующим признаком, указывающим на цель совершения преступления:

«в целях незаконного захвата имущественного комплекса юридического лица (рейдерства);»

Немаловажным этапом рейдерства является и маскировка преступной деятельности. Использование подставных лиц, скрывающих истинных бенефициаров криминального захвата предприятия и его активов охватываются статьями 173.1 и 173.2 УК РФ [см.: 6, с. 175]. При этом, цель рейдерства в данных статьях также не упоминается.

Высказанные соображения относительно доктринальных, законотворческих и правоприменительных аспектов систематизации преступлений, направленных на незаконный захват имущественных комплексов юридических лиц, как представляется, открывают путь для научной дискуссии, итогом которой должна стать оптимизация уголовно-правовых средств противодействия рейдерству.

Литература

1. Воеводкин А.В. Уголовно-правовая охрана отношений по управлению корпорацией

как способ противодействия рейдерству: дис. ... к.ю.н. - Екатеринбург, 2018. - 197 с.

2. Воронова О.С. Виктимность предприятий (юридических лиц) как обстоятельство, способствующее недружественным поглощениям (рейдерским захватам): дис. ... к.ю.н. - М., 2016. - 184 с.

3. Григорьев П.А. Социально-правовая обусловленность уголовных запретов в сфере государственной регистрации гражданских прав // Теоретическая и прикладная юриспруденция». 2023. № 1 (15). С. 60-68.

4. Дёмин Г.А. Гринмейл как новая социально-экономическая угроза // Экономика и бизнес: теория и практика международный ежемесячный научный журнал. 2023. № 4-1 (98). С. 104-107.

5. Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дисс. ... д-ра юрид. наук. - М., 2019. - 402 с.

6. Карпова Е.Г. Квалификация и предупреждение преступлений, совершаемых путём использования подставных лиц: дис. ... к.ю.н. - Нижний Новгород, 2022. - 226 с.

7. Кочедыкова В.М. Рейдерский захват: понятие, виды, методы // Экономика Управление Право. 2022. № 3 (60). С. 60-66.

8. Степанов С.Д. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство): дис. ... к.ю.н. - Ростов-на-Дону, 2022. - 202 с.

9. Шахкелдов, Ф.Г., Степанов, С.Д. Рейдерство: понятие и криминалистическая характеристика способов совершения преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 3 (94). С. 103-107.

Systematization of crimes aimed at illegal seizure of property complexes of legal entities (raiding)

Doroshenko D.V.

Ural State Law University

The scientific article analyzes the doctrinal, legislative and law enforcement aspects of the systematization of crimes aimed at the illegal seizure of property complexes of legal entities (raiding).

A critical analysis of the positions presented in science was carried out, on the basis of which the author's classification of crimes aimed at the illegal seizure of property complexes of legal entities (raiding) was developed.

A proposal has been put forward on the advisability of supplementing the offenses auxiliary to raiding with a qualifying feature indicating the purpose of committing the crime.

Key words: raiding, raider seizure, systematization, object of the crime, method of committing the crime, purpose of the crime.

References

1. Voevodkin A.V. Criminal legal protection of relations in the management of a corporation as a way to counter raiding: dis. ... Ph.D. - Ekaterinburg, 2018. - 197 p.
2. Voronova O.S. Victimization of enterprises (legal entities) as a circumstance contributing to hostile takeovers (raider takeovers): dis. ... Ph.D. - M., 2016. - 184 p.
3. Grigoriev P.A. Social and legal conditionality of criminal prohibitions in the field of state registration of civil rights // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2023. № 1 (15). P. 60-68.
4. Demin G.A. Greenmail as a new socio-economic threat // Economics and business: theory and practice, international monthly scientific journal. 2023. № 4-1 (98). P. 104-107.
5. Zhilkin M.G. Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of business activity: problems of theory and practice: dissertation. ... Doctor of Law. Sci. - M., 2019. - 402 p.
6. Karpova E.G. Qualification and prevention of crimes committed through the use of dummies: dis. ... Ph.D. - Nizhny Novgorod, 2022. - 226 p.
7. Kochedykova V.M. Raider takeover: concept, types, methods // Economics Management Law. 2022. № 3 (60). P. 60-66.
8. Stepanov S.D. Features of the investigation of crimes related to the illegal seizure of property complexes of legal entities (raiding): dis. ... Ph.D. - Rostov-on-Don, 2022. - 202 p.
9. Shakhkeldov, F.G., Stepanov, S.D. Raiding: concept and forensic characteristics of methods of committing crimes // Yurist-Pravoved. 2020. № 3 (94). P. 103-107.

Предмет и пределы пересмотра приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в суде апелляционной инстанции

Лебедев Игорь Владимирович

аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Данная работа посвящена особенностям правового регулирования предмета и пределов судебного разбирательства, осуществляемого в суде апелляционной инстанции в отношении приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью определения современного подхода законодателя и правоприменителей к реализации апелляционного пересмотра таких приговоров. Цель: определить влияние уголовно-процессуальной формы рассмотрения и разрешения уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей на предмет и пределы судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции. Методологической основой исследования являются общенаучные методы познания (логический и функциональный методы), а также специально-юридические методы (формально-юридический, метод толкования норм права, статистического анализа). Результаты: 1) требование обоснованности включается законодателем в предмет апелляционной проверки такого приговора и заключается в проверке соответствия выводов суда, содержащихся в приговоре, обстоятельствам, признанных присяжными доказанными; 2) в рамках апелляционного пересмотра приговора, постановленного с участием коллегии присяжных, может быть осуществлено исследование новых и ранее исследованных доказательств, которые не касаются обстоятельств, установление которых отнесено к компетенции коллегии присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд присяжных, приговор, вердикт присяжных, производство в суде апелляционной инстанции, предмет апелляционного пересмотра, пределы апелляционного пересмотра.

Постановление законного обоснованного и справедливого судебного решения выступает главной целью и задачей правосудия. На данную особенность уголовного судопроизводства обращал свое внимание еще П.И. Люблинский, отмечая при этом следующее: «процесс в своем движении определяется известной целью, и это не решение правового спора и не осуществление карательного права государства, а постановление правосудного приговора» [11, С.36-37].

Вместе с тем вынесение правосудного приговора по уголовному делу – это сложный процесс, в рамках которого задействовано множество субъектов, наделенных разными процессуальными правами и обязанностями, а также преследующими свои собственные цели. Приведенная особенность свидетельствует о том, что в рамках данной деятельности попросту невозможно гарантировать, что сторонами в ходе судопроизводства не будут допущены какие-либо ошибки или нарушения. В этой связи возможность проверки итогового судебного решения на соответствие его обозначенным в законе требованиям, а также возможность их устранения выступает важной гарантией его обоснованности, законности и справедливости.

Деятельность по проверке приговоров, в свою очередь, различается по своему характеру и реализуется в различных формах. Особое место среди них занимает апелляционный пересмотр. Упомянутый способ проверки судебного решения существенно отличается от других форм, ввиду особого предмета и пределов судебного разбирательства. Об этом ярко свидетельствует позиция М.С. Строговича, который указывал следующее: «апелляция представляет собой такую форму обжалования и пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, при которой апелляционная инстанция (вышестоящий суд) по жалобе стороны вновь рассматривает дело так же, как его уже рассмотрел суд первой инстанции: проводит новое судебное следствие, заново допрашивает свидетелей и т.п., в результате чего выносит новый приговор» [18, С.474].

Обращаясь к положениям статей 389.9 и 389.13 УПК РФ, следует обратить внимание на отличительную особенность предмета судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции, заключающуюся в возможности проверки судебного решения с точки зрения обоснованности и предполагающую возможность повторного исследования доказательств, ранее исследованных судом первой инстанции, а также новых доказательств, что определяют особые пределы судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции.

Проверка обоснованности приговора, будучи исключительной прерогативой апелляционного пересмотра, раскрывается через призму положений статьи 389.16 УПК РФ, в которой предусматривается, что приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, если: 1) выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании; 2) судом не были учтены обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения дела по существу; 3) вынося приговор, суд не указал, почему из двух противоречивых доказательств, имеющих существенное значение разрешения для дела, он принял одно и отверг другое; 4) выводы суда содержат в себе существенные противоречия.

Порядок рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей подробно регламентирован в Главе 42 УПК РФ. Главными отличительными чертами данной формы уголовного судопроизводства выступает особая процедура рассмотрения и разрешения уголовного дела, оказывающая существенное влияние на постановляемый по его итогам приговор, основу которого образует вердикт коллегии присяжных заседателей, представляющий собой итоговое, немотивированное судебное решение, являющееся обязательным для председательствующего судьи. Приведенная особенность также влияет на возможность пересмотра такого приговора, поскольку немотивированное решение суда не может быть проверено с точки зрения обоснованности.

Сравнивая данные правовые институты, многие исследователи приходят к выводу о том, что они находятся в некоем противоречии друг с другом, которое выражается в следующем: приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, не может быть проверен с точки зрения обоснованности, поскольку его основу составляет вер-

дикт коллегии присяжных, в связи с чем «аннулируются» преимущества апелляционного пересмотра, обозначенные ранее [8, 163].

Данное противоречие разрешено законодателем довольно своеобразно. В статье 389.27 УПК РФ было закреплено, что приговор, постановленный с участием коллегии присяжных заседателей, не может быть пересмотрен ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Положениями статьи 389.25 УПК РФ также было установлено, что оправдательный приговор, вынесенный судом с участием присяжных заседателей, может быть отменен лишь из-за нарушений требований уголовно-процессуального закона.

Конституционный Суд РФ, при рассмотрении жалобы на неконституционность положений статьи 389.27 УПК РФ, сформировал правовую позицию, согласно которой исключение возможности проверки приговора с позиции его обоснованности не является нарушением права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, поскольку действующим законодательством предусмотрены специальные гарантии, компенсирующие отсутствие в таком приговоре мотивировочной части и предотвращающие его произвольную постановку [12]. Верховный Суд РФ также подчеркивает, что приговоры, постановленные на основе вердикта коллегии присяжных, не подлежат пересмотру в суде апелляционной инстанции в связи с несоответствием выводов суда, изложенным в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, и обращает свое внимание на то, что доказательства, относящиеся к фактическим обстоятельствам дела, не могут проверяться в апелляционной инстанции [15].

В этой связи многие авторы заключают, что приговор, постановленный на основании вердикта, не должен проверяться судом апелляционной инстанции. Так, по мнению В.Д. Потапова, приговоры, постановленные на основе вердикта присяжных, не должны быть включены в предмет апелляционной проверки [14, С.12]. Схожая позиция представлена в работе Б.Т. Безлепкина, который также придерживается позиции о том, что такой приговор не должен пересматриваться в апелляционной инстанции, поскольку уголовное дело, рассмотрение которого проводилось с участием коллегии присяжных, должно быть разрешено по существу исключительно с их участием, в каких бы инстанциях оно не пересматривалось [7, С.185-186].

Вместе с тем, позволим себе не согласиться с такой категоричной позицией.

Обращаясь к положениям статьи 297 УПК РФ, следует отметить, что ей не предусматривается какое-либо исключение в части требований, предъявляемых к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, в связи с чем к такому приговору также предъявляется требование обоснованности. Исключений не содержат и положения статьи 389.9 УПК РФ, в которых устанавливается предмет апелляционного пересмотра и которые также не предусматривают каких-либо исключений применительно к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.

В этой связи необходимо обратить внимание на положения статей 348 УПК РФ и 351 УПК РФ, предусматривающие порядок постановки председательствующим судьей такого приговора. Положениями статьи 348 УПК РФ устанавливается, что вынесенный присяжными вердикт является обязательным для председательствующего судьи, определяя тем самым вид постановляемого им приговора. В силу пунктов 2 и 3 статьи 351 УПК РФ председательствующий судья в описательно-мотивировочной части такого приговора должен изложить описание преступного деяния, в котором лицо было признано виновным или не виновным, со ссылкой на обстоятельства, установленные присяжными в постановленном ими вердикте, с приведением мотивов и доказательств в части юридической квалификации деяния или избранного основания для оправдания.

Таким образом, содержащееся в приговоре описание фактических обстоятельств, выводы суда относительно виновности или невиновности подсудимого в инкриминируемом ему деянии и выводы суда относительно юридической квалификации действий подсудимого с точки зрения уголовного закона должны соответствовать позиции коллегии присяжных, получившей свое отражение в постановленном ими вердикте, а также обстоятельствам, признанными ими доказанными. При этом председательствующий судья, в части юридической квалификации деяния и размера назначаемого наказания, должен приводить соответствующие мотивы.

Исходя из вышеизложенного следует признать, что предмет апелляционного пересмотра приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей, также включает в себя требование обоснованности, которое следует интерпретировать как соответствие выводов суда и описания преступного деяния, содержащихся в постановленном приговоре, фактическим обстоятельствам и позиции

присяжных, получивших свое отражение в постановленном ими вердикте. В этой связи следует признать, что предмет апелляционного пересмотра такого приговора является «ограниченным» лишь в части невозможности проверки доказанности обстоятельств, признанных доказанными присяжными заседателями в постановленном ими вердикте.

Приведенная позиция находит свое непосредственное подтверждение в сформировавшейся судебной практике, которая, в случае выявления нарушений требований статей 348 и 351 УПК РФ, отменяет такие приговоры со ссылкой «необоснованность» и на «противоречивость» выводов суда, содержащихся в описательно-мотивировочной части. Так, Верховный Суд РФ в одном из своих апелляционных определений пришел к выводу о необходимости отмены приговора, постановленного с участием коллегии присяжных заседателей, ввиду того, что суд первой инстанции признал подсудимых виновным в совершении преступления, в отношении которого присяжные не выносили вердикт [3]. Отменяя приговор, постановленный на основании вердикта, и направляя дело в суд первой инстанции с этапа обсуждения последствий вердикта, Пятый апелляционный суд общей юрисдикции указал на нарушение судом первой инстанции требований статей 348 и 351 УПК РФ, которое выразилось в том, что председательствующий судья исключил из описания объективной стороны преступления, в котором подсудимый был признан присяжными виновным, ряд фактических обстоятельств, признанных присяжными доказанными в постановленном ими вердикте [4]. В свою очередь, Московский городской суд, отменяя оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта, и возвращая дело в суд первой инстанции, сослался на то, что приведенные в приговоре основания оправдания подсудимого прямо противоречат обстоятельствам, который были установлены в вердикте коллегии присяжных [6].

Содержание предмета апелляционной проверки приговора суда присяжных напрямую обуславливает правомочия сторон в части возможностей обжалования такого решения, а также представления и исследования доказательств. Положения статьи 389.13 УПК РФ, устанавливающие пределы судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции, также не предусматривают каких-либо исключений в части пределов апелляционной проверки приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседате-

лей. Вместе с тем, Верховный Суд РФ, апеллируя к положениям статьи 389.27 УПК РФ, прямо указывает на недопустимость обжалования такого решения с точки зрения обоснованности и на невозможность проверки судом апелляционной инстанции доказательств, относящихся к фактическим обстоятельствам предъявленного лицу обвинения [15]. Приведенный подход находит своих сторонников и среди исследователей [1, С.115-116].

Тем не менее, здесь также необходимо учитывая обозначенные в статье 351 УПК РФ требования к постановке такого приговора, заключающиеся в необходимости приведения мотивировки в части юридической квалификации деяния и размера назначаемого подсудимому наказания, в связи с чем следует согласиться с позицией ряда исследователей, заключающих о возможности повторного исследования в суде апелляционной инстанции доказательств, которые ранее были исследованы на этапе обсуждения последствий вердикта и связаны с установлением обстоятельств, выходящих за пределы компетенции коллегии присяжных заседателей [2, С.170].

В этой связи представляется крайне важным подход, сформированный Конституционным Судом РФ в Постановлении от 07.07.2020 года №33-П и в Постановлении от 27.09.2022 года №35-П. Конституционный Суд РФ провозгласил возможность вызова в суд апелляционной инстанции лиц, исполнявших обязанности присяжных заседателей, для получения от их сведений относительно предполагаемых нарушений требований УПК РФ, допущенных в ходе рассмотрения дела и (или) при постановке вердикта [16]. Не касаясь вопросов, связанных с процессуальным статусом указанных лиц, следует обратить внимание на то, что: «выяснение соответствующих обстоятельств должно осуществляться непосредственно в заседании суда апелляционной инстанции в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона», при этом основанием для вызова присяжных будет являться обоснованное ходатайство, заявленное любой из сторон [17].

Обращаясь к правоприменительной практике следует отметить, что суды апелляционной инстанции также ориентируются на необходимость подачи стороной соответствующего ходатайства, содержащего в себе, помимо требования о приглашении присяжного для дачи объяснений, ссылок на конкретные обстоятельства, подтвержденные письменными или вещественными доказательствами, которые бы сви-

детельствовали о наличии обстоятельств, перечисленных в Постановлении от 07.07.2020 года №33-П.

В качестве примера можно привести позицию Верховного Суда РФ, который признал законным отказ суда апелляционной инстанции приглашать для опроса лицо, участвовавшее в рассмотрении дела в качестве присяжного заседателя, ввиду того, что в жалобе не были приведены конкретные факты, которые бы свидетельствовали о возможном оказании незаконного воздействия на присяжных заседателей [9]. Аналогичную позицию занял Московский городской суд, который в своем апелляционном определении, приводя мотивы отказа в вызове лиц, ранее исполнявших обязанности присяжных заседателей, указал следующее: «каких-либо фактов, указывающих на незаконное давление на присяжных заседателей, информации о высказывании присяжными своих мнений по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, о присутствии в совещательной комнате других лиц, суду апелляционной инстанции не представлено» [5].

Подводя итоги вышеизложенному можно заключить, что подход законодателя, отраженный в статьях 389.9 и 389.13 УПК РФ, не предусматривающий каких-либо исключений из предмета и пределов судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции применительно к приговору, постановленному на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, представляется логичным и обоснованным, поскольку предмет и пределы оказываются ограниченными только в части проверки доказанности обстоятельств, установленных в принятом присяжными вердикте. В этой связи представление апелляционного пересмотра приговора, постановленного на основании вердикта, как полного аналога кассационного пересмотра, представляется не совсем корректным, поскольку не учитывает позицию законодателя и правоприменительной практики, позволяющих реализовывать, за некоторыми исключениями, практически весь правовой инструментарий, предлагаемый апелляцией.

Литература

1. Агабаева А.В. Процессуальные особенности апелляционного обжалования прокурором приговоров, постановленных при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Криминлисть. – 2014. – №1(14). – С.111-116.
2. Алтынникова Л.И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в со-

временном российском апелляционном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук, Нижний Новгород. 255 с.

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.03.2019 года №56-АПУ19-4сп // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

4. Апелляционное определение Пятый апелляционный суд общей юрисдикции 25.11.2020 года №55-651/2020 // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 03.12.2020 года №10-186475/2020 // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

6. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2021 года №10-1493/21 // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

7. Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. М.: Проспект, 2014, 368 с.

8. Камнев А.С. Пересмотр не вступивших в законную силу приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в России: традиция и международные стандарты уголовного правосудия // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 391. – С.160–166.

9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.07.2023 года №19-УД23-20сп-А3 // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

10.Лантух Н.В. Правовая природа института пересмотра судебных решений // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. – 2007. – №4(36). – С.117-123.

11.Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса // Журнал Министерства юстиции. - Петроград: Сента.тип., 1916. 44 с.

12.Определение Конституционного Суда РФ от 13.01.2000 № 6-О «По жалобе гражданки Дудник Маргариты Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

13.Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1052-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

14.Потапов, В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: Москва, 2013. 67 с.

15.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. 01.12.2015 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2013. №1.

16.Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 года №33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева» // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

17.Постановление Конституционного Суда РФ от 27.09.2022 года №35-П «По делу о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В.И. Борисова» // СПС Консультант плюс (Дата обращения: 19.03.2024).

18.Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1958. 703 с.

Subject matter and limits of review of a judgement rendered on the basis of the verdict of a panel of jurors in a court of appeal instance

Lebedev I.V.

Russian State University of Justice

This paper is devoted to the peculiarities of the legal regulation of the subject and limits of the trial, carried out in the court of appeal instance, in relation to the verdict, decided on the basis of the verdict of the jury. The relevance of this topic is conditioned by the need to determine the modern approach of the legislator and law enforcers to the implementation of appellate review of such a sentence. Purpose: to determine the influence of the criminal procedural form of consideration and resolution of a criminal case with the participation of a panel of jurors on the subject matter and limits of the trial in the court of appeal instance, carried out in respect of the verdict rendered on the basis of the verdict of a panel of jurors. The methodological basis of the research are general scientific methods of cognition (logical and functional methods), as well as special-legal methods (formal-legal, method of interpretation of legal norms, statistical analysis). Results: 1) the requirement of reasonableness is included in the subject of appellate the requirement of validity is included in the subject of appellate review of such a verdict and consists in verification of compliance of the court's conclusions contained in the verdict with the circumstances recognised by the jury as proven; 2) within the framework of appellate review of the verdict, ruled with the participation of the jury panel, the study of new and previously investigated evidence may be carried out, which does not concern the circumstances, the

establishment of which is attributed to the competence of the jury panel.

Keywords: jury trial, verdict, jury verdict, appellate proceedings, subject matter of appellate review, limits of appellate review

References

1. Agabaeva A.V. Procedural features of the prosecutor's appeal against sentences decided in court proceedings with the participation of jurors // *Kriminlist.* – 2014. – No. 1(14). – P.111-116.
2. Altynnikova L.I. Features of the implementation of the principle of adversarial parties in modern Russian appellate proceedings in criminal cases: dis. ...cand. legal Sciences, Nizhny Novgorod. 255 pp.
3. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/05/2019 No. 56-APU19-4sp // *SPS Consultant Plus* (Date of appeal: 03/19/2024).
4. Appeal ruling of the Fifth Court of Appeal of General Jurisdiction 11/25/2020 No. 55-651/2020 // *SPS Consultant Plus* (Date of appeal: 03/19/2024).
5. Appeal ruling of the Moscow City Court dated December 3, 2020 No. 10-186475/2020 // *SPS Consultant Plus* (Date of appeal: 03/19/2024).
6. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 02/16/2021 No. 10-1493/21 // *SPS Consultant Plus* (Date of appeal: 03/19/2024).
7. Bezlepkin B.T. A judge's handbook on criminal proceedings. M.: Prospekt, 2014, 368 p.
8. Kamnev A.S. Revision of sentences passed by a court with the participation of jurors that have not entered into legal force in Russia: tradition and international standards of criminal justice // *Bulletin of Tomsk State University.* – 2015. – No. 391. – P.160–166.
9. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 27, 2023 No. 19-UD23-20sp-A3 // *SPS Consultant Plus* (Date of appeal: 03/19/2024).
10. Lantukh N.V. The legal nature of the institution of review of judicial decisions // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* – 2007. – No. 4(36). – P.117-123.
11. Lyublinsky P.I. New theory of criminal proceedings // *Journal of the Ministry of Justice.* - Petrograd: Senta.tip., 1916. 44 p.
12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 13, 2000 No. 6-O "On the complaint of citizen Margarita Viktorovna Dudnik about the violation of her constitutional rights by part one of Article 79 of the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // *SPS Consultant Plus* (Date of appeal: 19.03 .2024).
13. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 2, 2013 No. 1052-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Ivanovich Miroshnichenko about the violation of his constitutional rights by part two of Article 379 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // *SPS Consultant Plus* (Date of appeal : 03/19/2024).
14. Potapov, V.D. Basic principles of verification of court decisions in the control and verification stages and proceedings of criminal proceedings in Russia: abstract of thesis. dis. ... dr. legal Sciences: Moscow, 2013. 67 p.
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 27, 2012 No. 26 (as amended on December 1, 2015) "On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the appellate court" // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.* 2013. No. 1.
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 7, 2020 No. 33-P "In the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of part three of Article 56 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen R.A. Aliyeva" // *SPS Consultant Plus* (Date of access: 03/19/2024).
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 27, 2022 No. 35-P "In the case of verifying the constitutionality of parts one, two, paragraph 1 of part three of Article 56 and Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizen V.I. Borisova" // *SPS Consultant Plus* (Date of access: 03/19/2024).
18. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. M.: Nauka, 1958. 703 p.

Перспективные направления применения криминалистической компьютерной визуализации в целях реконструкции преступления

Силаков Олег Юрьевич

аспирант, кафедра криминалистики и правовой информатики, Кубанский государственный университет, osilakov@mail.ru

Данная статья обсуждает развитие криминалистической компьютерной визуализации как средства для улучшения расследования преступлений через создание визуальных образов объектов исследования с использованием современных технологий, так автор в начале статьи говорит об историческом развитии криминалистики в России и её эволюции от систематизации знаний до применения уголовной техники и тактики.

Далее, внимание уделяется методам и средствам компьютерной визуализации (такие как фото- и видеосъемка, компьютерное моделирование и создание трехмерных моделей), и их значение для успешного анализа и представления данных, полученных в ходе расследований.

Рассматриваются виды и классификация методов компьютерной визуализации, в том числе идентификацию, и вклад информационно-компьютерных технологий в криминалистическую деятельность.

Автор анализирует проблемы возникающие в процессе криминалистической компьютерной визуализации, например, использование искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа данных, 3D-моделирование для создания интерактивных сценариев преступлений и обсуждается интеграция криминалистической визуализации с другими методами расследования с целью создания новых технических и программных средств для улучшения процесса идентификации и анализа преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая компьютерная визуализация, расследование преступлений, компьютерное моделирование, 3D-моделирование, идентификация, методы криминалистики, технические средства криминалистики.

Исторически криминалистика развивалась как наука, позволяющая систематизировать знания и методы расследования преступлений, но уже в начале XX века в России начало складываться понимание криминалистики как системы знаний, которые нужны судебным деятелям для успешного расследования. В связи с этим главными компонентами предмета криминалистики стали знания о методах расследования преступлений, идентификацию преступников, еще позднее исследования направлялись на дальнейшую систематизацию криминалистики, разделяя её на уголовную технику, уголовную тактику и методологию, то есть на применение методов уголовной техники и тактики к расследованию преступлений [3].

Криминалистическая компьютерная визуализация – это новый вид деятельности при работе с цифровыми следами преступлений, она представляет собой направление в сфере криминалистики, объединяющее в себе использование компьютерных технологий для анализа, обработки и представления данных, имеющих значение для расследования преступлений и затрагивает применение программного обеспечения и аппаратных средств для создания визуальных образов объектов исследования, чтобы повысить эффективность и точность криминалистического анализа и экспертиз. Для данного метода используются статические и динамические средства визуализации, в том числе фото- и видеосъемка, компьютерное моделирование, создание виртуальных панорам и трехмерных моделей мест преступлений.

Сущность криминалистической компьютерной визуализации заключается в преобразовании полученных в ходе расследования данных в визуально воспринимаемые изображения, модели и схемы, данный подход облегчает восприятие и анализ информации, кроме этого дает возможность использовать компьютерное моделирование для воссоздания событий или объектов, имеющих отношение к преступлению.

Особое место информационно-компьютерное обеспечение приобретает в криминалисти-

ческой деятельности, где эффективность расследования зависит от объема и качества анализируемой информации, так информационно-аналитическая работа в рамках расследования включает: сбор, хранение, систематизацию и анализ доказательственной базы и других данных для принятия обоснованных тактических решений, а источниками такой информации служат заявления о преступлениях, результаты следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, выводы экспертов.

Рассмотрим основные виды и классификацию методов компьютерной визуализации – один из наиболее распространенных методов в криминалистике – фотография, которая осуществляется путем стереографической съемки, масштабной и макрофотосъемки, репродукционной и опознавательной фотосъемки. Например, стереографические установки на автомобилях ГИБДД используются для расследования ДТП, обеспечивая точную визуализацию места происшествия; масштабная съемка применяется для фиксации небольших объектов, таких как пули или следы обуви; макрофотосъемка позволяет получать изображения мелких деталей в натуральную величину или с небольшим увеличением; репродукционная фотосъемка ориентирована на создание точных копий плоскостных объектов, хотя в настоящее время её роль снижается из-за распространения цифровых технологий; а опознавательная фотосъемка используется для фиксации внешности лиц для уголовной регистрации или идентификации [1].

Криминалистическая идентификация является еще одним направлением, в котором активно используется компьютерная визуализация, здесь упор делается на идентификационные признаки, такие как оригинальность, воспроизводимость, выраженность, простота обнаружения и относительная устойчивость. Данный идентификационный комплекс признаков создает идентификационное поле, которое используется для достоверного отождествления объектов или лиц, а процесс криминалистической идентификации осуществляется как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме, в зависимости от стадии расследования и участников процесса. В рамках криминалистической идентификации используются различные объекты и субъекты, в том числе люди, материальные предметы, животные, растения, участки местности и помещения. Также различают идентификацию по материально-фиксированному отображению и по признакам об-

щего происхождения, например, части предмета, которые могут указать на его принадлежность к целому.

В предмет криминалистического исследования компьютерной информации входит разработка приемов и способов обнаружения, фиксации, изъятия и хранения компьютерной информации и техники, изучение состояния и процессов обработки компьютерной информации, состояния и функционирования электронно-вычислительной техники, еще одним направлением является установление стоимости компьютерной информации и техники с привлечением экспертов, обладающих знаниями в области оценочной деятельности.

Подобное криминалистическое исследование затрагивает классификацию компьютерной информации по носителю (жесткий магнитный диск, оперативное и постоянное запоминающее устройство, микропроцессоры, съемные носители, электронные средства связи), по функциональному назначению и по правовому статусу (документированная информация и информация без документированной формы) [4].

Средства криминалистического исследования подразделяются на разработанные специально для криминалистики, заимствованные из других наук и приспособленные для нужд криминалистики, и заимствованные из других отраслей и применяемые без изменений, но главными являются средства для сбора доказательств, фиксации хода и результатов следственных действий, исследования доказательств (упомянутые ранее фото-, видео- и аудиоаппаратура, специальные унифицированные следственные чемоданы и другое оборудование) [6].

Эффективное использование криминалистической техники и компьютерной визуализации в процессе раскрытия и расследования преступлений производится в соответствии с методами и методиками, разработанными наукой криминалистики, к примеру, методика изготовления гипсовых слепков следов обуви, методика фото- и видеофиксации хода и результатов следственного действия, методика дактилоскопирования и другие специализированные методики, используемые в лабораторных условиях специалистами-экспертами.

Существующие программные и технические средства криминалистической визуализации являются средствами, которые классифицируются по различным критериям, в том числе по сфере применения (уголовное судопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, административный и гражданский процессы), источник происхождения (заимствованные из

других наук и специально разработанные для криминалистики), по субъектам применения (следователи, эксперты, специалисты) [5].

Средства обнаружения и изъятия следов – техники для сбора следов с места преступления, такие как отпечатки пальцев, волосы, кровь, также методы обнаружения следов, например, использование осветительных приборов, луп, химических реагентов и технических устройств для детального изучения места происшествия.

В сфере программного обеспечения для криминалистической компьютерной визуализации выделяются такие продукты, как Acrobat PDF в Excel Converter, ProDiscover Forensic, Sleuth Kit (содержащий Вскрытие), CAINE и Google Takeout Converter, которые позволяют выполнять многие профессиональные задачи начиная от преобразования данных из формата PDF в таблицы Excel для анализа информации, извлечения и анализа данных с дисков и мобильных устройств, до обработки электронных сообщений и файлов, а особенностью данных программ является возможность работы с различными файловыми системами, создание копий устройств для сохранения доказательств, анализ интернет-истории, визуализацию данных из журналов вызовов и сообщений, пакетную обработку файлов.

Программные комплексы в судебной экспертизе работают по двум основным направлениям: автоматизированное решение задач с выдачей текста заключения эксперта и использование в диалоговом режиме экспертами для непосредственного решения задач идентификации, анализа и экспертизы.

С точки зрения технических средств, в криминалистике используются приборы и устройства, разработанные специально для собирания и исследования доказательств, такие как приборы для фоторазвертки поверхности пули, устройства для изготовления композиционных портретов, средства дактилоскопирования, оборудование, заимствованное из других научных областей, но адаптировано для нужд криминалистики, например, специализированные фотоустановки; используются устройства, не требующие модификаций для криминалистических целей. Сюда относятся как отдельные приборы и приспособления, так и наборы или комплекты, используемые для дактилоскопирования, исследования микрообъектов, унифицированные следственные и оперативные чемоданы и передвижные криминалистические лаборатории, что позволяет проводить всесторонние исследования непосредственно на месте происшествия [2].

Существующие методы и средства криминалистической компьютерной визуализации вызывают вопросы, требующие внимания, во-первых, развитие научно-технического прогресса приводит к постоянному обновлению компьютерной техники, что означает появление новых технических средств и исчезновение устаревших – данное обстоятельство ставит перед правоохранительными органами и экспертами задачу постоянного обновления знаний и методов работы с новыми видами техники, в частности, исчезновение некоторых видов носителей информации, например, дискет, и появление новых технологий, таких как IoT (Интернет вещей), которые требуют разработки новых приемов обнаружения, фиксации, изъятия и хранения компьютерной информации.

Второй проблемой является существующий выбор методов совершения компьютерных преступлений, начиная от опосредованного доступа к информации и заканчивая использованием сложных методов аудиовизуального и электромагнитного перехвата, например, метод "Троянский конь" предполагает тайное внедрение в программное обеспечение специальных программ, которые выполняют несанкционированные действия, сохраняя при этом прежние функции; другие методы содержат прямой и электромагнитный перехват данных, снятие информации по виброакустическому каналу, что является угрозой утечки информации.

В связи с данными проблемами перспективными направлениями применения криминалистической компьютерной визуализации становятся:

1) Развитие криминалистической компьютерной визуализации и улучшение точности и детализации визуализации места преступления, так как это тесно связано с прогрессом в области технико-криминалистических средств и методов, ведь как мы уже определили, современная криминалистика использует достижения науки и техники, в том числе электронно-вычислительную и электронно-оптическую технику, для сбора, фиксации и исследования доказательств.

2) Еще одной перспективой является искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение в анализе данных и визуализации, которые могут быть использованы для решения таких задач как анализ видео и изображений для идентификации лиц и объектов, анализ голосовых записей для определения голосовых характеристик, анализ текстовых документов для выявления связей между лицами и прогнозирование потенциальных преступлений на основе статистических данных и паттернов, сокращая время

расследования и повышая точность выявления доказательств и установления фактов [7].

В анализе генетической информации ИИ сравнивает ДНК, найденные на месте преступления с ДНК подозреваемых или других лиц для определения причастности к преступлению, что полезно для идентификации подозреваемых и исключения невиновных лиц, и установлении родственных связей.

3) Далее, самый распространенное и наиболее продуктивное направление – 3D-моделирование и создание интерактивных сценариев преступлений, которое активно развивается в рамках современных правоохранительных и исследовательских практик, например, в криминалистике, 3D-моделирование и технологии виртуальной реальности применяются для точной фиксации и визуализации мест происшествий, следов обуви, транспортных средств и других важных объектов, благодаря данным методам создаются детализированные трехмерные модели, которые обеспечивают многократное изучение сцены преступления без физического присутствия на ней.

Основным преимуществом использования технологий 3D-моделирования является получение объемного визуального образа исследуемого объекта или места происшествия, которое помогает реконструкции недостающих элементов и сохраняет первоначальный вид объекта исследования для последующего анализа, к тому же, трехмерная визуализация облегчает хранение и транспортировку данных, поскольку вся информация о сцене преступления зафиксирована и сохранена в электронном виде.

Среди применяемых технологий выделим: лазерное 3D-сканирование (с высокой точностью фиксирует и воспроизводит объемные модели мест происшествий и объектов на них), а примером такой технологии является лазерный сканер LEICA BLK360, который получает детализированные трехмерные изображения сцен преступления; ручные лазерные 3D-сканеры, такие как ZScanner 800 для сканирования объектов различных размеров с высокой степенью точности для измерения расстояний, площадей, объемов и углов [8].

Кроме физических объектов и мест преступлений, 3D-моделирование и интерактивные сценарии используются и в сфере молекулярно-генетических исследований, так генетические технологии, проводящие анализ ДНК обеспечивают быструю и относительно доступную идентификацию личности по биологическим образцам (такие методы, как ПЦР (полимеразная цепная реакция) и различные методы

секвенирования ДНК, которые позволяют определять лица, участвующие в преступлении, по минимальному количеству оставленных ими следов).

4) Из последнего вытекает интеграция криминалистической визуализации с другими методами расследования, так как криминалистическая техника развивается в направлении создания новых инструментов и методов, которые классифицируются на основе их происхождения, сферы применения и целей использования, в частности, как уже было отмечено ранее, они могут быть разработаны специально для криминалистики и заимствованы из других наук и отраслей знаний или использоваться без изменений.

Среди новых направлений в криминалистической технике выделяют одорологию, вокалологию и фоноскопию, а также КЭМВИ (криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий): одорология занимается изучением запахов для определения личности и обнаружения следов; вокалология и фоноскопия изучают звуковые колебания для идентификации личности и раскрытия преступлений; а КЭМВИ – потенциальная альтернатива традиционным судебным экспертизам, которая проводит исследования различных материалов и веществ, в том числе нефтепродукты, наркотические вещества, почву и прочее.

Литература

1. Бертовский Л.В., Кучерков И.А., Лисовецкий А.Л. Криминалистический рендеринг: основные положения // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 7 (86). – С. 250-253.
2. Ваценко А.А. Обзор техник компьютерной криминалистики // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6, № 6. – С. 167-174. – URL: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/21>.
3. Возгрин И.А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография [Текст] : учебник. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 475 с.
4. Волеводз А.Г. Компьютерная информация как объект криминалистического следования / А.Г.Волеводз // Криминалистическая техника : учебник / Отв. ред. И.М. Балашов, рук. колл. С.В. Маликов. – М. : Юрлитинформ, 2008. – С. 336-381.
5. Криминалистика : учеб. пособие / А.И. Баstryкин. – 2-е изд., доп. – М. : [б. и.], 2019. – ISBN 978-5-6041189-0-0. – 504 с.
6. Криминалистическая техника : учебник / Под ред. канд. юрид. наук, доц. К. Е. Дёмина. – М. : [б. и.], 2017.

7. Перелыгин А.Е. Применение искусственного интеллекта в криминалистическом анализе: возможности и этические вопросы // Актуальные исследования. – 2023. – № 52 (182). Ч. II. – С. 44-46. – URL: <https://apni.ru/article/8027-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-krimin> (дата обращения: 29.03.2024).

8. Фролова А.В., Потапова Н.Л. Проблемы фиксации и изъятия следов ног, обнаруженных на месте происшествия, и путь их решения // Инновационная наука. – 2023. – № 5-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-fiksatsii-i-izyatiya-sledov-nog-obnaruzhennyh-na-meste-proisshestiya-i-put-ih-resheniya> (дата обращения: 30.03.2024).

Promising directions for the application of forensic computer visualization for the purposes of crime reconstruction

Silakov O.Yu.

Kuban State University

This article discusses the development of forensic computer visualization as a means to improve the investigation of crimes through the creation of visual images of research objects using modern technologies, as the author at the beginning of the article talks about the historical development of forensic science in Russia and its evolution from the systematization of knowledge to the use of criminal technology and tactics .

Next, attention is given to computer visualization techniques and tools (such as photography, videography, computer modeling, and 3D modeling) and their importance for the successful analysis and presentation of investigative data.

The types and classification of computer visualization methods, including identification, and the contribution of information and computer technologies to forensic activities are considered.

The author analyzes the problems encountered in the process of forensic computer visualization, for example, the use of artificial intelligence and machine learning for data analysis, 3D modeling to create interactive crime scenarios, and discusses the integration of forensic visualization with other investigative methods in order to create new hardware and software tools to improve the process identification and analysis of crimes.

Keywords: forensic computer visualization, crime investigation, computer modeling, 3D modeling, identification, forensic methods, forensic technical tools.

References

1. Bertovsky L.V., Kucherov I.A., Lisovetsky A.L. Forensic rendering: basic provisions // Eurasian Legal Journal. – 2015. – No. 7 (86). – pp. 250-253.
2. Vatsenko A.A. Review of computer forensics techniques // Bulletin of Science and Practice. – 2020. – Т. 6, No. 6. – P. 167-174. – URL: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/55/21>.
3. Vozgrin I.A. Introduction to criminology. History, basic theory, bibliography [Text]: textbook. – St. Petersburg. : Publishing house "Legal Center Press", 2003. - 475 p.
4. Volevodz A.G. Computer information as an object of forensic investigation / A.G. Volevodz // Forensic technology: textbook / Responsible. ed. THEM. Balashov, director coll. S.V. Malikov. – M.: Yurлитinform, 2008. – P. 336-381.
5. Forensics: textbook. allowance / A.I. Bastrykin. – 2nd ed., add. – M.: [b. i.], 2019. – ISBN 978-5-6041189-0-0. – 504 p.
6. Forensic technology: textbook / Ed. Ph.D. legal Sciences, Associate Professor K. E. Demina. – M.: [b. i.], 2017.
7. Perelygin A.E. Application of artificial intelligence in forensic analysis: possibilities and ethical issues // Current research. – 2023. – No. 52 (182). Part II. – pp. 44-46. – URL: <https://apni.ru/article/8027-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-krimin> (date of access: 03/29/2024).
8. Frolova A.V., Potapova N.L. Problems of fixing and removing footprints found at the scene of an incident, and the way to solve them // Innovative science. – 2023. – No. 5-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-fiksatsii-i-izyatiya-sledov-nog-obnaruzhennyh-na-meste-proisshestiya-i-put-ih-resheniya> (date of access: 03/30/2024) .

Личность преступника как основной элемент криминалистической характеристики по делам об оскорблении

Спирев Дмитрий Вадимович

аспирант кафедры криминалистики, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), dmitryspirev@yandex.ru.

Данная работа анализирует понятие оскорбления с точки зрения уголовного и административного права, автор выделяет его формы - от словесных до кибероскорблений, далее упор делается на юридические последствия оскорблений, в том числе изменения в российском законодательстве, которые перекалфицируют уголовную ответственность за оскорбление в административную, за исключением особых случаев.

Автор подробно останавливается на критериях классификации преступлений и обсуждает социальную и материальную ответственность нарушителей, более того статья освещает сложности судебного процесса по делам об оскорблении, в частности из-за проблем доказывания и типичных ошибках квалификации.

Проводится психологический портрет лиц, склонных к совершению оскорблений, он раскрывается через анализ характерных черт личности и социально-демографических особенностей, вдобавок рассматриваются мотивы и цели совершения оскорблений.

Ключевые слова: оскорбление, уголовное право, административная ответственность, криминалистическая характеристика, доказательство, классификация преступлений, психологический портрет, социально-демографические особенности, мотивы и цели, судебная практика.

Оскорбление, рассматриваемое как унижение, направленное на вред чести и достоинству индивида, выражается через устные, письменные высказывания на публичных площадках и бывают в нескольких проявлениях, поскольку оскорбление в публичной форме имеет потенциал распространяться шире и наносить более значительный вред чести и достоинству человека, то есть когда оскорбление происходит на публичных площадках или через средства массовой информации, это увеличивает количество потенциальных свидетелей, и может вызывать общественный резонанс – в таких случаях унижение становится не просто личной проблемой пострадавшего, но превращается в общественное событие, которое усиливает его отрицательные последствия, а сама концепция оскорбления, определенная в законодательстве, указывает на его противоправный характер с возможными юридическими последствиями, фокусируясь на публичности деяния и использовании средств массовой информации как агрегатора оскорблений.

В российском законодательстве основные положения о защите чести и достоинства, и об ответственности за оскорбление, содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (статьи, касающиеся защиты чести, достоинства и деловой репутации) и в Уголовном кодексе РФ (например, статья 319, которая регулирует ответственность за оскорбление представителей власти), Кодекс об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) также предусматривает ответственность за оскорбление в статье 5.61, хотя в законе рассматриваются различные формы оскорбления, в том числе словесные (устные или письменные высказывания), юридически не всегда ясно выделены такие формы, как невербальные или психологические оскорбления, например, невербальные оскорбления могут проявляться в виде жестов, выражений лица или других действий, которые могут быть интерпретированы как унижающие или уничижительные, но такие случаи часто требуют более детального рассмотрения в суде для установления их оскорбительного характера; психологические

оскорбления, которые содержат действия или поведение, наносящие вред психологическому состоянию человека, также не выделены в законе отдельно, но они могут подпадать под общие положения о защите чести и достоинства, если будет доказано, что такое поведение носило унижающий характер. Но, с другой стороны, если речь идет о психологическом насилии, которое имеет признаки систематичности, то оно может быть классифицировано как более серьезное правонарушение, рассматриваться не просто как оскорбление, но и как форма издевательств или даже домашнего насилия, который подразумевает другой уровень ответственности (ст. 116 УК РФ или ст. 117 УК РФ).

Что касается оскорбительных сообщений в интернете, то они наряду с унижением достоинства личности, признаются преступлением (КоАП РФ Статья 5.61.), то есть с точки зрения права выделяется вся серьезность воздействия негативных высказываний на эмоциональное состояние и самооценку человека, выступая в качестве нарушения моральных норм и требующего правового вмешательства для защиты личности.

Уголовное право РФ отражает ответственность за оскорбления, причем изменения в Уголовном кодексе РФ 2011 года не исключают ответственности за оскорбление личности, а лишь модифицируют подходы к ее регулированию касаясь различных действий – от нарушения прав на свободу совести до хулиганства и неуважения к суду.

В то же время, хамство, являясь одним из проявлений агрессивного общения характеризуется грубостью, игнорированием общественных норм и недостатком эмпатии, которое порождает враждебную атмосферу и подрывает основы здорового общения и социального взаимодействия, ведь оно проявляется как в повседневной жизни, так и в цифровом пространстве, усугубляя психологические проблемы жертв и снижая качество социального взаимодействия.

В соответствии с текущим законодательством, уголовная ответственность за оскорбление была заменена на административную, за исключением специфических случаев [9], таких как оскорбление военнослужащих или представителей власти, так, сейчас в силу изменений, произошедших до 2012 года, оскорбление личности регулируется статьёй 5.61 КоАП РФ, которая предусматривает штрафы за оскорбление в неприличной и иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, за оскорбление в публичной форме или

с использованием средств массовой информации, и за непринятие мер по предотвращению оскорбления личности [1].

Уголовная ответственность может наступать в случаях, когда оскорбление сопряжено с нарушением других статей УК РФ, например, при оскорблении религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ) [2], в контексте неуважения к суду (ст. 297 УК РФ) или оскорбления представителей власти или военнослужащих (ст. 319 УК РФ).

Процесс привлечения к ответственности за оскорбление требует доказательства факта нарушения, в случае оскорблений в соцсетях и других формах цифрового общения, Верховный суд РФ требует предоставления убедительных аргументов и доказательств, например, таких как свидетельские показания, аудио- и видеозаписи, заключение лингвистических экспертиз [6].

Если рассматривать динамику преступлений связанных с оскорблением и клеветой в России, то, например, Статья 148 УК РФ, касающаяся нарушения права на свободу совести и религиозных чувств, показывает, что в основном лица, осужденные по части 1 этой статьи, подвергались штрафам (5 случаев) и обязательным работам (3 случая), а по части 3 одно лицо было оштрафовано, лишение свободы было применено в двух случаях по части 1 статьи 148.

В области оскорбления и клеветы, классифицируемых как административные правонарушения (статьи 5.61, 5.61.1 КоАП), в 2022 году было рассмотрено 17 088 дел – из них 14 173 человека были подвергнуты наказанию, что составляет 82% от общего числа рассмотренных дел. Показатель оправданных составил 6%, или 1 058 человек. Подавляющее большинство наказаний было наложено в форме штрафов (14 134 случая), общая сумма которых составила 45 625 тыс. рублей, то есть показывая финансовую роль санкций в административной практике по данным категориям дел, средний размер штрафа составил приблизительно 3 тыс. рублей [5].

То есть, общим и целом выводом является тот факт, что судебная система в РФ стремится к более сдержанным формам наказания за деяния, которые не представляют высокую степень общественной опасности, в частности, за оскорбление личности, но при этом она накладывает социальную и материальную ответственность на нарушителей. В то же время доказывание факта оскорбления оскорблений в судебной практике затруднено проблемами, ко-

торые обусловлены как особенностями законодательства и судопроизводства, так и характером самого оскорбления как деяния.

Типичной ошибкой в квалификации действий как оскорбление является разграничение между частными и публичными оскорблениями, так, Верховный Суд Российской Федерации уточняет, что оскорбления, совершенные в личной переписке, например, через СМС-сообщения или в мессенджерах, квалифицируются как частные и предполагают более мягкое наказание, в то же время оскорбления, совершенные публично (в том числе публикации в интернете), влекут за собой более строгое наказание. В то же время правовая квалификация оскорбления зависит не только от формы выражения, но и от контекста, в котором оно было совершено и от убедительности аргументов заявителя.

Для квалификации высказывания как оскорбления не имеет значения, соответствует ли отрицательная оценка действительности, то есть даже если основания для критики имеют место в реальности, но выражены в неприличной форме, такое высказывание рассматривается как правонарушение, а судебная практика показывает, что решения об административных правонарушениях за оскорбление составляются прокурорами и рассматриваются мировыми судьями [8].

Так, на основе общих знаний о криминологии и юридической психологии составим портрет личности, например, типичными психологическими чертами, которые могут быть присущи лицам, совершающим оскорбления это [7]:

- Низкая самооценка, например, часто такие лица пытаются компенсировать свои комплексы или неуверенность за счет унижения других.

- Агрессивность и враждебность, которая связана со склонностью к агрессивным проявлениям и неспособностью контролировать свои эмоции.

- Неспособность понимать и сопереживать чувствам другого человека (отсутствие эмпатии) позволяет без сожаления причинять психологический вред.

- Повышенное чувство собственной значимости, нарциссические черты и желание быть в центре внимания даже за счет негативного воздействия на других.

- Склонность к спонтанным/импульсивным действиям без предварительного обдумывания последствий.

- Неспособность управлять своим гневом и агрессией в социально приемлемой форме.

Хоть эти характеристики не являются универсальными для всех лиц, совершающих преступления по делам об оскорблении, так как каждый случай требует индивидуального анализа, но тем не менее, стоит понимать возможные психологические особенности.

С точки зрения социально-демографических и биографических особенностей преступников, то они зависят от многих факторов, например, такие как культурные и социальные условия общества, поэтому конкретные данные сильно варьируются в зависимости от региона, социально-экономического статуса, но все же можно выделить общие тенденции, например, преступления, связанные с оскорблением совершаются лицами различных возрастных категорий, но нередко к таким действиям прибегают молодые люди особенно в интернет-среде, что обусловлено меньшей зрелостью, склонностью к импульсивным поступкам и менее развитыми навыками социального взаимодействия.

Мужчины более склонны к совершению оскорблений в агрессивной форме, в то время как женщины используют более тонкие и косвенные формы оскорблений, но также данная тенденция не является абсолютной.

Преступления, связанные с оскорблением, не имеют четкой корреляции с уровнем образования, например, лица с различным уровнем образования и из разных социальных слоев совершают подобные действия по разным мотивам.

Наличие или отсутствие стабильных социальных связей, в том числе семейное положение, влияет на поведение лиц, склонных к совершению оскорблений, так как отсутствие поддержки и понимания в семье или социальной группе усиливает склонность к агрессивному поведению и использованию оскорблений как способа самовыражения и/или самоутверждения.

Лица, ранее совершившие преступления или административные правонарушения более склонны к повторным действиям этого рода, связано это как с устойчивыми чертами личности, так и с отсутствием мер социальной реабилитации.

Мотивы и цели совершения преступлений по делам об оскорблении различаются в зависимости от конкретных обстоятельств дела, личности обвиняемого и взаимоотношений между участниками, но перечислим наиболее распространенные причины, по которым совершаются подобные преступления:

– Эмоциональная реакция – многие случаи оскорблений происходят в результате спонтанных эмоциональных реакций на какие-то действия, слова или обстоятельства, например, ответ на критику, несправедливость, или любую другую ситуацию, вызвавшую сильные эмоции.

– Желание унижить или навредить репутации – иногда оскорбления совершаются с целью умышленно унижить человека в глазах других, повредить его репутацию или социальный статус из-за личных конфликтов, зависти или желания отомстить.

– Проявление дискриминации или предвзятости (мотивированы расовыми, национальными, половыми предрассудками или любыми другими формами дискриминации) – во всех этих случаях оскорбления направлены на принижение группы людей на основании их признаков или принадлежности.

– Попытка контроля или манипуляции, как средство психологического давления, например, для того, чтобы заставить человека выполнить определенные действия или отказаться от своих убеждений.

– Под воздействием алкоголя или наркотических веществ человек может потерять контроль над своим поведением и сказать или сделать что-то оскорбительное, не задумываясь о последствиях.

– Иногда оскорбления являются неумышленными и происходят из-за непонимания, неверной интерпретации слов или действий другого человека и из-за недостатка навыков общения.

В заключении выделим, что изучение принципов и проявлений оскорбления обогащает правоприменительную практику и помогает создать более точные стратегии реагирования и предотвращения таких действий, а рассмотрение психологических и социальных факторов, способствующих оскорблениям, позволяет углубленно анализировать причины и последствия данных правонарушений, и подходить к каждому случаю индивидуально – поэтому все это в совокупности развивает более справедливую систему правосудия, которая способна защищать честь и достоинство личности в современном обществе.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 11.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). Статья 5.61. Оскорбление.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с

изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). Статья 213. Хулиганство.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

5. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1>, свободный. – Загл. с экрана.

6. Ахунзянова Ф.Т. Современная лингвоэкспертная практика в сфере речевых правонарушений: актуальность и проблемы // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-lingvoekspertnaya-praktika-v-sfere-rechevyh-pravonarusheniy-aktualnost-i-problemy> (дата обращения: 09.04.2024).

7. Душенко М.М., Рудин А.В., Евстафиади Я.К. К вопросу о способе клеветы как об основном элементе криминалистической характеристики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sposobe-klevety-kak-ob-osnovnom-elemente-kriminalisticheskoy-harakteristiki> (дата обращения: 06.04.2024).

8. Кочеткова М.В., Головинская И.В. Судебно-лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении, рассматриваемым у мирового судьи // Бюллетень науки и практики. – 2020. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-ekspertiza-po-delam-ob-oskorblenii-rassmatrivaemym-u-mirovogo-sudii> (дата обращения: 07.04.2024).

9. Ларин В.Ю. Современное состояние российского уголовного законодательства об ответственности за оскорбление сотрудника органов внутренних дел и перспективы его совершенствования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №11-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-oskorblenie-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-i> (дата обращения: 10.04.2024).

The personality of the criminal as a main element of criminal characteristics in cases of insult

Spirev D.V.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

This work analyzes the concept of insult from the point of view of criminal and administrative law, the author identifies its forms - from verbal to cyber insults, then the emphasis is on the legal consequences of insults, including changes in Russian legislation that reclassify criminal liability for insult as administrative, except in special cases.

The author dwells in detail on the criteria for the classification of crimes and discusses the social and financial responsibility of violators; moreover, the article highlights the difficulties of the judicial process in cases of insult, in particular due to problems of proof and typical qualification errors.

A psychological portrait of persons prone to committing insults is carried out, it is revealed through an analysis of characteristic personality traits and socio-demographic characteristics, in addition, the motives and goals of committing insults are examined.

Keywords: insult, criminal law, administrative responsibility, forensic characteristics, evidence, classification of crimes, psychological portrait, socio-demographic characteristics, motives and goals, judicial practice.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on March 11, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024). Article 5.61. Insult.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on March 23, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024). Article 148. Violation of the right to freedom of conscience and religion.
3. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on March 23, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024). Article 213. Hooliganism.
4. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on March 23, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024). Article 282. Inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity.
5. Administrative offences. Indicators for individual offenses 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1>, free. - Cap. from the screen.
6. Akhunzyanova F.T. Modern linguistic expert practice in the field of speech offenses: relevance and problems // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 14. Law. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-lingvoekspertnaya-praktika-v-sfere-rechevyh-pravonarusheniy-aktualnost-i-problemy> (date of access: 04/09/2024).
7. Dushenko M.M., Rudin A.V., Evstafiadi Y.K. On the question of the method of slander as the main element of forensic characterization // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sposobe-klevety-kak-ob-osnovnom-elemente-kriminalisticheskoy-harakteristiki> (date of access: 04/06/2024).
8. Kochetkova M.V., Golovinskaya I.V. Forensic linguistic examination in cases of insult considered by a magistrate // Bulletin of Science and Practice. – 2020. – No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-ekspertiza-po-delam-ob-oskorblenii-rassmatrivaemym-u-mirovogo-sudi> (date of access: 04/07/2024).
9. Larin V.Yu. The current state of Russian criminal legislation on liability for insulting an employee of internal affairs bodies and prospects for its improvement // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 11-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-oskorblenie-sotrudnika-organov-vnutrennih-del-i> (date of access: 04/10/2024).

Использование видеоигр в политической агитации: от игровых механик к политической стратегии

Аверьянов Андрей Сергеевич

аспирант, кафедра политических институтов процессы и технологии, РУДН, andreyavt@mail.ru

Статья исследует многофункциональность видеоигр как средства массовой коммуникации фокусируясь на их роли в политической агитации и образовании, автор определяет видеоигры как интерактивные системы, которые могут воздействовать на пользователя через графический интерфейс и звук.

Основная часть текста освещает исторические и современные примеры использования видеоигр для политических кампаний, начиная с избирательной кампании Барака Обамы и заканчивая интеграцией политических сообщений в популярные игры, такие как "Animal Crossing", автор анализирует, как через игровые механики и сюжеты передаются политические идеи, формируются общественные мнения и проводятся культурные кампании.

Примеры содержат использование игр для мобилизации поддержки социальных движений, таких как Black Lives Matter, образовательные симуляторы, которые позволяют пользователям участвовать в управлении виртуальными государствами и влияние игр на социальное поведение и эмпатию, подкрепленные результатами недавних исследований.

В заключении статьи анализируется потенциал видеоигр как платформы для политической агитации, но с другой стороны описываются риски, связанные с пропагандой и потерей развлекательной стоимости.

Ключевые слова: видеоигры, политическая агитация, интерактивное обучение, культурные кампании, политические кампании, социальное воздействие, медийные платформы, симуляторы управления, политическая стратегия, образовательный потенциал.

Видеоигры – электронные игры, где взаимодействие пользователя с игровым интерфейсом и системой происходит через графическое отображение, подключенное к компьютеру или игровой консоли; основная цель видеоигр заключается в создании виртуальной среды, которая предлагает игроку испытания и задачи, требующие от него принятия решений и выполнения действий с целью достижения определенных игровых результатов, так, видеоигры содержат как элементы графики и звука, так и сложные алгоритмы, создающие условия для интерактивности и погружения в игровой процесс.

Видеоигры, как говорится в исследовании Франциско-Игнасио Ревуэльты-Домингеса и соавторов, являются не только развлечением, но и содействуют культурной трансмиссии и социализации через интерактивный контент [3], в связи с этим видеоигры можно признать средством неформального обучения и культурного обмена особенно в эпоху глобализации, при этом видеоигры используются в академической среде не только для исследований, но и в образовательных целях, что подтверждается работами из разных дисциплин, от STEM до гуманитарных наук [5].

Политическая агитация – это деятельность, направленная на формирование или изменение политических убеждений и мнений среди населения, то есть стратегическое использование сообщений и информационных кампаний для мобилизации общественного мнения или поддержки определенных политических действий и инициатив. Данные активности проводятся методами коммуникации, в том числе через публичные выступления, масс-медиа и социальные сети, каждый из которых имеет цель мобилизовать общественное мнение в поддержку определенных политических целей.

Использование видеоигр в политических целях на протяжении истории выявляет их как средство коммуникации, одним из первых примеров политической рекламы в видеоиграх стала кампания Барака Обамы в 2008 году, когда его изображения и политические сообщения были интегрированы в 18 популярных видеоиграх, таких как "NBA Live 08" и "Burnout Paradise" и позволила донести свою политическую агенду до молодой аудитории через привычные и любимые ими платформы [8].

Кроме рекламных кампаний, видеоигры использовались для более прямой политической агитации и образования, например, серия игр, таких как "Democracy Cat" и "Time for Democracy" предоставляет игрокам возможность исследовать и участвовать в управлении виртуальным демократическим государством для лучшего понимания политических процессов [9].

Далее, игры используются для культурных и социальных кампаний – примерами этого служат виртуальные акции в поддержку движения Black Lives Matter в таких играх, как “Animal Crossing”, “The Sims”, и “Grand Theft Auto”, где игроки могли участвовать в мирных демонстрациях или устанавливать памятники жертвам полицейского насилия; видеоигры становятся платформами для политической активности, например, конгрессумен А. Окасио-Кортес использовала Animal Crossing для виртуальных предвыборных туров, где общалась с игроками и размещала предвыборные плакаты.

Но влияние видеоигр на политику и общество не ограничивается только рекламой, например, игры, такие как “Fallout” и “Metal Gear Solid”, имеют явные антиядерные послания и комментируют политические темы, такие как иммиграция и насилие с применением огнестрельного оружия, становясь примерами политической активности через популярную культуру, а, опять же, в играх типа “Animal Crossing” внедрены механики, основанные на капитализме, который рассматривается как форма влияния на культурные и политические представления игроков.

Еще одним принципом использования видеоигр в политических целях является военная пропаганда и вербовка, то есть в них содержатся элементы политической агитации, которая часто воспроизводит конкретные идеологические сообщения или поддерживают определённые политические структуры. Примером такой игры является “America’s Army”, разработанная по заказу США для набора в армию и использовалась для привлечения новых рекрутов, демонстрируя жизнь и деятельность в армии США, здесь проявляется стратегия вербовки, так как в интерактивной и занимательной форме молодежь изучает военную жизнь.

В России вызвала ажиотаж игра “Atomic Heart”, которая разворачивается в альтернативной версии СССР 1950-х годов, где технологии опережают своё время, она вызвала живые дискуссии относительно потенциальной политической пропаганды, так как символика и архитектура, характерные для Советского Союза, которыми изобилует игра, позволяют некоторым критикам считать её инструментом пропаганды коммунистической идеологии, став одной из причин, по которой игра столкнулась с обвинениями в романтизации советской эпохи.

Реакция на “Atomic Heart” оказалась весьма поляризованной: с одной стороны, игра получила высокие оценки за механику и атмосферу, с другой — столкнулась с критикой и даже призывами к бойкоту, особенно со стороны Украинского правительства, которое выразило озабоченность по поводу прославления советской идеологии и связей разработчиков с Россией, по этим обвинениям и дискуссиям вокруг игры можно определить восприятие исторических и культурных символов в современных медиапродуктах [6].

То есть благодаря различным жанрам и механикам видеоигры становятся средством внедрения политических сообщений, здесь одним из примеров являются политические стратегии от студии Kremlingames – игра “Crisis in the Kremlin”, которая

позволяет игрокам примерить на себя роль главного секретаря КПСС и управлять страной в критический период, сталкиваясь с внутренними и внешними угрозами. Игра использует политическую стратегию для иммерсивного погружения игроков в исторические и политические реалии, побуждая их к размышлениям о реальных исторических событиях и альтернативных исходах, которые предоставляют игрокам возможность управлять государством в период перестройки или попытаться сохранить СССР в наши дни, данные игры часто содержат решения, которые напрямую влияют на политическую ситуацию в игровом мире, тем самым поднимая вопросы управления и власти.

Еще один популярный метод внедрения политических идей — это создание симуляторов, таких как “Tropico 6” (игроки в роли диктатора маленького островного государства развивают свою нацию через различные исторические эпохи), где игроки принимают на себя роль губернатора, сталкивающегося с различными политическими проблемами на пути от колониальной эпохи до современности, в подобных играх игрокам приходится управлять экономическими, социальными и внешнеполитическими отраслями своего государства.

Такие игровые платформы и разработчики используют разные жанры: от стратегий и симуляторов до ролевых и многопользовательских боевиков, для привлечения внимания к различным политическим идеям и концепциям, делая политическое содержание доступным и понятным для аудитории.

Ведь исследования демонстрируют, что игры могут формировать социальные отношения и уровни эмпатии, например, один из экспериментов показал, что участие в играх с определённой точки зрения, таких как симуляторы эмиграционного контроля может уменьшить готовность помогать иммигрантам, меняя социальные настройки и эмпатию игроков по отношению к ним [7].

А использование игровых элементов в образовательной сфере (геймификация) показало, что у учащихся повышается мотивация и вовлечённость, хоть результаты варьируются в зависимости от контекста и реализации [4], но одно определяется точно – различные игровые механики, такие как возможность выбора действий или развитие персонажа усиливают погружение в игровой процесс и тем самым больше влияют на пользователей.

Существенное влияние игр связано с тем, как игроки идентифицируют себя с персонажами или действиями в игре, например, эффект Протея, который описывает изменения в поведении игрока в зависимости от характеристик его аватара приводит к изменению поведения игроков в реальной жизни, особенно это заметно в случаях, когда игроки перенимают черты своих аватаров, такие как стиль или одежда.

Из всего перечисленного вытекает, что видеоигры как средство массовой информации предоставляют игрокам возможность развить социальные навыки и эмпатию, так как часто требуют от игроков сотрудничества и понимания различных перспек-

тив, оно приводит к формированию новых сообществ и укреплению связей между людьми различных культур и географических регионов, так, например, игры в жанре массовых многопользовательских онлайн-игр позволяют игрокам из разных стран общаться друг с другом.

С точки зрения поведенческих теорий, таких как теория социального обучения, видеоигры влияют на восприятие и поведение пользователей через механизмы моделирования и имитации, например, коммуникация в играх благоприятствует освоению новых навыков или приспособлению к определенным ситуациям [2], в то же время, интерактивность видеоигр, позволяет пользователям принимать решения и видеть их последствия в виртуальном мире, особенно в ролевых играх, где выборы игрока меняют сюжет и исход игры.

Само вовлечение в видеоигры обусловлено как психологическими, так и социальными факторами, которые влияют на пользователя: основной психологический механизм, стимулирующий вовлечённость, — это система вознаграждения, активирующаяся при достижении успеха в игре. Данная система выделяет гормон дофамин, усиливая ощущение удовольствия и тем самым мотивируя продолжать игровой процесс; игры часто используют сложные задачи и уровни, которые требуют от игрока развития определённых навыков, и по мере их освоения предлагают всё более значимые награды, поддерживающие интерес и вовлечённость.

С точки зрения социальных факторов вовлечения проявляются через мультиплеерные и кооперативные режимы, в которых игроки объединяются для совместной игры, общения и соревнований, а сообщества вокруг видеоигр благоприятствуют социальной интеграции, обмену опытом и созданию смысла через коллективные достижения.

Исследования говорят, что диалектика отчуждения и вовлечения в видеоиграх имеет как положительные, так и отрицательные стороны, например, положительный эффект заключается в развитии креативности, улучшении проблемно-ориентированного мышления и укреплении социальных связей, но с другой стороны существует риск развития зависимости от игр, которая приводит к социальному изоляционизму и ухудшению реальных межличностных отношений [1].

В виду изученной литературы интеграция политической агитации в видеоигры имеет как преимущества, так и недостатки, которые заметно влияют на восприятие таких игр среди игроков, выделим следующие плюсы:

— Видеоигры обладают образовательным потенциалом для информирования игроков о политических процессах, исторических событиях и идеологиях.

— Через сюжетные линии и персонажей освещаются социально-политические проблемы, которые повышают осведомленность этих вопросов среди игроков.

— Игры с политической составляющей формируют или меняют взгляды игроков, особенно если

они предлагают разнообразные перспективы на конфликты или политические ситуации.

С точки зрения недостатков выделим:

— Если интеграция политической агитации не сбалансирована, то возникает риск пропаганды, искажающий факты и представляющий однобокую точку зрения, который имеет все шансы вызвать критику и отторжение у игроков.

— Перегрузка политическим контентом может стать причиной потери развлекательного значения, который уменьшит интерес к игре, если игроки посчитают, что она становится слишком серьезной или дидактической.

— Видеоигры с явной политической агитацией сталкиваются с законодательными или рыночными ограничениями в некоторых странах, сужая их потенциальную аудиторию.

Потенциал видеоигр в качестве инструмента политической коммуникации значителен, во-первых, видеоигры предоставляют возможности для иммерсивного обучения и вовлечения, позволяя игрокам принимать участие в симуляциях политических процессов и экспериментировать с различными стратегиями управления и решения проблем.

Во-вторых, видеоигры служат платформой для дискуссий и мобилизации (как показывает упомянутый пример игры «America's Army», используемой Пентагоном для вербовки), демонстрируя, как государственные учреждения видят в видеоиграх потенциальный инструмент для достижения своих целей, в том числе и политических.

В-третьих потенциал видеоигр заключается в их умении действовать как медийные платформы для прямой политической коммуникации, игры, такие как «Animal Crossing», использовались политическими деятелями и активистами для проведения виртуальных мероприятий, кампаний и даже митингов, чтобы достичь большой аудитории без физического присутствия.

Но, несмотря на эти принципы, существует риск возникновения проблем, одна из главных – возможность сопротивления и негативного восприятия со стороны игроков, которые могут принять внедрение политического контента как вторжение в их развлекательное пространство.

В конечном итоге, сама эффективность политической агитации в видеоиграх зависит от того, как создатели смогут умело интегрировать политическое содержание в игровые механики и сюжет, и прийти к балансу между образовательными целями и развлекательной стоимостью.

Литература

1. Прокофьева, Д.В. Диалектика отчуждения и вовлечения: социально-философские аспекты: дис. ... кандидата наук : 09.00.03 / Д. В. Прокофьева. — Уфа, 2012. — 169 с.

2. Bowman, Nicholas David; Ahn, Sun Joo; Mercer Kollar, Laura M. The Paradox of Interactive Media: The Potential for Video Games and Virtual Reality as Tools for Violence Prevention // *Frontiers in Communication*. — 2020. — Vol. 5. — URL:

<https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2020.580965>. – DOI: 10.3389/fcomm.2020.580965.

3. Cerezo-Pizarro, M.; Revuelta-Domínguez, F.-I.; Guerra-Antequera, J.; Melo-Sánchez, J. The Cultural Impact of Video Games: A Systematic Review of the Literature // *Educ. Sci.* – 2023. – Vol. 13. – P. 1116. – DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci13111116>.

4. Dichev, C.; Dicheva, D. Gamifying education: what is known, what is believed and what remains uncertain: a critical review // *Int J Educ Technol High Educ.* – 2017. – Vol. 14, No. 9. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-017-0042-5>.

5. Farrell, Shannon L.; Neeser, Amy E.; Bishoff, Carolyn. Academic Uses of Video Games: A Qualitative Assessment of Research and Teaching Needs at a Large Research University. – 2017. – Vol. 78, No. 5.

6. Greenbaum, Aaron. Atomic Heart Controversy Explained: Why Is the Game Being Protested? – 2023. – URL: <https://www.denofgeek.com/games/atomic-heart-controversy-explained-boycott-protests-ukraine/>.

7. Parakul, Narimes. How Do Video Games Affect Our Cognition and Behavior? – 2021. – URL: <https://magazine.ucdavis.edu/how-do-video-games-affect-our-cognition-and-behavior/>.

8. Reymann-Schneider, Kristina. How video games are used for political purposes // *DW.* – 2020. – URL: <https://www.dw.com/en/how-politicians-use-video-games-for-their-own-gains/a-55286753>.

9. Torres-Toukoumidis, A.; Gutiérrez, I.M.; Becerra, M.H.; León-Alberca, T.; Curiel, C.P. Let's Play Democracy, Exploratory Analysis of Political Video Games // *Societies.* – 2023. – Vol. 13, No. 28. – DOI: <https://doi.org/10.3390/soc13020028>.

Using video games in political agitation: from game mechanics to political strategy

Averyanov Andrey Sergeevich

RUDN University

The article explores the versatility of video games as a means of mass communication, focusing on their role in political agitation and education; the author defines video games as interactive systems that can influence the user through a graphical interface and sound.

The bulk of the text covers historical and contemporary examples of the use of video games for political campaigns, from Barack Obama's election campaign to the integration of political messages into popular games such as Animal Crossing, the author analyzes how game mechanics and stories convey political ideas and shape public opinion and cultural campaigns are carried out.

Examples include the use of games to mobilize support for social movements such as Black Lives Matter, educational simulations that allow users to participate in the governance of virtual states, and the impact of games on social behavior and empathy, supported by recent research.

The article concludes by analyzing the potential of video games as a platform for political propaganda, but on the other hand describes the risks associated with propaganda and loss of entertainment value.

Keywords: video games, political campaigning, interactive learning, cultural campaigns, political campaigns, social impact, media platforms, management simulations, political strategy, educational potential.

References

1. Prokofieva, D.V. Dialectics of alienation and inclusion: socio-philosophical aspects: dis. ... candidate of sciences: 09.00.03 / D. V. Prokofieva. – Ufa, 2012. – 169 p.

2. Bowman, Nicholas David; Ahn, Sun Joo; Mercer Kollar, Laura M. The Paradox of Interactive Media: The Potential for Video Games and Virtual Reality as Tools for Violence Prevention // *Frontiers in Communication.* – 2020. – Vol. 5. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomm.2020.580965>. – DOI: 10.3389/fcomm.2020.580965.

3. Cerezo-Pizarro, M.; Revuelta-Domínguez, F.-I.; Guerra-Antequera, J.; Melo-Sánchez, J. The Cultural Impact of Video Games: A Systematic Review of the Literature // *Educ. Sci.* – 2023. – Vol. 13. – P. 1116. – DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci13111116>.

4. Dichev, C.; Dicheva, D. Gamifying education: what is known, what is believed and what remains uncertain: a critical review // *Int J Educ Technol High Educ.* – 2017. – Vol. 14, No. 9. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-017-0042-5>.

5. Farrell, Shannon L.; Neeser, Amy E.; Bishoff, Carolyn. Academic Uses of Video Games: A Qualitative Assessment of Research and Teaching Needs at a Large Research University. – 2017. – Vol. 78, No. 5.

6. Greenbaum, Aaron. Atomic Heart Controversy Explained: Why Is the Game Being Protested? – 2023. – URL: <https://www.denofgeek.com/games/atomic-heart-controversy-explained-boycott-protests-ukraine/>.

7. Parakul, Narimes. How Do Video Games Affect Our Cognition and Behavior? – 2021. – URL: <https://magazine.ucdavis.edu/how-do-video-games-affect-our-cognition-and-behavior/>.

8. Reymann-Schneider, Kristina. How video games are used for political purposes // *DW.* – 2020. – URL: <https://www.dw.com/en/how-politicians-use-video-games-for-their-own-gains/a-55286753>.

9. Torres-Toukoumidis, A.; Gutiérrez, I.M.; Becerra, M. H.; León-Alberca, T.; Curiel, C.P. Let's Play Democracy, Exploratory Analysis of Political Video Games // *Societies.* – 2023. – Vol. 13, No. 28. – DOI: <https://doi.org/10.3390/soc13020028>.

Пересечение дисциплин в изучении компьютерных игр и политики

Аверьянов Андрей Сергеевич

аспирант, кафедра политических институтов процессы и технологии, РУДН, andreyavt@mail.ru

Статья рассматривает связь между влиянием компьютерных игр на политические процессы и общественное мнение, автор анализирует, как с развитием технологий компьютерные игры стали не только средством развлечения, но и платформой для политической коммуникации и социальной активности.

Игры предоставляют пользователям возможность обсуждать политические вопросы, распространять идеи и участвовать в симуляциях политических процессов, которые оказывают воздействие на их политические взгляды и убеждения.

В работе обсуждаются опасения связанные с потенциально манипулятивным содержанием игр и их умением формировать политическое сознание, особенно среди молодежи, исследование выделяет необходимость мультидисциплинарного подхода к изучению компьютерных игр, чтобы лучше понимать их социокультурное и политическое влияние.

Ключевые слова: компьютерные игры, политическая коммуникация, социальная активность, манипулятивное содержание, симуляции политических процессов, мультидисциплинарный подход, воздействие на общественное мнение, интерактивное обучение, медиа-исследования, политические стратегии.

Компьютерные игры — развлекательные программы, предназначенные для взаимодействия с пользователем через интерфейс на компьютере или игровой консоли; их развитие началось в середине XX века и продолжается до сегодняшнего дня, постоянно расширяясь с помощью новых технологий и идей.

Главными элементами компьютерной игры являются игровые персонажи и интерфейс, которые позволяют пользователю управлять процессом и участвовать в игровом мире, они управляются клавиатурой, мышью, игровыми джойстиками или даже сенсорами движения. Игры разнообразны по своим жанрам, начиная от простых аркад и заканчивая сложными стратегиями и многопользовательскими ролевыми играми.

Исторически первые компьютерные игры были созданы в 1940-х годах, но их массовое распространение началось с 1950-х и 1960-х годов, когда стали появляться игры на основе простых электронных схем и компьютеров, примерами ранних игр являются "Tennis for Two" (1958) и "Spacewar!" (1962). Развитие индустрии переживало различные взлеты и падения, но наибольший рост начался с появлением домашних компьютеров и игровых консолей в 1970-х и 1980-х годах.

Компьютерные игры не только развлекают, но и используются в образовательных целях, для развития моторики, логики и быстроты реакции, ведь они являются частью современной популярной культуры и продолжают развиваться, предлагая всё новые формы и сюжетные линии [1].

В то же время, политическая наука, изучающая теорию и практику политики, связи между государством и обществом, различные политические системы и поведение, трансформировалась под влиянием массовых медиа, которые занимаются формированием общественного мнения и политических новостей.

С развитием технологий, особенно интернета, медиа-исследования расширили свой фокус с традиционных СМИ на социальные сети и игровые площадки, которые стали новой ареной для политической коммуникации. Например, институты по всему миру, такие как Институт социальных и медиа исследований изучают эти процессы, анализируя, как СМИ влияют на политические процессы и как политика в свою очередь влияет на медиа-пейзаж.

Научные работы, такие как теория информации Шеннона — математические инструменты для понимания процессов передачи и обработки информации [5], так как помогают понять, как новости, данные и идеологии распространяются в обществе и как это влияет на политические предпочтения и решения граждан.

Точно также компьютерные игры становятся средством политической коммуникации, в связи с тем, что предоставляют платформу для обсуждения политических вопросов, распространения идей и стимулирования общественной активности, обеспечивают возможность для игроков выражать свои взгляды через внутриигровые чаты и форумы, связанные с социальными сетями игр, то есть позволяют пользователям обмениваться мнениями и вести дебаты о политических событиях и решениях.

Игры могут содержать политическую тематику и пропаганду, используя нарративы для передачи конкретных политических сообщений и идеологий, например, разработчики встраивают в игры элементы, которые формируют или меняют политические взгляды и убеждения игроков, далее, компьютерные игры часто предлагают симуляции политических процессов, позволяя игрокам принимать решения и участвовать в виртуальных выборах или создании политических систем, который впоследствии может мотивировать их к участию в политической жизни реального мира. Некоторые игры содержат политическую тематику и пропаганду, воздействуя на взгляды через представление политических сценариев, таких как конфликты, выборы или диктатуры, так как таким образом игроки не только осмысливают принципы политической системы, но и видят последствия своих решений в виртуальных симуляциях политических процессов.

Но, с другой стороны, не стоит забывать, что политическое влияние компьютерных игр вызывает опасения связанные с манипуляциями и эффектом погружения, который используется для неосознанного воздействия на психику игроков, ведь исследования показывают, что игры могут использоваться как инструменты для распространения политической пропаганды, особенно если игроки не осознают потенциально манипулятивное содержание игр [4].

Одним из заметных примеров таких игр является серия "BioShock", которая касается темы утопии и дистопии, власти и контроля, влияния идеологий на общество.

Другая игра «Papers, Please» погружает игроков в роль пограничного инспектора в вымышленной стране, где каждое решение имеет моральные и этические последствия (темы миграции, коррупции и власти государства).

«Civilization» — ещё одна серия, где игроки управляют целой цивилизацией на протяжении различных исторических периодов, принимая решения, которые приводят к войне или миру, процветанию или упадку, для того, чтобы игроки имели возможность экспериментировать с разными политическими стратегиями и учиться через моделирование исторических событий.

Игры могут стимулировать обсуждение актуальных вопросов, например, «This War of Mine» показывает жизнь гражданских в условиях войны, здесь упор делается на моральных дилеммах и выживании в экстремальных условиях.

Современные компьютерные игры часто имеют ярко выраженное политическое содержание, кото-

рые позволяют игрокам погружаться в сложные сценарии с моральными дилеммами и стратегическими решениями, примером такой игры является «Jagged Alliance 3», которая обращается к теме военного конфликта в бывшей колонии, где игроки пытаются освободить регион от захватчиков, ведя переговоры и стратегически распределяя ресурсы.

Другая игра, «Like a Dragon: Ishin!», погружает игроков в период сильных политических изменений в Японии 1860-х годов, где главный герой расследует политически мотивированное убийство и позволяет изучить связь между личной судьбой и общественными преобразованиями.

«The Wandering Village» — стратегия выживания в постапокалиптическом мире, где игроки управляют деревней на спине огромного передвигающегося существа, пытаясь выжить в условиях постоянно меняющейся экологической и политической обстановки.

Также, компьютерные игры влияют на политическую мобилизацию и активизм, так как обеспечивают платформу для социального контакта и обмена идеями, игры типа MMORPG предоставляют возможности для организации сообществ и коллективных действий, которые развивают навыки, применимые в реальной политической жизни, например, игроки учатся стратегически мыслить, координировать свои действия с другими и достигать консенсуса в сложных условиях, далее, игры моделируют политические процессы и демонстрируют последствия политических решений.

В связи с этим существуют опасения, что интенсивное участие в виртуальных политических действиях может отвлекать от реального активизма, так, некоторые исследования указывают на то, что виртуальные активности заменяют реальные действия, так как создают иллюзию участия без влияния на политические процессы в действительности [2].

В то же время, наличие политически насыщенных игр повышает осведомлённость о социальных и политических вопросах среди молодёжи, что потенциально ведёт к увеличению реальной активности и мобилизации в будущем.

Для того, чтобы лучше понять связь между игровыми процессами и глобальными политическими явлениями требуется интердисциплинарный подход в исследованиях компьютерных игр и политики, например, существуют курсы, такие как «Serious Play: Video Games and Global Politics», которые предлагают анализировать компьютерные игры как культурные и политические артефакты, отражающие и влияющие на мировую политику и социальные изменения, примеры изучения: корреляция игр с глобальным капитализмом, их роль в интерпретации и передаче социальных динамик и политических вопросов, таких как миграция, изменение климата и международные отношения [7].

Существуют также модули, например, «Video Games: Politics, Society and Culture» в Университете Лидса, который затрагивает аналогичные темы, освещая способы, которыми игры влияют на политику, общество и культуру, здесь обсуждаются такие

вопросы, как влияние игр на насилие, гендерные представления, милитаризацию общества и их потенциал в сфере образования. далее игры как средства политической активности и их влияние на формирование политики как предмет анализа [9].

Исследования в области пересечения дисциплин в изучении компьютерных игр и политики также обращают внимание на методологические разногласия, такие как дебаты между лудологией и нарратологией, которые выделяют различные подходы к анализу игр: от исследования их формальных свойств до изучения воздействия игрового процесса на игроков, так, нарратология сосредотачивается на повествовательных и текстуальных принципах игр, тогда как лудология выделяет изучение правил и механик игр как способ передачи значений и идеологий [8], данные дебаты приводят к фрагментации исследовательских усилий и затрудняют создание общей теоретической базы для анализа политического содержания и воздействия игр.

Как мы уже определили, политическая значимость игр выражается через их умение влиять на гражданскую активность и политическую эффективность, о чем свидетельствуют исследования, основанные на теории самоопределения, данные работы показывают, как мотивации к игре содействуют формированию политических установок и поведения, например, игры, удовлетворяющие потребности в автономии, компетентности и социальной связанности усиливают политическое участие и гражданское вовлечение [6].

Проблемы существующих исследований часто связаны с отсутствием представлением, особенно с точки зрения политических и культурных фонов, ведь игры могут не только отражать существующие социальные и политические реалии, но и отражать их через механизмы включения или исключения определённых групп или идеологий, это заметно в играх с явным политическим содержанием, где происходит упрощение или одностороннее изложение сложных социальных и политических вопросов [10].

Иной проблемой встает влияние игр на общественное мнение и политические процессы неочевидным образом, так как игры как средство массовой информации способны формировать и изменять восприятие политических событий и фигур.

Существующее влияние культурных различий на восприятие политических компьютерных игр варьируется в зависимости от культурного контекста и социокультурных норм различных регионов, согласно исследованию Белорусского национального технического университета, культурные различия между Беларусью и Китаем аналогично отражаются на восприятии игр, в том числе их сюжет, персонажей и игровой процесс [3]. К примеру, в игровой индустрии учитывают культурные предпочтения и табу при локализации игр, стараясь менять контент таким образом, чтобы он соответствовал местным культурным ожиданиям, так, элементы игры, которые могут быть нормальными в одной культуре, могут вызывать непонимание или отторжение в другой, влияя на восприятие и популярность игры в конкретной культурной среде.

Компьютерные игры – средство для отражения и критики социально-политических процессов, в исследовании А. Торрес-Тукумидис и его коллег анализируются независимые видеоигры, которые затрагивают тему демократии, в результате исследования авторы обнаружили, что такие игры благоприятствуют осмыслению гражданских свобод, политического плюрализма и разделения властей в современных демократических обществах [11].

С другой стороны, критика исторических процессов сквозь призму постколониальной теории в играх, как показано на примере "Civilization V", выделяет, как игры усиливают западнцентричные взгляды и подходы, игнорируя альтернативные голоса и точки зрения, так поднимаются вопросы о том, как видеоигры влияют на понимание и интерпретацию глобальных исторических процессов.

В заключении отметим, что данное исследование компьютерных игр и политики раскрывает влияние этих развлечений на образование политических взглядов и общественное мнение, ведь компьютерные игры, сочетая в себе развлечение и возможность моделирования политических процессов, обеспечивают платформу для эксперимента с различными политическими стратегиями и погружения в сложные социальные вопросы, становясь таким образом средством социального контакта.

Но, влияние игр может быть двояким: с одной стороны, они увеличивают осведомленности и активизацию молодежи, с другой — несут манипулятивное и идеологически окрашенное содержание, которое вызывает опасения по поводу их роли в формировании политического сознания, а исследования, такие как представленные в данной статье, лишним раз подтверждают потребность в глубоком и мультидисциплинарном подходе к анализу компьютерных игр с точки зрения их политического и социокультурного воздействия.

Литература

1. Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Термин «компьютерная игра»: опыт междисциплинарного анализа // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kompyuternaya-igra-opyt-mezhdistsiplinarnogo-analiza> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Денисова А. И. Компьютерные игры как феномен современной культуры // Аналитика культурологии. 2010. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-kak-fenomen-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 02.05.2024).
3. Полешук С. С. Влияние культурных различий на эффективность коммуникации между представителями Беларуси и Китая в деловой среде: анализ проблем и поиск решений // Новые горизонты - 2023: сборник материалов X Белорусско-Китайского молодежного инновационного форума, 9-10 ноября 2023 г. / Белорусский национальный технический университет. Минск: БНТУ, 2023. Т. 2, с. 88-90.
4. Федорченко С. Н. Computer Game Studies: новые горизонты для политической науки и практики //

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/computer-game-studies-novye-gorizonty-dlya-politicheskoy-nauki-i-praktiki> (дата обращения: 30.04.2024).

5. Черных А. Мир современных медиа. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 312 с. ISBN 5-91129-037-5.

6. Dalisay F., Kushin M., Kim J., Forbes A., David C., Somera L. Motivations for Video Game Play And Political Decision-Making: Evidence from Four Countries. *Game Studies*. 2021. Vol. 21.

7. Fugazzola C. *Serious Play: Video Games and Global Politics*. Cinema and Media Studies Division of the Humanities, 2022.

8. Jagoda P., Malkowski J. American Game Studies. *American Literature*. 2022. Vol. 94, no. 1, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1215/00029831-9696959>.

9. Johnson M. The Place of Culture, Society, and Politics in Video Game World-Building. 2020. 10.4324/9780429242861-7.

10. Mayar M., Schubert S. The Joystick in the Garden: Video Games, American Studies, and Politics. 2021. Special Issue: Video Games and/in American Studies: Politics, Popular Culture, and Populism. <https://doi.org/10.4000/ejas.17250>.

11. Torres-Toukoumidis A., Gutiérrez I. M., Becerra M. H., León-Alberca T., Curiel C. P. Let's Play Democracy, Exploratory Analysis of Political Video Games. *Societies*. 2023. Vol. 13, 28. <https://doi.org/10.3390/soc13020028>.

Crossing disciplines in the study of computer games and politics

Averyanov Andrey Sergeevich

RUDN University

The article examines the connection between the influence of computer games on political processes and public opinion; the author analyzes how, with the development of technology, computer games have become not only a means of entertainment, but also a platform for political communication and social activity.

Games provide users with the opportunity to discuss political issues, disseminate ideas, and participate in political simulations that affect their political views and beliefs.

The paper discusses concerns about the potentially manipulative content of games and their ability to shape political consciousness, especially among young people, and highlights the need for a multidisciplinary approach to the study of computer games to better understand their sociocultural and political influence.

Keywords: computer games, political communication, social activity, manipulative content, simulation of political processes, multidisciplinary approach, influencing public opinion, interactive learning, media research, political strategies.

References

1. Vasiliev A. A., Pechatnova Yu. V. The term “computer game”: the experience of interdisciplinary analysis // Prologue: a journal about law. 2021. No. 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kompyuternaya-igra-opyt-mezhdistsiplinarnogo-analiza> (date of access: 05/01/2024).

2. Denisova A.I. Computer games as a phenomenon of modern culture // *Analytics of cultural studies*. 2010. No. 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-kak-fenomen-sovremennoy-kultury> (access date: 05/02/2024).

3. Polshuk S.S. The influence of cultural differences on the effectiveness of communication between representatives of Belarus and China in the business environment: analysis of problems and search for solutions // *New Horizons - 2023: collection of materials of the X Belarusian-Chinese Youth Innovation Forum*, November 9-10, 2023 / Belarusian National Technical University. Minsk: BNTU, 2023. T. 2, p. 88-90.

4. Fedorchenko S. N. Computer Game Studies: new horizons for political science and practice // *Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"*. 2018. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/computer-game-studies-novye-gorizonty-dlya-politicheskoy-nauki-i-praktiki> (access date: 04/30/2024).

5. Chernykh A. The world of modern media. M.: Publishing house “Territory of the Future”, 2007. 312 p. ISBN 5-91129-037-5.

6. Dalisay F., Kushin M., Kim J., Forbes A., David C., Somera L. Motivations for Video Game Play and Political Decision-Making: Evidence from Four Countries. *Game Studies*. 2021. Vol. 21.

7. Fugazzola C. *Serious Play: Video Games and Global Politics*. Cinema and Media Studies Division of the Humanities, 2022.

8. Jagoda P., Malkowski J. American Game Studies. *American Literature*. 2022. Vol. 94, no. 1, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1215/00029831-9696959>.

9. Johnson M. The Place of Culture, Society, and Politics in Video Game World-Building. 2020. 10.4324/9780429242861-7.

10. Mayar M., Schubert S. The Joystick in the Garden: Video Games, American Studies, and Politics. 2021. Special Issue: Video Games and/in American Studies: Politics, Popular Culture, and Populism. <https://doi.org/10.4000/ejas.17250>.

11. Torres-Toukoumidis A., Gutiérrez I. M., Becerra M. H., León-Alberca T., Curiel C. P. Let's Play Democracy, Exploratory Analysis of Political Video Games. *Societies*. 2023. Vol. 13, 28. <https://doi.org/10.3390/soc13020028>.

Китай в период глобализации. Роль языка и культуры КНР

Белоусова Татьяна Павловна

старший преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической академии Министерства иностранных дел России, tp_belousova@mail.ru

Статья освещает процесс глобализации и его влияние на Китай. КНР имеет насыщенную историю экономического становления, где происходило множество событий, которые приводили к кризисам и спаду, а также скачкам роста экономики. Глобализационным процессам в Китае предшествует 30-летний период реформирования и развития внутренней экономики. Сейчас Китай — это высокоразвитое государство с одними из самых высоких показателей ВВП, экспорта и импорта в мире. Хоть Китай и столкнулся с определенными трудностями на пути глобализации, но завоевал титул сверхдержавы, которая стремительно развивается. Большую роль в этом сыграли культурные ценности и актуальность китайского языка для мирового сообщества. Статья поднимает тему о важности культуры и культурном многообразии, где индивидуальность языка и другие особенности создают неповторимый образ государства, которое стремится интегрироваться в мировое сообщество.

Ключевые слова: глобализация, культура, многообразие культур, «культурный код», модернизация экономики, интегрирование.

Глобализация является неизбежным процессом в современной геополитической обстановке, ее можно заметить как в политических процессах, так и в культуре стран. Глобализация предусматривает интегрирование культур разных стран и взаимный обмен выгодными ресурсами, увеличение импорта и экспорта.

Многие исследователи отмечают внушительное влияние, которое глобализация оказывает на культуру, отражая идеологические идеи государств. В Китае процесс глобализации наступил с 1978 года с запуском реформ партии КПК (Коммунистической партии Китая), во главе с Дэн Сяопином. Реформы продолжают и сейчас, главная их цель в модернизации всех сфер экономики Китая. После неоднозначных решений при правлении Мао Цзэдуна и «большого скачка» с 1958-1960 г., который не сработал на полномасштабное совершенствование экономики Китая и в результате отбросил развитие китайской экономики назад. В сложившейся обстановке, модернизация была необходимостью, чтобы восстановить пошатнувшуюся экономику [4].

Главным направлением в экономике Китая, в эпоху глобализации, является политическая стабильность, как внутри страны, так и за ее пределами. После начала периода реформирования КНР, экономические показатели значительно улучшились. Действующая система власти в КНР была установлена Дэн Сяопином.

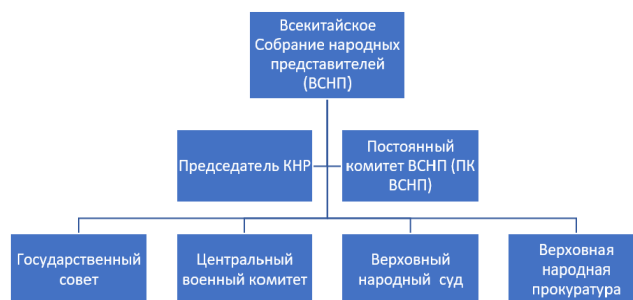

Рисунок 1 – Государственное устройство Китая

Китай является унитарным государством и не предоставляет каким-либо структурам суверенитет, все регионы подчиняются одним и тем же органам власти. Изменения, которые можно заметить в политике Китая, в частности реформы об административной и судебной системах, имеют определенные причины. Образ среднестатистического гражданина за последние тридцать лет сильно изменился, из-за чего качество рабочей силы в Китае тоже поменялось, граждане стали более образованными, увеличилась численность среднего класса.

Современная модернизация Китая направлена на глобализацию и постиндустриальный уровень развития. За последние десятилетия Китай стал

сверхдержавой, совершил экономический и технологический прорыв и выстраивает грамотные взаимовыгодные отношения со странами-партнерами. Современное состояние рынка Китая в период глобализации можно оценить через экономические показатели, производственную «мощность» государства. По оценкам ведущих экономистов, стремительный рост экономики КНР на столько велик, что может превзойти США и завоевать титул первой сверхдержавы мира. В период с 1980 г. по 2018 г. ВВП Китая вырос с 2% до 18%. КНР обеспечила 33% мирового прироста ВВП в 2017 году, благодаря чему оказывает влияние на развитие мировой экономики.

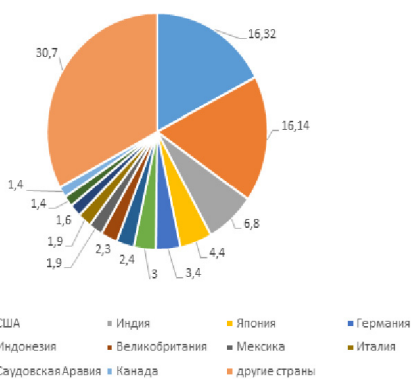

Рисунок 3 – Доля стран в мировом ВВП, %

После небольшого снижения темпов роста в 2010 году, Правительство Китая выстроило грамотную стратегию и реализовало конкурентные преимущества государства, увеличило количество рабочей силы и повысило производительность труда. Китай известен во всем мире, как ведущий производитель различной продукции, от одежды и игрушек, до техники. Внешняя торговля Китая также претерпела множество изменений (Рисунок 3).

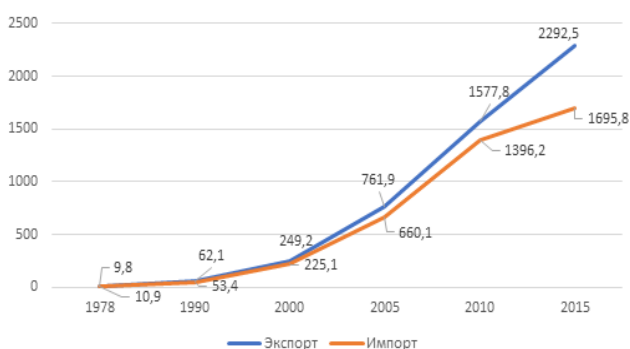

Рисунок 3 – Внешняя торговля Китая за период с 1978-2015 г [7].

Из рисунка видно, что с годами и экспорт и импорт в Китае планомерно увеличивается, улучшая экономические показатели.

За начало 2024 года темпы роста экономики Китая увеличились на 5,3% и составили 4,2 трлн. долл. США., это превзошло ожидания специалистов, которые прогнозировали рост не более, чем на 5%.

Но процесс глобализации несет за собой определенные проблемы, с которыми сталкивается Китай.

Глобализация по-разному влияет на политическую стабильность Китая, стимулируя разрешение разных социальных противоречий, но при этом и увеличивая значение нестабильности в политике, социальной жизни граждан и экономике.

Если обобщить проблемы, которые создает глобализация в разрезе одного государства – Китая, то глобализация создает сложную и угрожающую атмосферу политическим интересам и суверенитету Китая. На фоне нестабильности, которую создает наступающая глобализация, добавляются еще дополнительные угрозы, такие как: международный терроризм, национальный сепаратизм и экстремальный религиозный фундаментализм, которые угрожают самостоятельному суверенитету Китая [5].

Также глобализационные процессы привносят нестабильные факторы в политическую систему страны, добавляют новые задачи по управлению международными процессами и отношениями. После введения новых реформ, Китай не обладал нужным опытом, достаточным количеством квалифицированных специалистов и столкнулся с рядом трудностей, которые усложнили процесс реструктуризации экономики Китая. Ранее правительство Китая ставило цель – увеличить экономические показатели любым способом, но методы, которые для этого использовались привели к растущему неравенству между гражданами, большому проценту низкокачественной рабочей силы, неэффективности во многих отраслях, закрежденности и другим издержкам.

По оценкам экспертов, главной проблемой современной экономики Китая в условиях глобализации является неполный переход от плановой к рыночной экономике. В Китае господствует социалистическая рыночная экономика, что указывает на использование рыночных механизмов, эффективное распределение ресурсов и механизмов стимулирования экономики, но при этом и активное участие самого государства. Даже сейчас в Китае, основополагающую роль в устройстве рыночной экономики играет Правительство. Более 150 тысяч государственных предприятий в горнодобывающей, промышленной, транспортной и нефтегазовой отраслях развиваются и составляют большую часть предприятий по стране, более 50% производственных госкомпаний и 60% компаний, предоставляющих услуги стали лидерами китайского и международного рынка.

В банковской сфере, аналогично, большинство банков подчиняются управлению КПК (Коммунистической партии Китая), которая формирует собственные условия пользования банковскими продуктами. КПК стремится увеличивать кредитование внутри страны, чтобы продемонстрировать спрос на деятельность госбанков и нивелировать последствия спада экономики. Такие обстоятельства лишь усугубляют положение и оказывают давление на Китай в условиях модернизации экономики [3].

В конце концов, глобализация может принести Китаю и столкновение культур и идеологий разных

государств, которые в определенной степени обостряют нестабильность политики в Среднем Государстве [2].

Многие идеологии Запада уже проникли в культуру и социалистическую направленность Китая, повлияв на взгляды и мнения китайцев о своих политических взглядах, плюсах и минусах «социализма с китайской спецификой». Непринятие политики своего государства может привести к расслоению общества и внутренним беспорядкам. Необходимо понимать, что глобальные процессы, которые происходят в мире не должны отражаться на культурной идентичности граждан, их приверженности родному языку и традициям.

Каждое государство представляет собой индивидуальную культуру со своими особенностями и традициями, историческими фактами и языком, который отражает в себе мировоззрение, ценности и многогранность исторического влияния на лингвокультурологическое развитие китайского языка.

В своей статье, Чжао Хун ссылается на работу Цзоу Гуанвэня, который отмечал, что: «Культурное разнообразие — это история цивилизации с ее уникальностью и богатством. Оно формируется и развивается в рамках конкретного культурного пространства, представляя единое звено — глобальное культурное пространство. Экономический прорыв, который совершила глобализация, породил напряженность между культурными системами, что диктует необходимость постановки вопроса о путях защиты культурного разнообразия, так как это является серьезной проблемой» [6].

Роль культуры и языка в глобализационных, мировых процессах заключается в создании принципа толерантности и интегрировании аспектов языковой культуры в различные направления взаимодействия людей. В настоящее время, в мире происходит интегрирование ценностей, языка, национальных особенностей и культур между странами. Используя современные технологии, можно общаться, знакомиться, обмениваться своими интересами и знаниями с людьми по всему миру. Межнациональное общение позволяет знать о многообразии культур и языков, помогает понять историю и принадлежность другой культуры и языка, погрузиться в «новый» мир и позаимствовать самое интересное для себя и обучиться новому.

Это также связано с интересом и необходимостью изучать новые языки и знакомиться с многообразием мировых культур. В этом заключается человеческая природа, направленная на накопление исторического опыта и создание индивидуального «культурного кода».

Заключение

Сейчас Китай находится на этапе модернизирования экономики и активно участвует в глобализации. По оценке аналитиков глобализация несет Китаю больше плюсов, чем минусов. Значительный рост ВВП и доля на международном рынке, укрепление связей и международных отношений, развитие современных технологий и интегрирование ки-

тайской культуры и языка в другие страны. Популярность Китая выросла в разы, изучение китайского языка считается теперь более перспективным, нежели изучение английского, или любого другого. Китай считается второй сверхдержавой после США по экономической эффективности и влиятельности на мировой арене. Построение многополярного мира и глобализация подталкивает Китай к совершенствованию своей экономики и внутренней политики.

Но, глобализация имеет, также и свои минусы, которые замедляют процесс развития и укрепления экономики Китая. Глобализация подталкивает к риску на финансовом рынке, создает зависимость многих стран друг от друга, что делает взаимоотношения между государствами более напряженными. В таком положении культура и язык становятся частью экономических, социальных, научных и культурных преобразований и способствует созданию и продвижению положительного образа КНР за рубежом [1].

Литература

1. Бояркина А. В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «Мягкой силы» в реализации внешней политики КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. №12. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-kultura-kitaya-kak-effektivnye-instrumenty-myagkoj-sily-v-realizatsii-vneshney-politiki-knr> (дата обращения: 13.04.2024).
2. Се Чжэнчжэнь Стабилизационная политика Китая в эпоху глобализации // Социально-политические науки. 2015. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stabilizatsionnaya-politika-kitaya-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения: 11.04.2024).
3. Тёркина Д. РСМД: Последствия экономического подъема Китая: взгляд из США. - 2020 г. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/posledstviya-ekonomicheskogo-podema-kitaya-vzglyad-iz-ssha/> (дата обращения: 11.04.2024).
4. Хун Инь Развитие социалистической рыночной экономики: практика китайской рыночной экономической трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. №2 (38). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialisticheskoy-rynochnoy-ekonomiki-praktika-kitayskoy-rynochnoy-ekonomicheskoy-transformatsii> (дата обращения: 12.04.2024).
5. Цинчжо Чи, Нуртазина Р. А. Глобализация и китайская культура (по работам китайских ученых) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. No 3. С. 179–187. Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-179-187> (дата обращения: 11.04.2024).
6. Чжао Хун. Китайские исследователи о культурном многообразии в глобализационном пространстве // Kant. 2022. №3 (44). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-issledovateli-o-kulturnom-mnogoobrazii-v-globalizatsionnom-prostranstve> (дата обращения: 12.04.2024).

7. National Bureau of Statistics of China. Statistical communiqué of the people's republic of china on the 2015 national economic and social development. 2016 г.

China in the period of globalization. The role of language and culture of the People's Republic of China.

Belousova T.P.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article highlights the process of globalization and its impact on China. The PRC has a rich history of economic development, where many events took place that led to crises and recessions, as well as surges in economic growth. Globalization processes in China are preceded by a 30-year period of reform and development of the domestic economy. Now China is a highly developed state with one of the highest GDP, exports and imports in the world. Although China has faced certain difficulties on the path of globalization, it has won the title of a superpower that is rapidly developing. Cultural values and the relevance of the Chinese language for the world community played a big role in this. The article raises the topic of the importance of culture and cultural diversity, where the individuality of the language and other features create a unique image of the state, which seeks to integrate into the world community.

Keywords: Globalization, culture, diversity of cultures, "cultural code", economic modernization, integration.

References

1. Boyarkina A.V. Language and culture of China as effective tools of "Soft power" in the implementation of foreign policy of the PRC // Theory and practice of social development. 2014. No. 12. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-kultura-kitaya-kak-effektivnye-instrumenty-mygkoy-sily-v-realizatsii-vneshney-politiki-knr> (access date: 04/13/2024) .
2. Xie Zhengzhen Stabilization policy of China in the era of globalization // Socio-political sciences. 2015. No. 2. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/stabilizatsionnaya-politika-kitaya-v-epohu-globalizatsii> (date of access: 04/11/2024).
3. Tyorkina D. RIAC: Consequences of China's economic rise: a view from the USA. - 2020. Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/posledstviya-ekonomicheskogo-podema-kitaya-vzglyad-iz-ssha/> (date of access: 04/11/2024).
4. Hong Yin Development of a socialist market economy: the practice of Chinese market economic transformation // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2019. No. 2 (38). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialisticheskoy-rynochnoy-ekonomiki-praktika-kitayskoy-rynochnoy-ekonomicheskoy-transformatsii> (access date: 04/12/2024).
5. Qingzhuo Chi, Nurtazina R. A. Globalization and Chinese culture (according to the works of Chinese scientists) // Eurasian integration: economics, law, politics. 2023. T. 17. No. 3. pp. 179–187. Access mode: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-179-187> (access date: 04/11/2024).
6. Zhao Hong. Chinese researchers on cultural diversity in the globalization space // Kant. 2022. No. 3 (44). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-issledovateli-o-kulturnom-mnogoobrazii-v-globalizatsionnom-prostranstve> (date of access: 04/12/2024).
7. National Bureau of Statistics of China. Statistical communication of the people's republic of China on the 2015 national economic and social development. 2016

Тенденции и перспективы развития института материнства и детства в Российской Федерации

Кислицын Геннадий Александрович

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», pwnzasro@mail.ru

Институт материнства и детства – один из важнейших институтов современной России. Наблюдая за развитием этого социального института, можно проследить за изменениями, происходящими в российском обществе, поскольку этот институт как зеркало отражает все процессы, происходящие в экономике, культуре, политике и других общественно значимых сферах страны. В данной статье рассматривается эволюция развития института материнства и детства как важнейшей части семейной политики современной России, рассматриваются меры социальной и финансовой поддержки женщин, имеющих не совершеннолетних детей, выявляется влияние социально-экономических факторов на институт материнства и детства в XXI веке. В статье делается вывод, что система поддержки материнства и детства должна быть приоритетным инструментом реализации социально-экономической политики государства. Эта поддержка включает в себя материальную, профессиональную, социальную, образовательную, медицинскую помощь полным и неполным семьям в различных ситуациях. И вместе с тем, анализируя факторы, влияющие на позитивные и негативные тенденции демографического процесса, необходимо изменить подход к реализации программ, направленных на поддержку женщин и детей, привлекая иные механизмы совершенствования института материнства и детства.

Ключевые слова: социальная политика, государственная семейная политика, институт материнства и детства, демографическая проблема, экономическая и финансовая поддержка семей.

Введение

Защита прав материнства и детства является одним из наиболее значимых направлений социальной политики в большинстве государств, деятельность которых в данной сфере ограничивается не только созданием специальной нормативно-правовой среды, но и разработкой комплекса мер, направленных на ее непрерывное поддержание [5]. В Российской Федерации развитие института материнства и детства получило особую актуальность в связи с ярко выраженной проблемой так называемого «духовного кризиса», обусловленного изменениями в духовно-нравственной сфере современного общества, что привело к разрушению устоев семьи, складывающихся в России тысячелетиями.

22 ноября 2023 года В.В. Путин подписал указ об объявлении 2024 года Годом семьи в Российской Федерации. Это решение российского президента было не случайным, не спонтанным, а продуманным, четко взвешенным решением. В последние годы руководитель государства, понимая, что будущее страны, ее дальнейшее развитие зависит от социально-демографической ситуации, усиленно акцентирует внимание на необходимости решить демографическую проблему, которая в настоящее время приобрела системообразующий характер и влияет на обороноспособность страны, развитие экономики, рынок труда, безопасность государства в целом.

Действительно, высокая рождаемость является гарантией сохранения тенденции роста и развития нации, даже не зависящей от экономических показателей, а низкий процент рождаемости обнажает проблему физического выживания народа и свидетельствует об экономической, культурной, технологической отсталости страны. Поэтому демографическая политика тесным образом всегда была связана с развитием института материнства и детства.

Материалы и методы исследования.

В данной статье используются методы логического, структурно-функционального, системного анализа и статистический метод исследования. Также статья написана в рамках институционального подхода, позволяющего изучить институт материнства и детства как социальное явление, описать его с фундаментальных позиций и показать его значимость для развития общества. Исследование проведено на основе трудов отечественных исследователей и законодательно-нормативной базы.

Результаты и обсуждения. Институт материнства и детства является одним из первостепенных по значимости общественных институтов в любом современном обществе. В российском государстве

постсоветского периода даже в сложные, «девяностые», годы властные структуры не отказывались от управления социально-демографическими процессами, хотя зачастую вместо реальных действий, предполагающих поддержку семей с детьми, в новой России «создавалась видимость развития семейной политики» [9]. Вопреки вышедшему Указу Президента РФ Б.Н. Ельцина «Об основных направлениях государственной семейной политики» (1996), суть которого сводилась к определению основных мер и средств всесторонней поддержки семьи, улучшение условий жизни российских семей и повышение качества их жизни не наблюдалось [14, с. 50]. Более того, семейная политика не стала в то время приоритетным направлением государственной политики. Да и российские политические партии не были озабочены состоянием семейной сферы в России, чтобы поднимать эту проблему на федеральный уровень, считая ее второстепенной на фоне массовой безработицы, инфляции, хронических невыплат заработной платы. Среди всех программ социальной направленности программы по защите материнства и детства в то время «занимали очень небольшое место, а предлагаемые методы решения существующих проблем носили декларативный и даже откровенно демагогический характер» [8].

Приоритеты в российской семейной политике сменились лишь в начале третьего тысячелетия и были связаны с осознанием необходимости разработки специальных мер по поддержке материнства в силу накапливаемых год от года социальных проблем в стране, которые становились все более и более устрашающими.

Уже в первый год своего президентства, в 2000 году, новый лидер России В.В. Путин, обращаясь к Федеральному Собранию Российской Федерации, так обозначил стратегическую линию государства в области социальной политики: «Социальную политику будем проводить на принципах общедоступности и приемлемого качества базовых социальных благ. А помощь предоставлять прежде всего тем, чьи доходы существенно ниже прожиточного минимума. Дети министров могут обойтись без детского пособия, а жены банкиров – без пособия по безработице» [13]. Российское общество позитивно восприняло этот тезис, который устанавливал истинную справедливость в области поддержки российских семей, требующих особой поддержки и заботы со стороны государства. Однако, прежде чем добиться реальных успехов в сфере реализации социальных программ института материнства и детства, страна прошла долгий путь «взлетов» и «падений», преодолевая негативные последствия конца 1990-х – начала 2000-х годов.

Первые шаги в области семейной политики были предприняты в 2006 году, когда произошли очевидные позитивные изменения в экономике страны, увеличились возможности государственного бюджета и был скорректирован политический курс России. Эти изменения были, в первую очередь, связаны с резким спадом рождаемости в стране и со-

кращением численности населения, которое достигло такого уровня, что стало понятно: необходимо принятие мер по улучшению демографической ситуации в стране, которая напрямую связана с финансовой поддержкой института материнства и детства [8].

Несмотря на то, что многие страны мира сталкиваются с демографической проблемой, в России в первые годы нового тысячелетия она приобрела характер катастрофы. По мысли О.М. и В.Н. Михалиных, «основной причиной возникновения демографической проблемы в России стало применение «шоковой терапии», которая привела к падению доходов граждан и, как следствие, мы получили низкий уровень рождаемости, поскольку иметь даже одного ребенка в семье становилось довольно затратным. А что касается ситуации, при которой в семье имелось несколько детей, то это автоматически переводило семью в категорию бедных» [10, с. 82].

Поэтому уже на первом этапе развития института материнства и детства были приняты такие меры, как а) увеличение пособий за ребенком с рождения до 1,5 года; б) введение пособий по беременности и родам работающим женщинам; в) введение компенсации расходов на детское дошкольное образование; г) увеличение стоимости родовых сертификатов; д) введение материнского капитала, который полагался женщинам при рождении второго ребенка.

Именно материнский капитал, ставший одной из самых эффективных форм материальной поддержки женщин, как считают социологи, обеспечил повышение рождаемости в РФ после 2006 года. Повышение социальных пособий и введение материнского капитала как наиболее действенные экономические стимулы «улучшили демографические показатели. Уровень рождаемости вырос на 15%, по вторым рождениям – на 17,5%, по третьим – на 26,3%. Уровень смертности снизился на 10%. В 2011 году впервые за последние 12 лет отмечено не падение, а рост численности детского населения. По сравнению с 2010 годом численность детского населения увеличилась на 600 тыс. человек» [1].

Несмотря на то, что на современном этапе институт материнства и детства в Российской Федерации «подвержен влиянию ряда негативных социально-экономических факторов, среди которых недостаточные социальные пособия для матерей и детей, неравные возможности трудоустройства и вопросы сохранения рабочего места в декретный период, ухудшение здоровья женщин репродуктивного возраста и т.п.» [2, с. 142], все же наблюдаются позитивные тенденции его развития.

«Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года», утвержденная Правительством РФ в 2014 году, определяет не только дальнейшие направления по развитию семейной политики в целом, но и поддержку института материнства и детства, требующую серьезных расходов к решению социально-экономических вопросов, от решения которых зависит и рост рождаемости [3, с. 1492].

По мысли Е.Г. Дедова и А.С. Новикова, приоритетными направлениями совершенствования института материнства и детства являются: «решение жилищной проблемы, повышение доходов семей с детьми, создание новых рабочих мест, увеличение количества детских дошкольных учреждений, социальная поддержка семей с детьми, помощь многодетным семьям, ликвидация беспризорности» [4, с. 78].

В настоящее время основной формой поддержки российских семей в рамках социальной политики, которую проводит Россия, является экономическая поддержка рождаемости и воспитания детей. Вопрос социальных гарантий, обеспечивающих, согласно Конституции РФ (ст. 7), безопасность, благополучие и стабильность института материнства и детства, сегодня является первоочередной задачей.

В 2019 году был запущен национальный проект «Демография», одним из направлений которого стало «профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста, в том числе за счет повышения доступности дошкольного образования» [12, с. 102].

Государство взяло на себя функцию социальной защиты детей, которая реализуется, в первую очередь, через выплаты социальных пособий на федеральном и региональном уровнях. В первую очередь, повышены размеры пособий по уходу за ребенком для работающих и неработающих матерей. С 1 января 2024 года минимальная сумма ежемесячного пособия по уходу как за первым ребенком, так и за вторым или последующими детьми до полутора лет составляет 8591,47 рублей. Предусмотрены и различные единовременные выплаты: при рождении ребенка (24 604, 30 руб. с 1 февраля 2024 г.), при постановке на учет в ранние сроки беременности (сумма зависит от уровня дохода семьи – 50, 75 или 100% от прожиточного минимума трудоспособного населения), при усыновлении. Повысился и размер материнского капитала: с 1 февраля 2024 года его размер составляет: 631 тыс. руб. на первого ребенка, 833 тыс. руб. – на второго ребенка и последующих детей.

29 августа 2018 года президент Российской Федерации, обсуждая с общественностью пенсионную реформу и, соответственно, повышение пенсионного возраста, «сделал предложение о досрочном выходе на пенсию многодетных матерей: женщина, имеющие трех детей, должна иметь право выходить на пенсию в возрасте 57 лет, четырех детей – в возрасте 56 лет, а пять и более детей – в 50 лет» [10, с. 83]. Теперь президентская инициатива оформлена на законодательном уровне: многодетные матери, имеющие троих, четверых и пятерых детей, могут досрочно выйти на пенсию, но для этого всем детям должно быть более восьми лет, а женщина должна иметь рабочий стаж не менее пятнадцати лет.

Анализируя практическую деятельность региональных и федеральных механизмов защиты материнства и детства, А.М. Дроздова констатирует, что,

начиная с 2006 года не только экономические и финансовые меры защиты данного института активно принимались как на федеральном, так и на региональном уровнях. Данный исследователь отмечает и деятельность системы здравоохранения в сфере материнства и детства, которая направлена на реализацию программ по обеспечению доступной медицинской помощи женщинам и детям, на снижение материнской, детской и младенческой смертности, на повышение качества предоставляемых медицинских услуг матерям и детям [6, с. 92].

Но, несмотря на то, что ряд федеральных законов, принятых в последнее время, направлены на улучшение материального положения женщин и на защиту интересов семьи и детей, эти меры не всегда оказывают определенное положительное воздействие на институт материнства и детства, связанное с повышением благосостояния российских семей, что влияет на демографию. Некоторые исследователи считают, что причина этого явления кроется в подходе к системе обеспечения семей. Так, согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона № 418 «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», «право на получение ежемесячной выплаты вследствие рождения или усыновления первого или второго ребенка представляется исключительно на основании низкого валового дохода семьи, однако, все же, в сущности статус этой ежемесячной выплаты остается социально-экономическим стимулом неблагополучия» [7, с. 159]. Получается, что «государство оказывает социальную поддержку не в связи с рождением ребенка, а в связи с нахождением семьи с ребенком в сложной социально-экономической ситуации, близкой к неблагоприятной. Подобный подход не способствует улучшению демографической обстановки в стране и направлен на воспроизводство общего уровня неблагополучия и низкого дохода. В этой связи нельзя не отметить, что общая концепция государственной семейной и демографической политики нуждается в усовершенствовании» [15, с. 64].

Э.Р. Нуруллина считает, что «дальнейшее развитие института материнства и детства требует проведения целого ряда последовательных комплексных и целенаправленных мероприятий законодательной и исполнительной властями на федеральном и региональном уровнях», среди которых – «дополнительные меры поддержки матерей с учетом современных социально-экономических условий развития регионов» [11, с. 180].

Выводы. Развитие института материнства и детства сегодня возводится в ранг важнейших национальных задач, от решения которых зависит судьба страны. Мы считаем, что социальные проблемы, с которыми сегодня сталкиваются семьи, до конца еще не решены. На наш взгляд, необходима целостная система социально-экономических и правовых мер для решения приоритетных задач жизнеобеспечения детей и их матерей с целью повышения качества их жизни и создания благоприятной среды для развития подрастающего поколения. Но позитивные результаты при выработке механизмов

защиты материнства и детства со стороны федеральных и региональных властей будут достигнуты только при комплексном исследовании института материнства и детства, на развитие которого особым образом влияют современные социально-экономические условия. В процессе изучения данного института необходимо выявлять факторы, влияющие на позитивные и негативные тенденции на каждом этапе его развития.

Литература

1. Борисенков В.П., Гукаленко О.В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы // *Науковедение*. – 2014. – № 5 (24) [электронный ресурс].
2. Бочкарева К.С. Основные тенденции изменений в социальном институте материнства // *Система ценностей современного общества*. – 2014. – № 36. – С. 139-143.
3. Волкова А.С., Кудяева М.М. О поддержке материнства и детства в семейной политике России // *Экономика труда*. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 1491-1504.
4. Дедов Е.Г., Новиков А.С. Направления государственной социальной политики в сфере защиты семьи, материнства и детства в Российской Федерации // *Системная интеграция в здравоохранении*. – 2017. – № 5 (35) [электронный ресурс].
5. Демидов Д.Г. Реализация международно-правовых стандартов охраны материнства и детства в странах ЕАЭС // URL: <file:///C:/Users/ADMIN/Downloads/61044963.pdf>.
6. Дроздова А.М. Институт материнства и детства: актуальные аспекты и правозащитная деятельность // *Право: история и современность*. – 2017. – № 1. – С. 89-97.
7. Кузнецов А.А., Кедык Д.А. Охрана материнства и детства в РФ: конституционно-правовые проблемы теории и практики // *Тенденции развития науки и образования*. – 2023. – № 97-5. – С. 157-160.
8. Лаврененко И.М. Государственная социальная политика Российской Федерации: опыт и проблемы трансформации (80-е – первая половина 90-х годов XX столетия). – М.: Социум, 1999. – 216 с.
9. Лутовинова Н.В., Овсянникова А.А. Проблемы защиты института семьи, материнства и детства в РФ и пути их решения // *Проблемы экономики и юридической практики*. – 2017. – № 2. – С. 137-141.
10. Михалина О.М., Михалин В.Н. Бюджетные источники финансирования поддержки материнства и детства в России // *Вестник государственного университета управления*. – 2018. – № 12. – С. 82–88.
11. Нуруллина Э.Р. Институт материнства в современных социально-экономических условиях с позиций феноменологического подхода // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2020. – № 2. – С. 178-181.
12. Прохорова О.В. Социальные стандарты материнства и детства в мире и России // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 100-108.

13. Путин В.В. Государство Россия. Путь к эффективному государству (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). Послание Президента Российской Федерации от 08.07.2000 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22401/page/2>.

14. Ткаченко А.В., Богатова Е.В. Защита материнства и детства, семьи как элемент государственной семейной политики // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского государственного аграрного университета*. – 2021. – № 2. – С. 47-53.

15. Ходусов А.А. Конституционно-правовое регулирование защиты материнства и детства в Российской Федерации // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 61-68.

Trends and prospects for the development of the institution of motherhood and childhood in the Russian Federation

Kislitsyn G.A.

Moscow Financial-Industrial University "Synergy"

The institution of motherhood and childhood is one of the most important institutions of modern Russia. Observing the development of this social institution, one can follow the changes taking place in the Russian society, as this institution as a mirror reflects all the processes taking place in the economy, culture, politics and other socially important spheres of the country. This article examines the evolution of the development of the institution of motherhood and childhood as the most important part of family policy in modern Russia, considers the measures of social and financial support for women with under-age children, reveals the impact of socio-economic factors on the institution of motherhood and childhood in the XXI century. The article concludes that the system of support for motherhood and childhood should be a priority tool for the realization of socio-economic policy of the state. This support includes material, professional, social, educational, medical assistance to complete and incomplete families in various situations. And at the same time, analyzing the factors affecting the positive and negative trends in the demographic process, it is necessary to change the approach to the implementation of programs aimed at supporting women and children, involving other mechanisms for improving the institution of motherhood and childhood.

Keywords: social policy, state family policy, institution of motherhood and childhood, demographic problem, economic and financial support of families.

References

1. Borisenkov V.P., Gukalenko O.V. Institute of family and family policy in modern Russia: problems, trends and prospects // *Science*. – 2014. – No. 5 (24) [electronic resource].
2. Bochkareva K.S. Main trends of changes in the social institution of motherhood // *System of values of modern society*. – 2014. – No. 36. – P. 139-143.
3. Volkova A.S., Kudaeva M.M. On support for motherhood and childhood in Russian family policy // *Labor Economics*. – 2019. – Т. 6. – No. 4. – P. 1491-1504.
4. Dedov E.G., Novikov A.S. Directions of state social policy in the field of family protection, motherhood and childhood in the Russian Federation // *System integration in healthcare*. – 2017. – No. 5 (35) [electronic resource].
5. Demidov D.G. Implementation of international legal standards for the protection of motherhood and childhood

- in the EAEU countries // URL: <file:///C:/Users/ADMIN/Downloads/61044963.pdf>.
6. Drozdova A.M. Institute of Motherhood and Childhood: current aspects and human rights activities // Law: history and modernity. – 2017. – No. 1. – P. 89-97.
 7. Kuznetsov A.A., Kedyk D.A. Protection of motherhood and childhood in the Russian Federation: constitutional and legal problems of theory and practice // Trends in the development of science and education. – 2023. – No. 97–5. – pp. 157-160.
 8. Lavrenko I.M. State social policy of the Russian Federation: experience and problems of transformation (80s - first half of the 90s of the XX century). – M.: Sotsium, 1999. – 216 p.
 9. Lutovinova N.V., Ovsyannikova A.A. Problems of protecting the institution of family, motherhood and childhood in the Russian Federation and ways to solve them // Problems of economics and legal practice. – 2017. – No. 2. – P. 137-141.
 10. Mikhailina O.M., Mikhailin V.N. Budget sources of financing support for motherhood and childhood in Russia // Bulletin of the State University of Management. – 2018. – No. 12. – P. 82–88.
 11. Nurullina E.R. Institute of motherhood in modern socio-economic conditions from the standpoint of the phenomenological approach // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2020. – No. 2. – P. 178-181.
 12. Prokhorova O.V. Social standards of motherhood and childhood in the world and Russia // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Ser.: Humanities and social sciences. – 2019. – No. 3. – P. 100-108.
 13. Putin V.V. State of Russia. The path to an effective state (On the situation in the country and the main directions of the state's domestic and foreign policy). Message of the President of the Russian Federation dated 07/08/2000 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22401/page/2>.
 14. Tkachenko A.V., Bogatova E.V. Protection of motherhood and childhood, family as an element of state family policy // Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. – 2021. – No. 2. – P. 47-53.
 15. Khodusov A.A. Constitutional and legal regulation of the protection of motherhood and childhood in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2020. – No. 2. – P. 61-68.